

А. И. Матюшенскій.

А 210
357

801-95
8908-4

**Отъ воровства
къ анархизму.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Сѣверъ», Садовая, 60.
1908.

ОТЪ АВТОРА.

Насъ побуждаетъ взяться за эту работу назрѣвшее новое теченіе въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, къ которымъ публика привыкла прикладывать шаблоны, построенные тысячи лѣтъ назадъ, и которые теперь явно разрушаются и становятся непригодными для опредѣленія дѣйствительно существующихъ отношеній между такъ называемыми лояльными группами съ одной стороны и профессиональными ворами и грабителями съ другой. Когда то безсознательная и разрозненная масса, эти послѣдніе начинаютъ пробуждаться и пытаются внести сознательность въ свои отношенія къ остальнымъ общественнымъ группамъ. Во главѣ этого движенія пока, конечно, выступаютъ еще сравнительно немногіе единицы, но, тѣмъ не менѣе, вліяніе этихъ единицъ на остальную массу профессиональныхъ воровъ несомнѣнно. Они пользуются въ средѣ своихъ товарищей неоспоримымъ авторитетомъ, часто граничащимъ съ полнымъ преклоненіемъ. Темная масса профессиональныхъ воровъ благоговѣйно внимаетъ каждому ихъ слову и готова слѣдовать за ними, когда и куда угодно. Между прочимъ, подъ вліяніемъ этихъ учителей жизни профессиональнаго воровства въ тюрьмахъ уголовные заключенные присоединялись къ политическимъ въ ихъ протестахъ и на ряду съ ними объявляли голодовки, обструкціи, предъявляли всевозможныя требованія.

На такія совмѣстныя выступленія уголовныхъ съ политическими принято смотрѣть, какъ на актъ солидарности съ существующими въ странѣ политическими

ми партіями, при чемъ уголовнымъ отводится подчиненная роль массы, покорно слѣдующей за болѣе сознательными группами. Въ дѣйствительности это нѣсколько не такъ. Въ дѣйствительности выступленія уголовныхъ имѣютъ болѣе самостоятельный характеръ; самоопредѣленіе играетъ болѣе значительную роль, чѣмъ принято думать. *Присоединяясь къ политическимъ партіямъ, они не перестаютъ быть профессиональными ворами;* они не отрекаются отъ своей соціальной группы. Напротивъ, они мыслятъ эту группу, какъ самостоятельную политическую единицу. И разница (въ психологіи) между ними и политическими партіями та, что въ то время, какъ послѣднія ведутъ борьбу съ правительствомъ въ цѣляхъ измѣненія общественнаго строя, они мыслятъ себя врагами капитала и капитализма—и только. Отсюда—равнодушное отношеніе къ конституціямъ, игнорированіе борьбы за парламентаризмъ и даже презрительное отношеніе къ этого рода борьбѣ. Въ этомъ мѣстѣ, очевидно, ими перебрасывается мостъ къ анархизму, по которому нѣкоторые изъ нихъ и мечтаютъ перейти чрезъ пропасть безыдейности профессиональной психологіи на берега чисто анархистской идеологіи.

Намъ остается только добавить къ этому, что мы ни въ коемъ случаѣ не претендуемъ на то, чтобы дать исчерпывающія данныя по этому вопросу. Нѣтъ, роль наша скромнѣе и проще. Мы хотимъ только обратить вниманіе общества на назрѣвающее въ его нѣдрахъ теченіе, въ надеждѣ, что нашъ скромный трудъ дастъ толчекъ этому, по нашему мнѣнію, чрезвычайно интересному и важному вопросу и привлечетъ къ нему болѣе солидныя научныя силы. Такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ, мы только *ставимъ вопросъ*, но ни въ коемъ случаѣ, не беремъ за его разрѣшеніе въ ту или иную сторону, а также отказываемся и отъ роли критика назрѣвающего теченія.

Авторъ

ГЛАВА I.

— Воровъ много, а знающихъ (среди нихъ), что такое воръ — разъ-два и обчелся.

Такъ оцѣнивалъ свою корпорацію одинъ профессиональный воръ лѣтъ 25 назадъ, когда я, что называется, босячилъ въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ. И къ этому опредѣленію онъ добавлялъ:

— Не въ томъ бѣда, что онъ воръ, а въ томъ бѣда, что самъ себя не понимаетъ и отъ своего собственнаго ремесла чурается... Уваженія нѣтъ къ себѣ.

— Но какое же можетъ быть уваженіе къ себѣ?— возражалъ я,—если человѣкъ чужими трудами живетъ...

— Чужими!—перебивалъ онъ меня. — Много ты понимаешь въ этомъ!..

— Да что же тутъ понимать! — въ свою очередь перебивалъ я. — Другіе работаютъ, наживаютъ, а ты придешь да готовенькое возьмешь!..

— Балда ты, осиновая!—вскакивалъ онъ изъ подъ лодки, подъ которой мы прятались отъ солнца.—Работаютъ, наживаютъ! Гдѣ это ты видѣлъ, чтобы работою наживали?! — наступалъ онъ на меня. — Гдѣ, скажи! пословицу слышалъ: «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ».. Вотъ этотъ давешній купецъ, у котораго ты работы просилъ, трудами онъ нажилъ два магазина, да три дома въ городѣ, да 5000 десятинъ земли въ уѣздѣ? трудами это все нажито? Вѣдь ежели ему рублевками дать весь его капиталъ, такъ онъ пересчитать его не успѣетъ за всю свою жизнь. А ты—трудами! Гдѣ это ты ви-

дѣлъ такую работу, что бы за нее тысячи тебѣ каждый день отваливали? Гдѣ?...

— Нигдѣ не видѣлъ,—спѣшилъ я согласиться. — Но что же изъ этого?

— А то, что онъ грабить, каждый день грабить, съ утра до вечера,—и уваженія къ себѣ не теряетъ. Поди ка, спроси его: «ваше грабительство, какъ вы о себѣ самомъ понимаете?» — Что онъ тебѣ на это отвѣтитъ?... Ну, чертова образаина, говори что онъ тебѣ на это скажетъ! — наступалъ онъ на меня, не дождавшись отвѣта.

— Что скажетъ? Ничего не скажетъ... велитъ прикащикамъ шею наkostenять.

— Ага!—удовлетворенно понижалъ тонъ мой оппонентъ. — Ничего не скажетъ и шею наkostenять велитъ... Это ты правду сказалъ, въ самый разъ угадалъ, точка въ точку попалъ... На кой чертъ онъ станетъ съ тобой разговаривать, коли онъ на тебя, какъ на мразь на какую смотреть, а о себѣ выше всего думаетъ. А вѣдь ты «честнымъ трудомъ» живешь. Вонъ какой сундучище вчера пять кварталовъ тащилъ за гривенникъ... Лошади, такъ впору. А онъ этотъ самый гривенникъ, съ той же самой курочки,—для которой ты «честно трудился», какъ самый глупый сивый меринъ,—въ единый моментъ сдеретъ. Она и глазомъ не мигнетъ, какъ гривенникъ изъ ея кармана въ его карманъ перескочитъ. Да она же ему въ поясъ кланяться будетъ, всякое ему уваженіе оказывать...

Я не возражалъ... «страха ради іудейска». Это былъ любимый конекъ моего собесѣдника, и возражать ему въ этомъ мѣстѣ его разсужденій было опасно. Онъ какъ то чрезвычайно быстро выходилъ изъ себя и бросался на оппонента, иногда съ ножомъ, который у него всегда былъ наготовѣ, за голенищемъ.

— Ты въ этомъ мѣстѣ «Яшку Профессора» не трошь,—говорилъ его закадычный другъ и пріятель

«Ванька Коловоротъ»,—потому—у него въ этомъ самомъ мѣстѣ душа не на мѣстѣ, и онъ зарѣзать можетъ, коли его растревожить.

Собственно за это «больное мѣсто» его и прозвали «профессоромъ». Во всякомъ мѣстѣ и во всякое время онъ готовъ былъ развивать свою теорію непорочности воровства и грабительства, рискуя каждый разъ участкомъ, въ особенности когда лекція читалась въ кабацкѣ, предъ пьяной компаніей.

Собственно, вся его теорія исчерпывалась однимъ умозаключеніемъ: ежели купецъ-грабитель пользуется всеобщимъ уваженіемъ, то почему недостойнъ такого же и даже сугубаго уваженія, онъ, Яшка Профессоръ.

Претензія собственно на *сугубое* уваженіе вытекала изъ того, что въ его Яшкиномъ ремеслѣ требуется и трудъ и отвага, тогда какъ купцу этого, по его мнѣнію, не требуется.

— Онъ сидитъ въ магазинѣ и ждетъ, когда къ нему «дуракъ» придетъ съ «честно заработанными» деньгами. А пришелъ—и готово. Сейчасъ онъ у него изъ каждаго рубля четвертакъ украдетъ. Ни труда, ни опаски, ничего. А, нутка, попробуй ты въ нашемъ ремеслѣ!—наступалъ онъ на своего противника оппонента.—Да намъ иногда такъ приходится работать, какъ ты никогда въ жизни не работалъ. Да кромѣ этого, мы своими собственными ребрами на каждомъ шагу рискуемъ, а то и жизни рѣшиться можемъ. Вѣдь, вотъ у тебя всей рухляди на три четвертака, а *приди* къ тебѣ, ты съ топоромъ полѣзешь: за три четвертака готовъ человѣка на смерть положить.

— А то миловать тебя!—соглашался Яшкинъ слушатель, какойнибудь квасникъ или продавецъ спичекъ.—Не ходи, коли топора не хочешь.

— Не ходи!.. Дурья голова!—ты то бы подумаль: развѣ три четвертака жизнь то человѣческая стоитъ?

— А ты не воруй, не лѣзь!..

— Не лѣзь!—тономъ ниже передразнивалъ Яшка

своего противника.—Потому и лѣзу, что такое ужъ мое ремесло: полагается мнѣ своей головой рисковать, я и рискую. Небось не испугаюсь, не только топора, а пострашнѣ чего. Что твой топоръ?.. Рубануль разъ—и духъ вонъ, и дѣлу конецъ. Такова ужъ, значить, судьба. Тутъ, по крайней мѣрѣ, кончина безъ мукъ, скорая. А ты вотъ попадись въ руки мужикамъ (крестьянамъ) на сѣнномъ базарѣ!..

— Мнѣ зачѣмъ попадаться? я не ворую.

— Не про тебя рѣчь! — обрывалъ Яшка. — Это такъ только говорится. Я про себя говорю. Пападиська имъ, что они съ тобой сдѣлаютъ?

— Да ужъ научатъ, какъ воровать.

— Научатъ! Много они научили? Тиранство это одно. Да я не про это тебѣ говорю. Я къ тому, что купецъ грабитъ безъ труда и безъ риску, и ему всяческое уваженіе,—а мы на смерть и на муки идемъ, а на насъ никто плюнуть не хочетъ. Почему? Объясни ты мнѣ это!

Но собесѣдникъ или ничего не объяснялъ или же говорилъ что нибудь несуразное, вродѣ:

— Потому купцу и уваженіе, что онъ человѣкъ съ капиталомъ и всякому соотвѣтствовать можетъ. Примѣрно, ежели полицеймейстеръ или архіерей къ нему пріѣдутъ, онъ сейчасъ имъ пирогъ съ осетриной, уху, тамъ, изъ первѣющихъ стерлядей и всякое прочее удовольствіе. Акромья того, въ церкви онъ на первомъ мѣстѣ стоитъ, свѣчку за цѣлковый ставитъ, просвирку тоже подаетъ не иначе, какъ съ полтинникомъ... Все, значить, честь-честью... Въ думѣ тоже о разныхъ, тамъ, дѣлахъ разсуждаетъ: какъ чему быть?..

Яшку Профессора такія разсужденія окончательно выводили изъ себя.

— Ну, что ты мелешь, дура стоеросовая!—набрасывался онъ на собесѣдника, увлекшагося описаніемъ буржуазнаго житія «честь-честью».—Пирогъ съ осетриной! уха изъ первѣющихъ стерлядей! свѣчка за

цѣлковый!... передразнивалъ онъ своего оппонента. — Выходитъ ежели я ограбилъ тебя да пирогомъ архіерея съ полицеймейстеромъ накормилъ, такъ мнѣ за это и въ поясъ кланяться надо!? Такъ?

— Не такъ...

— А какъ же, говори! за что купца уважаютъ?

Но припертый къ стѣнѣ собесѣдникъ тоже выходилъ изъ себя:

— Отстань! чего присталь, какъ банный листъ...

— Банный листъ!.. только это и знаете!—обращался онъ уже ко всей публикѣ.—Не въ пирогѣ тутъ дѣло, и не въ ухѣ, и не въ томъ, что купецъ свѣчки ставить и въ думѣ сидитъ! Это и я могу завтра все сдѣлать, ежели мнѣ пофартитъ распотрошить вотъ этого краснорожаго!—указывалъ онъ на кабатчика.

— Я тебя распотрашу,—обижался тотъ за «краснорожаго».—Такъ распотрошу, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь...

— Ну, ну, уймись! Чего раскудахтался... Не понимаешь, что это къ слову сказалось? Не тебя, такъ другого, это все единственно. Важно, что завтра я капиталъ цапну и начну пирогами кормить всякое начальство. Пожалуйте, молъ, къ Яшкѣ профессору на пирогъ. Кушайте и всяческое ему уваженіе оказывайте... Пойдутъ ко мнѣ архирей или, скажемъ, губернаторъ?—торжественно вопрошалъ профессоръ свою аудиторію.—Нѣтъ, не пойдутъ!. — давалъ онъ самъ себѣ отвѣтъ.—И никакого уваженія мнѣ оказывать не будутъ, потому—не въ пирогахъ тутъ дѣло и не въ свѣчкахъ, а въ томъ, что купецъ самъ себя понимать можетъ, самъ объ себѣ понимаетъ, что онъ первѣющій человѣкъ въ городѣ и всякое уваженіе ему полагается прежде всѣхъ...

Послѣднія слова онъ говорилъ особенно вѣско и съ удареніемъ; въ эти слова онъ вкладывалъ квинтъ—эссенцію своей мысли, «самоуваженіе вызываетъ уваженіе и со стороны другихъ».

Но аудиторія, обычно, тутъ улавливала только

одну комическую сторону. Предъ ней логически вставала картина, въ центрѣ которой стоитъ самоуважающій Яшка профессоръ и всенародно требуетъ уваженія къ себѣ «въ первую голову».

— Почтеніе Якову... какъ васъ по батюшкѣ?— начинали раскланиваться собесѣдники.

— Первое мѣсто ему скорѣ!

— Въ думу его!

— Ваше степенство, за вами карета отъ губернатора пріѣхала... На балъ пожалуйте, съ губернаторской дочкой въ первую кадфель пойдете...

Яшка блѣднѣлъ, губы его начинали трястись; онъ озирался, какъ волкъ, и... бросался на ближайшаго противника. Начиналась свалка, изъ которой Яшка выбирался не скоро и не всегда съ цѣлыми ребрами.

Его били вдвойнѣ. И за то, что онъ въ спорѣ всѣхъ приперъ, что называется, къ стѣнѣ,—и за то, что онъ воръ, котораго никогда не лишнее поколотить.

Таковы, обычно, были результаты его пропаганды въ мѣщанской средѣ. Его слушали, не знали что возразить и били.

Нѣсколько иные результаты той же пропаганды получались, когда Яшка профессоръ выступалъ предъ своей воровской братіей.

Тутъ его слушали и съ большимъ вниманіемъ и съ большимъ сочувствіемъ.

Аудиторія очень желала бы усвоить его убѣжденіе въ благородствѣ воровскаго ремесла. Не отказалась бы она, конечно, и отъ общественныхъ почестей. Кто же отъ этого откажется? Но предъ ней вставалъ во всей своей неразрѣшимости вопросъ:

— Почему вору, какъ такому, полагается уваженіе?

Искони воровъ презирали, ими гнушались, ихъ били, сажали въ тюрьмы, — а тутъ вдругъ начнутъ уважать и относиться съ почтеніемъ!?

— Купцы, тѣ другое дѣло! тѣхъ всегда уважали,— а мы? А насъ?..

Самъ Профессоръ тоже не давалъ на эти вопросы болѣе или менѣе удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Получивъ воспитаніе на улицѣ, онъ не могъ даже сослаться на тѣ историческія эпохи, когда грабежи считались рыцарскою доблестью, а торговый промыселъ находился въ презрѣніи.

Его разсужденія на этотъ счетъ были и туманны и сбивчивы; онъ и самъ только смутно чувствовалъ что то, а облечь это смутное нѣчто въ конкретныя формы не могъ.

И какъ всегда бываетъ съ людьми въ такомъ положеніи, начиналъ сердиться, что для Яшки профессора значило ругаться «на чемъ свѣтъ стоитъ».

Ты, чертово копыто, то пойми, что ежели ты самъ себя уважаешь, то и всѣ къ тебѣ съ почтеніемъ... Да... какъ этотъ самый купецъ. Или, возьмемъ, маляръ! Ежели онъ знаетъ свое ремесло до точности, такъ онъ высоко объ себѣ понимаетъ. Такъ и ты долженъ... всякому прямо въ глаза смотрѣть:—«я, молъ, въ своемъ дѣлѣ тоже не послѣдняя шишка!..» А ежели и послѣдняя, такъ тоже носъ не вѣшай: «тоже, молъ, при собственномъ дѣлѣ находимся, сами себѣ господа, къ вамъ обѣдать не ходимъ»...

Но тутъ, обычно, выступала чисто практическая сторона вопроса.

Аудиторія очень не прочь была «всякому прямо въ глаза смотрѣть» и разныя гордыя слова говорить, но она никакъ не могла себѣ представить, чтобы эти гордыя слова могли возымѣть дѣйствіе на постороннюю, не воровскую публику:

— Хорошо,—соглашался ктонибудь изъ слушателей,—между собой это мы можемъ уваженіе, значить, другъ другу оказывать и все прочее. Это, хоть сейчасъ, я тебѣ: «Яковъ Поликарпычъ, наше вамъ почтеніе»,—а ты мнѣ: «Иванъ Селиверстычъ, какъ себѣ поживать изволите?..» И всякія тамъ деликатности. Впервинку оно хоть и не въ привычку будетъ,—ну, а все же приучиться можно... И медвѣдя и

то обучаютъ разнымъ обращеніямъ, а человѣкъ не медвѣдь, хотя бы и нашъ братъ воръ...

Профессоръ сіялъ въ такихъ случаяхъ, качалъ головой въ тактъ словъ сговорчиваго собесѣдника и говорилъ:

— Такъ, такъ... Вотъ, умныя слова!

Но тотъ махнувъ рукой, осаживалъ его:

— Да ты погоди такать то! Дай до дѣла договорить... Между собой это можно, говорю. А какъ ты другихъ прочихъ то заставишь себя уважать?..

— А такъ: уважай себя и всѣ будутъ уважать!— перебивалъ Яшка.

— Заладила сорока Якова... ну, вотъ идешь ты по улицѣ, а на встрѣчу тебѣ приставъ... ты за уголь стрекача не задашь?—вдругъ въ упоръ спрашивалъ собесѣдникъ Яшку.

— Н—нѣтъ, ужъ за уголь тогда нельзя,—нерѣшительно тянулъ слова Яшка.—Нѣтъ, тогда ужъ иди прямо. Онъ, примѣрно, по троттуару на встрѣчу тебѣ, и ты тоже... ни Боже мой, чтобы въ сторону. Какъ слѣдъ... сразу, чтобы видно было, какъ ты самъ о себѣ понимаешь.

— Такъ, значитъ, рыло поднять и итти на него?

— Ну, да...

— Онъ тебя по рылу то и хватить!—неожиданно обрывалъ оппонентъ.

— Губы то и растворожить!—соглашались слушатели.

— Съ нашимъ почтеніемъ, значитъ, прямо въ морду!

— Принимайте, Яковъ Поликарпычъ, почетъ и уваженіе!

— Не желаете ли прибавочки?

— Сколько угодно: требуйте не стѣсняйтесь!

— Съ троттуара то и полетишь вверхъ копытами!

— Свинымъ рыломъ да прямо въ грязь...

— Въ надлежащее, значитъ, мѣсто!—сыпалось на Яшку, какъ изъ мѣшка, со всѣхъ сторонъ.

Онъ растерянно озирался кругомъ. И даже не ругался. Слишкомъ ужъ живо предъ нимъ самимъ вставала картина встрѣчи самоуважающаго вора съ полицейскимъ приставомъ.

Все же чрезъ минуту онъ оправлялся и рычалъ:

— Ну что гогочете, какъ жеребцы стоялые? Чему, обрадовались? Приставъ! Сейчасъ и приставъ! Приставъ не насъ только по мордѣ бьетъ: у него должность такая. А ты бери простого человѣка.

— А «простые» то насъ не бьютъ? Милуютъ, поди!

— Такъ это ежели ты «на дѣлѣ» попался. Это другое дѣло. А ты бери такъ, не «на дѣлѣ», значитъ, а по житейскому обиходу. Ты, скажемъ, въ кабакъ пришелъ и онъ тоже: каждый за свои деньги выпиваетъ...

— Ну такъ чтоже, и выпиваете! И все же онъ тебя за вора считаетъ, за послѣдняго, значитъ, человѣка...

— А ты ему скажи,—перебивалъ Яшка:—«я воръ, а ты маляръ или печникъ—и это все единственно, всякій при своемъ, значитъ, дѣлѣ находится, своими способами кормится»...

— И сейчасъ онъ тебя уважать начнетъ?—ехидно вопрошалъ кто нибудь изъ компаніи.

— Держи карманъ шире:—сейчасъ почтеніе горстями сыпать будутъ,—поддерживалъ его другой.

— Низкіе поклоны отвѣшивать начнутъ!—вставлялъ и свое слово третій.

— А что же!—вскакивалъ Яшка.—Чѣмъ воръ хуже вотъ этой «собаки», *) чѣмъ онъ красивѣе насъ? Что онъ лаеетъ то цѣлый день на людей,—такъ въ этомъ не велика заслуга! Это и каждый можетъ, у кого глотка широкая,—указывалъ онъ на случайнаго прохожаго.

*) Собака—приказчикъ при нагрузкѣ и выгрузкѣ баржъ. Его обязанность—кричать (лаять) на грузчиковъ.

— Да кто тебѣ говоритъ, что онъ лучше насъ? Много и по хуже его найдется. Вонъ купецъ Р-овъ родного отца отравилъ, а родную тетку какъ липку ободралъ. Да, вѣдь, все это не то, что наше дѣло...

— Выходить, что онъ отравилъ и ограбилъ, и ему почетъ!—горячился Яшка.—А я у него украду на пятитку, такъ мнѣ за это въ глаза плевать!

— И наплюють,—не безъ горечи въ голосѣ подтверждали фактъ собесѣдники.

Несправедливость отношеній въ данномъ случаѣ признавалась ими полностью. Но фактъ все же оставался фактомъ, стоялъ предъ ними во весь свой ростъ.

Купецъ Р-овъ и отравитель—отцеубійца и грабитель, однако пользуется всѣми преимуществами своего положенія. Если же у того же Р-ова изъ добытыхъ убійствомъ и грабежемъ миллионовъ Яшка Профессоръ или Ванька Коловертъ украдетъ на три рубля, то получить за то и презрѣніе въ полной мѣрѣ, и изобьютъ его до полусмерти, и въ тюрьму еще засадятъ.

— Какъ ты не хорохорься, а по шеѣ накостыляютъ и въ участокъ отправятъ.

— Воруй да не попадайся!—сентенціозно заканчивалъ споръ кто нибудь.

Но этой сентенціей вопросъ, очевидно, нисколько не подвигался впередъ. Этимъ, до извѣстной степени, разъяснялся только фактъ съ отцеубійцей и грабителемъ купцомъ, къ которому и общество и оффиціальная власть всецѣло прилагали правило, по которому:

— Не пойманъ, не воръ.

Вопросъ же о воровствѣ, какъ о допустимой или недопустимой профессіи, попрежнему висѣлъ въ воздухѣ. Какъ къ нему ни подходили, все онъ не поддавался сколько-нибудь удовлетворительному рѣшенію.

Шаблонное рѣшеніе: воровство не честный трудъ,—профессіональныхъ воровъ, воровъ съ дѣтства и въ силу непреодолимой необходимости, не могло, очевидно, удовлетворить.

Въ силу особенностей своего промысла, они были и должны были быть, внимательными наблюдателями повседневной жизни. И эти наблюдения давали имъ факты, изъ которыхъ явствовало, что раздѣленіе профессій на честныя и не честныя въ значительной мѣрѣ произвольно.

Они понимали, и не могли не понимать, что далеко не суммой труда оцѣнивается относительная, «честность» профессіи. Почести достаются далеко не тѣмъ, кто много трудится. Напротивъ, наличность почестей какъ разъ совпадаетъ съ отсутствіемъ тяжести труда. Отсюда, естественно, у нихъ возникалъ вопросъ:

— Почему это?

И этотъ вопросъ тѣмъ болѣе осложнялся для нихъ, что они, по своему невѣжеству, не могли провести границы между наружными почестями и дѣйствительнымъ уваженіемъ. Такія тонкія различія для нихъ, были недоступны, они, можетъ быть, и чувствовали ихъ смутно, какъ въ туманѣ, но словъ для опредѣленія ихъ не имѣли.

Тутъ они натыкались на ту темную область, въ которой имъ приходилось блуждать ощупью, наугадъ хватаясь за первый попавшійся предметъ.

— Хорошо! Вотъ, теперь, скажемъ Трясогузка ¹⁾— трудится онъ? А какой ему почетъ!— начиналъ свои изысканія кто-нибудь изъ компаніи.

— А чѣмъ онъ отличается отъ насъ?—поддерживалъ его другой.

— Мы, воруемъ, рискуемъ своей шкурой, а онъ на насъ деньги наживаетъ.

— Вчера онъ мнѣ за дюжину серебряныхъ ложекъ (столовыхъ) три рубля отвалилъ.

— А самъ ихъ рублей за восемнадцать продастъ.

— А чѣмъ онъ рискуетъ?

¹⁾ Закладчикъ, прозванный Трясогузкой за его привычку трясти бородой.

— Ничѣмъ. Ежели и найдутъ у него, такъ разговоръ коротокъ: «у меня контора, — почемъ я знаю: свои ко мнѣ вещи несутъ или чужіе? На нихъ не написано, что они краденые».

— Ни ему труда, ни страху, ни отвѣту... Приставъ съ нимъ за ручку, а околочный за версту козыряетъ: мое вамъ почтеніе, значить, «честный труженикъ»! Какъ живете можете? Какъ себѣ брюхо наѣдаете отъ воровского добра?

— Нашей кровью, можно сказать, живеть! — рычитъ откуда-нибудь изъ темнаго угла Яшка Профессоръ.— Вотъ оно и понимай, какъ оно на свѣтѣ бываетъ! Понимай и чувствуй, каковъ онъ «честный трудъ» бываетъ.

— Честный! Да укради у него же отца родного, онъ купитъ, не разстанется, только подешевле отдай!

— Честный труженикъ! Ему воровское-то прине-сешь, такъ онъ такъ глазами и ѣсть вещь-то... Дро-жить весь, собака!

ГЛАВА II.

«Трясогузка» былъ, конечно, не единственнымъ, на которомъ останавливалось вниманіе корпораціи воровъ. Окружающая ихъ жизнь, въ которой они кипѣли, какъ въ котлѣ, то опускаясь на самое дно, то на одинъ моментъ выныривая на поверхность, давала массу такихъ примѣровъ, на каждомъ шагу.

Помню, воровская компанія съ живѣйшимъ интересомъ обсуждала «ловкую» продѣлку купца С—а съ купцомъ Р—ымъ.

С—инъ былъ звѣздой первой величины въ городѣ; всѣ его знали, какъ благотворителя, мецената и ревнителя просвѣщенія. И онъ, дѣйствительно, не жалѣлъ средствъ, широкой рукой разбрасывая чеки всюду, гдѣ былъ ярлыкъ общепользнаго дѣла.

Репутація его была внѣ всякихъ сомнѣній. Ходили, правда, весьма прозрачные слухи о его походеженіяхъ по женской части, — но этого ему никто въ вину не ставилъ:

— Вѣдь это такая широкая натура! онъ... такъ цѣнить красоту...

И вдругъ у слѣдователя возникаетъ дѣло о подлогѣ на 200 т. рублей, при чемъ обвиняемымъ является никто иной, какъ всѣми уважаемый С—инъ, а истцомъ-обвинителемъ всѣми ненавидимый Р—овъ, тотъ самый, который отравилъ отца и пустилъ по міру тетку.

Подлогъ былъ совершенъ такъ чисто и въ то же время такъ прозрачно, что съ одной стороны никто не сомнѣвался въ фактѣ подлога, а съ другой всѣ были рады, что этотъ кровопійца-паукъ, наконецъ, попался».

— Молодецъ, С—инъ, такъ ему и надо!

Таковъ былъ основной тонъ отношеній публики къ дѣлу С—на съ Р—ымъ.

Всѣ злорадствовали.

Но для корпораціи воровъ въ этомъ дѣлѣ была еще и другая сторона. Они такъ же, какъ и всѣ, злорадствовали, что Р—овъ попался на 200 тысячъ, но въ то же время задавали вопросъ:

— Но .. все же С—инъ укралъ? Надулъ, смошенничалъ! Совершилъ тоже, что дѣлаетъ Гришка Художникъ, когда продаетъ деревенскимъ простакамъ пачку цвѣтной бумаги вмѣсто фальшивыхъ кредитокъ. Однако, онъ, какъ былъ другомъ и пріателемъ губернатора и всей городской знати, такъ и остался.

Продѣлка настолько тонкая, что нѣтъ доказательствъ?

Но вѣдь и у Гришки тоже нѣтъ доказательствъ и не можетъ быть. Якобы фальшивыя кредитки продаются наединѣ, передаются гдѣ-нибудь за угломъ изъ полы въ полу, — однако, когда обманутый мужикъ приходитъ въ участокъ и на колѣняхъ каится въ

своемъ дурномъ замыслѣ и въ своей оплошности, приставъ тотчасъ посылаетъ за Гришкой художникомъ и съ перваго слова:

Отдай деньги, сукинъ-сынъ!

А ежели Гришка вздумаетъ заператься, то въ морду.

Правда и то, что у пристава тутъ своя выгода — отобранныя у Гришки деньги онъ дѣлитъ съ потерпѣвшимъ пополамъ.

— Но почему онъ не поступаетъ также и въ дѣлѣ С—ина съ Р—ымъ?

Призвалъ бы С—ина и:

— Отдай деньги, сукинъ-сынъ!

Вѣдь никто, а въ томъ числѣ и приставъ, не сомнѣвается, что С—инъ совершилъ подлогъ.

— И слѣдователь, небось, не сажаетъ его въ тюрьму! — съ горечью и со злобой говоритъ Яшка Профессоръ.

— А насъ—виноватъ или не виноватъ—садись въ тюрьму: тамъ судъ опосля разберетъ. А судъ-то черезъ годъ, а то и черезъ два — жди его, парься въ казенномъ домѣ.

— Вотъ она правда то: одинъ и не укралъ, да садись къ Федосѣичу ¹⁾, а другой всѣмъ завѣдомо воръ, да чай съ губернаторомъ распиваетъ.

Несправедливость отношеній законной власти въ данномъ случаѣ настолько возмущала корпорацію, что на этотъ разъ не проявлялась даже присущая ей способность во всемъ находить комическую сторону.

Дѣйствія властей слишкомъ близко касались ихъ самихъ и слишкомъ непосредственно и болѣзненно задѣвали ихъ интересы.

При томъ же они чутьемъ угадывали, что въ этомъ фактѣ имѣется на лицо не одинъ только произволъ начальства, а нѣчто болѣе важное и постоянное.

Они понимали, что этотъ фактъ выходитъ изъ

1) Федосѣичъ—смотритель тюрьмы.

компетенціи административныхъ властей, этихъ постоянныхъ носителей усмотрѣнія, — что тутъ дѣйствуютъ судебныя власти и дѣйствуютъ въ точности, придерживаясь буквы закона.

И возмущало ихъ именно то, что самъ законъ одного бьетъ беспощадно, а другого милуетъ, относится къ нему осторожно и даже съ нѣжностью.

— Вотъ тебѣ и законъ! — хрипѣлъ Профессоръ.

— Для насъ одинъ, а для нихъ другой.

— Намъ пожестче, а имъ помягче, съ пружиннымъ матрасомъ.

— Съ пуховичкомъ!.. Чтобы купецкому тѣлу бѣлому не жестко было.

— А сдѣлай это мы! Попробуй-ка, протяни руку за двумястами тысячами! Сейчасъ, сколько насъ есть, всѣхъ въ участокъ заберутъ, безъ разбору!.. И начнутъ тиранствовать...

— Насъ до слѣдователя-то и не допустятъ, пока всѣ потроха не вытрясутъ. Въ живѣ не останешься.

Но и этотъ случай нисколько не подвигалъ ихъ къ разрѣшенію вопроса:

— Почему одному паразиту честь и почетъ, а другому, значительно менѣ крупному паразиту, тюрьма и полицейское тиранство?

При оцѣнкѣ отношеній закона къ С—ину и къ нимъ они близко подходили къ разрѣшенію этого вопроса. Имъ оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы затѣмъ окинуть взглядомъ весь горизонтъ правоотношеній въ капиталистическомъ государствѣ. Но этого-то шага они и не могли сдѣлать и уклонялись въ сторону.

Сознаніе, что паразитизмъ однихъ законъ охраняетъ, а паразитизмъ другихъ преслѣдуетъ и беспощадно караетъ, пожалуй, до извѣстной степени, хотя и смутно, уже складывалось у нихъ въ головахъ. Несправедливость и неравномѣрность отношенія закона къ однимъ и другимъ они видѣли и чувствовали.

Но эта несправедливость и неравномѣрность ка-

залась имъ какимъ то случайнымъ недосмотромъ или недобросовѣстностью отдѣльныхъ чиновниковъ, авторовъ закона, которые именно только въ этомъ случаѣ и сыграли въ руку богатымъ.

Словомъ, имъ тутъ представлялась какая то закулисная частная сдѣлка, въ результатѣ которой и оказались отдѣльные несправедливые законы.

Какой-либо общей тенденціи законодательства они не подозрѣвали; такое обобщеніе имъ было недоступно.

А безъ этого и всѣ усилія ихъ уяснить свое собственное положеніе въ ряду остальныхъ соціальныхъ группъ оставались безплодными. Они топтались на одномъ мѣстѣ, не умѣя перешагнуть за черту, заколдованнаго круга недоумѣній, ежедневно порождаемыхъ противорѣчивыми отношеніями закона и самого общества къ однороднымъ, казалось бы фактамъ и явленіямъ.

А между тѣмъ порывъ за эту то черту и порождалъ всѣ споры и разговоры. Это была чисто инстинктивная потребность въ самоопредѣленіи, потребность найти свое мѣсто въ ряду другихъ соціальныхъ группъ.

У профессиональныхъ воровъ потребность эта тѣмъ болѣе сильна, что всѣ общественныя группы на каждомъ шагу сталкивались съ ними своими наиболѣе острыми углами, чѣмъ и причиняли имъ, какъ группѣ, невыносимыя страданія. Они, какъ группа, представляли изъ себя живое тѣло, въ которое острыми клиньями врѣзывались всѣ остальныя группы, и разрывали его на части.

Положеніе, съ которымъ, конечно, не можетъ примириться ни одна группа, какъ бы она ни была невѣжественна и груба по своему составу.

Невыносимыя страданія, чисто физическаго свойства, уже сами по себѣ заставляютъ ее метаться изъ стороны въ сторону въ поискахъ такого положенія, которое хотя отчасти избавило бы отъ дѣйствія острыхъ угловъ.

Но что бы избавиться отъ дѣйствія острыхъ угловъ, нужно знать тотъ центръ, изъ котораго они исходятъ и получаютъ именно данное направление.

А они этого то и не знали: это то опредѣленіе имъ и не давалось. Они чувствовали только боль. А кто и что является виновникомъ этой боли и страданій, неизвѣстно.

Имъ казалось, что всѣ виноваты одинаково.

— Всѣ насъ бьютъ! — какъ говорилъ Ванька Коловертъ.

И въ этомъ отношеніи Ванька Коловертъ являлся выразителемъ настроенія большинства. За нимъ, такъ сказать, стояла вся масса воровъ.

Всѣ думали, что «всѣ ихъ бьютъ», и въ этомъ битѣ одинаково виновными считали всѣхъ.

Приставъ, городской, крестьянинъ, купецъ, слесарь, лудильщикъ, пирожникъ, попъ, слѣдователь, писарь, ростовщикъ, перекупщикъ краденнаго—всѣ стояли на одной доскѣ, на одной позиціи, какъ враги воровской корпораціи.

Исключеніе составляли только одни босяки, какъ группа до извѣстной степени близкая группѣ воровъ, не отдѣленная отъ нихъ болѣе или менѣе рѣзкой чертой.

Тутъ отношенія можно назвать вполне мирными, хотя съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія со стороны воровъ.

Воръ считаетъ босяка, собственно, «своимъ братомъ», въ которомъ, однако, видитъ нѣкоторыя отрицательныя черты—это нежеланіе встать по отношенію къ обществу въ явно боевую позицію.

— Работать онъ не любитъ, а «взять» боится.

Такимъ опредѣленіемъ воръ хочетъ сказать, что принципиально босякъ ничего не имѣетъ противъ воровства, но боится встать въ активно враждебное положеніе къ обществу.

Отсюда — опредѣленіе, что босяки вообще не активная группа.

— Они больше языкомъ. Послушать ихъ, такъ

они куда какіе большіе! А посмотришь его въ дѣлѣ, онъ заяцъ зайцемъ: ушки прижметъ да и смотритъ, какъ бы не опоздать стрекача задать.

Но голодъ и зайца заставляетъ воровски забѣгать на мужицкое гумно. Поэтому и босяки нерѣдко подкрѣпляютъ свой бюджетъ воровствомъ, въ особенности тѣ, которые замоторѣли въ босячествѣ и смотрятъ на свое положеніе, какъ на опредѣлившееся на всю жизнь.

А этимъ уже окончательно сглаживается граница между двумя въ существѣ своемъ самостоятельными группами.

Воры смотрятъ на босяковъ сверху внизъ, но своими антагонистами ихъ не считаютъ.

— Все же они фартовые ребята.

За эту же фартовость воръ снисходительно относится и къ проституткѣ, хотя уваженія къ ней и ея ремеслу не чувствуетъ.

— Барская подкладка!

Но эта «барская подкладка», во первыхъ, находится въ тѣхъ же «коляхъ и мяляхъ», что и воръ; во вторыхъ, оказывается единственно доступной ему женщиной; и въ третьихъ, часто необходима ему, какъ помощница, т. е. въ послѣднемъ случаѣ берется за его же ремесло, — а поэтому и достойна зачисленія въ разрядъ друзей и ни въ какомъ случаѣ не является врагомъ.

Всѣ остальные социальныя группы — враги въ глазахъ вора.

И если исключить единицы, вродѣ Яшки Профессора, мечущіяся въ поискахъ идеальнаго положенія для вора, какъ такового, — то остальная масса воровъ представится намъ замкнутой въ самой себѣ корпораціей, съ своей особенной психологіей, съ своими традиціями и рангами.

Корпорація эта, чуткая и отзывчивая на всѣ внѣшнія воздѣйствія, внутри себя застыла въ древнихъ традиціяхъ, которыми и жила, охраняя ихъ свято и ненарушимо до послѣдняго времени.

ГЛАВА III.

При оцѣнкѣ воровскихъ традицій и ранговъ прежде всего, конечно, встаетъ вопросъ объ ихъ цѣлесообразности и полезности для корпораціи въ ея цѣломъ.

Начнемъ съ ранговъ, такъ какъ они до самаго послѣдняго времени устанавливались согласно требованіямъ традиціи.

На самой верхней ступени, какъ извѣстно, стоятъ грабители-смертоубійцы. Это—воровская аристократія, аристократія по крови, такъ сказать, классъ воровскаго рыцарства.

Цѣнится тутъ цѣльность природы, выражающаяся въ крайней жестокости, не допускающей никакихъ компромиссовъ съ чувствомъ человѣчности.

— Ни капли чувствительности!—

Вотъ отрицательное опредѣленіе идеальнаго рыцаря.

— Онъ младенца зарѣжетъ, какъ ципленка: и бровью не моргнетъ.

— Ему это ни почемъ!

— Твердый человѣкъ!

Жестокость по отношенію къ другимъ непременно должна дополняться презрительнымъ отношеніемъ къ страданіямъ собственнаго тѣла, а затѣмъ и крайней дерзостью поступковъ.

— Камень—человѣкъ!

Багажъ такого «рыцаря», обыкновенно, характеризуется дерзкими разбойными нападеніями, съ десятками человѣческихъ жертвъ, побѣгами изъ каторги, терроризированіемъ населенія на волѣ и начальства въ тюрьмѣ, безъ одинаго стона вынесенными плетями, мѣсячными голодовками во время побѣговъ въ сибирской тайгѣ и другими подвигами выносливости съ одной стороны и жестокости съ другой.

— Его ничто не беретъ!
— Ему ничто не страшно.

Это обычная репутація «рыцаря большой дороги». Индивидуальные черты рыцаря до извѣстной степени совпадаютъ съ чертами былыхъ атамановъ разбойниковъ.

Это все таже цѣльная натура, выносливая, презирающая все и вся, поставленная только въ иныя условія жизни.

Эти то иныя условія и отражаются на типѣ воровского рыцаря въ невыгодную для него сторону.

Въ то время, какъ былинный атаманъ разбойниковъ наряду съ жестокостью обладалъ и возвышенными чертами благородства, былъ бойцомъ, наносящимъ и отражающимъ удары врага, — современный намъ его потомокъ представляетъ изъ себя ничто иное, какъ сильнаго, но затравленнаго звѣря, безумно бросающагося на перваго встрѣчнаго.

Сколько нибудь равная борьба для него ужъ не возможна, и поэтому ему приходится постоянно прятаться и укрываться,—и вотъ онъ изъ разбойника-рыцаря превращается въ разбойника-вора, совершенно утративъ такія черты, какъ великодушіе и справедливость.

Онъ звѣрь, притомъ же затравленный, а слѣдовательно съ помутившимся сознаниемъ.

— Онъ зарѣжетъ ребенка,—только, чтобы зарѣзать.

Рѣжетъ—въ состояніи безсильной злобы, въ состояніи крайней степени досады на свое безвыходное положеніе.

Впереди у него ничего нѣтъ. А въ своей эпизодической борьбѣ съ обществомъ онъ не можетъ разсчитывать выиграть ни одной битвы.

Онъ только и можетъ, что воровски, гдѣ нибудь за угломъ, или въ глухомъ безлюдномъ мѣстѣ, зарѣзать...

И рѣжетъ.

— Что въ немъ чтить корпорація?

Прежде всего, конечно, силу.

Темная масса вообще склонна къ преклоненію предъ силой, какова бы она ни была, на что бы она ни направлялась.

Даже сила официальнаго, казеннаго палача, и та способна увлекать толпу. Въ народѣ и сейчасъ ходитъ не мало разказовъ о палачахъ николаевскихъ временъ, однимъ ударомъ плети перебивавшихъ позвоночный столбъ несчастной жертвы.

А китайцы, какъ говорятъ, восхищаются, когда палачъ однимъ ударомъ сабли сноситъ голову осужденнаго.

Между тѣмъ, если взять въ отдѣльности съ одной стороны китайскаго и русскаго палача, а съ другой жертвъ китайскаго и нашего николаевскаго суда, то всѣ симпатіи той же толпы окажутся на сторонѣ жертвъ, а никакъ не палачей.

Сила, значитъ, выступаетъ тутъ какъ самоцѣнная величина, независимо отъ ея примѣненія, хотя бы и отвратительнаго.

Правда, тѣ же палачи за свое отвратительное ремесло, получаютъ должное и отъ той же толпы: она не только презираетъ ихъ, но и физически гнушается ими, чувствуетъ къ нимъ отвращеніе, какъ къ отвратительнымъ (поганымъ) людямъ.

Въ молодости я зналъ старика крестьянина, которому, случайно пришлось въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія везти палача изъ Саратова въ Царицынъ. На одномъ изъ этаповъ, какъ онъ рассказываетъ, его посадили обѣдать за однимъ столомъ съ его страшнымъ пассажиромъ.

— Что же ты думаешь!—разводитъ онъ руками.—Куска не могъ проглотить: тошнить, то и гляди вырветъ! такъ и вылъзъ изъ-за стола, одной ложки не схлебнувъ. Все мнѣ кажется, что изъ человѣчины щи то сварены. А онъ ѣстъ себѣ, ему хоть бы что!

Тутъ человѣкъ не только физически не въ состоя-

ни їсть съ палачемъ изъ одного блюда, но и удивляется, какъ онъ то, палачъ то, не чувствуетъ отвращенія къ себѣ и своему ремеслу и не теряетъ аппетита при видѣ варенаго мяса.

Болѣе отрицательнаго отношенія, кажется, нельзя себѣ представить.

Однако, тотъ же старикъ крестьянинъ совершенно забывалъ ощущенія совмѣстнаго обѣда, когда описывалъ послѣдующую картину торговой казни въ Царицынѣ.

— Красная рубаха на емъ! Ручищи—во! Весь рыжий! Глаза страшные! Какъ крикнетъ: «Берегись—ударю!» А потомъ: ррразъ!.. Такъ кровь ключемъ и брызнула. А барабаны: рры-ры-ры! рры-ры-ры!.. «Лошадь, говоритъ, съ одного удара могу убить на смерть, а человѣка — мнѣ наплевать». Вотъ какой онъ, палачъ то! Тоже не всякій это можетъ...

Послѣднія слова не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно психики старика-крестьянина въ моментъ наблюденія силы палача. Проявленіе этой силы какъ бы закрыло отъ него страдающую жертву. Онъ видитъ ключемъ бьющую кровь, но относится къ этому ключу и оцѣниваетъ его, какъ мастерское произведеніе палача, мастера своего дѣла.

Этому помогли, конечно, и барабаны, заглушавшіе крики жертвы, но центръ впечатлѣнія все же создавало обаяніе силы и мастерство удара.

Такова сила и ея воздѣйствіе на темную массу даже при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, когда зрители по существу враждебно относятся къ проявленію самой силы.

Этой враждебности, конечно, нельзя ожидать отъ темной массы воровъ, когда предъ этой массой встаетъ во весь ростъ «классическій злодѣй» изъ ихъ же среды.

И чѣмъ сильнѣе этотъ «злодѣй», тѣмъ больше его вліяніе.

Но такое преклоненіе предъ силой, направленной

на посторонніе и безразличные предметы, могло бы создать только чисто отвлеченное любованіе, какъ предметъ творческаго искусства природы.

Между тѣмъ, на практикѣ этимъ не ограничивается. Воровская масса фактически подчиняется подобнымъ субъектамъ, признаетъ ихъ власть надъ собой и мирится со всѣми тяготами этой власти и ея преимуществами.

Очевидно, что кромѣ простого поклоненія силъ тутъ и еще имѣется нѣчто, болѣе непосредственно касающееся интересовъ воровской корпораціи.

Это *ничто* до извѣстной степени выясняется предъ вами, когда вы слушаете такого «аристократа» и наблюдаете его аудиторію гдѣ нибудь на тюремномъ дворѣ, или въ вагонѣ при переѣздахъ по этапу.

Разсказъ обычно ведется въ самыхъ кровавыхъ рамкахъ.

— Онъ это въ карманъ руку, револьверъ достать хочетъ, а я его вотъ этими самыми руками за глотку!— разсказчикъ показываетъ жилистыя руки.— У него глаза на лобъ и вылѣзли...

— Такъ его и надо!—не выдерживаетъ восхищенная аудиторія.

— Съ леворвертомъ, толстопузый чортъ, ѣздить!

— Для нашего брата смерть съ собой возить!

Аудиторія тутъ въ «молодецкой» хваткѣ разсказчика видитъ актъ мести за то, что «онъ смерть съ собой для нашего брата возить».

Эта то роль мстителей за всѣхъ и даетъ такимъ «героямъ» фактическую власть надъ остальной воровской массой.

Это авангардъ воровской корпораціи, ведущій наиболѣе активную и кровавую борьбу съ враждебнымъ ей обществомъ.

Воровская кровная аристократія, въ глазахъ остальной воровской массы, выступаетъ, такимъ образомъ, въ роли мстителей, а вмѣстѣ и боевого авангарда.

Эту роль она не оставляетъ и въ стѣнахъ тюрьмы.

Она ведетъ борьбу съ тюремнымъ режимомъ; она же и мститъ тюремнымъ властямъ, если эти власти слишкомъ уже далеко заходятъ за черту тюремныхъ традицій.

Въ этомъ отношеніи тюремная кровная аристократія молчаливо принимаетъ на себя обязанность рисковать карцеромъ и, въ случаѣ надобности, итти даже на убійство тюремныхъ гонителей. И эти обязанности выполняются неуклонно, опять таки въ мѣру требованій тѣхъ же тюремныхъ традицій.

Отсюда возникаетъ кажущаяся полезность аристократіи для всей воровской корпорации.

Но только кажущаяся.

Въ дѣйствительности выступленія «аристократовъ» противъ тюремной администраціи никакъ не отзываются на положеніи остальной массы уголовныхъ заключенныхъ.

Да и не могутъ отозваться, и по очень простой причинѣ. Обычно эти выступленія вызываются какимъ либо частнымъ случаемъ, никакъ не относящимся къ общему тюремному режиму. Бываетъ и такъ, что столкновение вызывается желаніемъ тюремной администраціи встать на защиту терроризированной «аристократами» уголовной мелкой сошки.

Или же «аристократъ» просто «фордыбачитъ», «распускаетъ хвостъ» изъ одного желанія показать:

— Каковъ есть Гришка Соловей! И какъ объ немъ понимать нужно!

Отсюда и отношенія тюремной администраціи вообще къ выступленіямъ аристократовъ складываются весьма своеобразно.

Тюремное начальство, вообще не любящее скандаловъ, разъ навсегда усваиваетъ себѣ ту мысль, что съ «аристократами» нужно быть осторожнымъ. Къ нимъ нельзя придирается, въ особенности въ мелочахъ.

Но только къ нимъ!

На остальную массу заключенныхъ «осторожность» не распространяется. Тамъ можно позволять себѣ

все, и въ области режима и въ области хозяйственныхъ операцій.

Отсюда, если на «аристократахъ» всегда новыя чистыя куртки, крѣпкое бѣлье, если у нихъ сносная постель, хорошо выпеченный хлѣбъ и полная порція мяса во щахъ и масла въ кашѣ,—то это еще не значить, что и вся тюрьма пользуется тѣмъ же, и что—тюремная администрація совершенно отказалась отъ мысли смотрѣть на цейнгаузъ и кухню, какъ на доходныя статьи.

Напротивъ, чѣмъ новѣе на «аристократѣ» куртка, чѣмъ крѣпче и чище на немъ бѣлье, чѣмъ обильнѣе и питательнѣе обѣды, тѣмъ хуже положеніе во всѣхъ отношеніяхъ тюремной «демократіи».

Тюремная администрація, удовлетворяя, по возможности, потребности аристократовъ, тѣмъ самымъ, какъ бы, подкупаетъ элементы, способные къ протесту, и всею тяжестью режима и «экономическихъ сбереженій» обрушивается на остальную массу.

Поэтому тюрьма, гдѣ царятъ аристократы, самая несчастная тюрьма. Тутъ остальная масса заключенныхъ подпадаетъ подъ двойной гнетъ. Съ одной стороны ее давитъ тюремная администрація, а съ другой аристократія.

Повторяется тоже, что и въ жизни народовъ. Аристократія и правительство въ извѣстную эпоху жизни государства заключаютъ между собой союзъ и затѣмъ съ двухъ сторонъ налагаютъ всею тяжестью на демократію, стѣсняя и обирая ее до послѣдней степени возможнаго.

Въ тюрьмѣ эти черты особенно ярко вырисовываются, такъ какъ типы тамъ болѣе просты, непосредственны, а слѣдовательно и не сдержанны въ своихъ проявленіяхъ.

Какойнибудь Гришка Соловей и его братія стоятъ предъ вами во весь ростъ. Они пользуются репутаціей грозы начальства, постоянно готовы поддержать свой престижъ въ этомъ направленіи, но въ тоже время,

что называется, дружатъ съ тѣмъ же начальствомъ и оказываютъ ему различныя услуги, въ смыслѣ моральнаго воздѣйствія на остальную массу заключенныхъ.

Правда, до шпионства они рѣдко опускаются. Это было бы не совмѣстимо съ ихъ положеніемъ. Но на шпионство и наушничество со стороны отдѣльныхъ единицъ изъ среды тюремной демократіи смотрятъ сквозь пальцы, такъ сказать, мирятся съ этими явленіями и даже часто сочувствуютъ имъ, если они не задѣваютъ интересовъ самой аристократической группы.

Собственно, этимъ и объясняется процвѣтаніе въ тюрьмахъ (среди уголовныхъ) шпионства и наушничества. И то и другое находится подъ негласнымъ покровительствомъ арестантской головки.

Не будь этого, шпионы и наушники не могли бы существовать въ тюрьмахъ. Это самое неудобное мѣсто для нихъ,

Тутъ, во первыхъ, всякій шагъ на виду у всѣхъ, а, во вторыхъ, укрыться некуда. Шпионъ поневолѣ находится въ одномъ помѣщеніи, спитъ на однихъ нарахъ съ тѣми, за кѣмъ шпионить, на кого наушничаетъ. Онъ беззащитенъ и беспомощенъ. Время, когда послѣ вечерней повѣрки камера запирается, и вплоть до утренней повѣрки, вполне въ распоряженіи его враговъ, а самъ онъ въ ихъ полной власти.

Тюремная стража тамъ, гдѣ то за стѣной, а онъ тутъ, среди тѣхъ, которымъ онъ вредитъ ежедневно. Каждую минуту на его голову могутъ накинуть халатъ или соломенный тюфякъ и... затѣмъ, на утро изъ камеры вынесутъ трупъ шпиона.

Это иногда и бываетъ, но рѣдко и именно только въ тѣхъ случаяхъ, когда шпионъ пойдетъ противъ группы аристократовъ: вредитъ ихъ майданщику, донесетъ о подготовленіяхъ къ побѣгу или обнаружитъ какое нибудь производство, вродѣ выдѣлки фальшивыхъ монетъ и пр.

Тогда со шпиономъ расправляются, и тотчасъ же,

потому что съ самого начала его шпіонской карьеры знаетъ объ этомъ вся тюрьма.

И не будь молчаливаго потворства со стороны аристократіи, карьера всякаго тюремнаго шпіона пресѣкалась бы въ самомъ началѣ.

Опять-таки тутъ повторяется тоже, что и за стѣнами тюрьмы на волѣ. Шпіоны опираются, собственно, не на полицію и не на правительство, которому они непосредственно служатъ, а на привилегированные классы, которые своимъ молчаливымъ сочувствіемъ создаютъ шпіонажу вмѣстѣ и оплотъ и удобную обстановку.

Жизнь шпіона, конечно, и при такихъ условіяхъ не сладка, но все же создается возможность существованія.

Ни въ обществѣ вообще, ни въ тюрьмѣ въ частности шпіонъ не могъ бы существовать, если бы его не прикрывали собой, такъ называемые, высшіе классы и ихъ интересы.

Поэтому количество шпіоновъ есть лучшая (въ смыслѣ вѣрности) характеристика существующихъ въ странѣ или въ городѣ общественныхъ отношеній.

Много шпіоновъ—значить, господствующіе классы находятся въ сильнѣйшемъ антагонизмѣ съ остальной массой населенія. И, наоборотъ, мало шпіоновъ и вообще шпіонство мало развито—значить, антагонизмъ классовъ населенія сглаживается.

Въ Новой Зеландіи, вѣроятно, нѣтъ ни одного шпіона. А количество нашихъ російскихъ шпіоновъ,—и официальныхъ и добровольцевъ,—такъ велико, что имъ, вѣроятно, можно засѣлить всю Новую Зеландію, и густо заселить.

Но возвратимся къ тюремнымъ шпіонамъ.

Находясь подъ негласнымъ покровительствомъ тюремной «аристократіи», они чутьемъ угадываютъ свою зависимость отъ этой арестантской головки и прежде всего стараются заискивать у нея. А само заискиваніе опять-таки сводится ни къ чему иному, какъ къ чисто шпіонскимъ и научническимъ усугамъ.

Шпіонъ, прежде всего, освѣдомляетъ обо всемъ тюремную головку, а потомъ уже, нащупавъ тутъ почву, идетъ или не идетъ къ тюремному начальству, смотря потому, какъ отнеслась къ факту аристократія тюрьмы.

Безъ этой предосторожности онъ на каждомъ шагу рисковалъ бы своей головой

Значить, тюремная уголовная аристократія, не только потворствуетъ шпіонамъ, но косвенно и санкціонируетъ ихъ существованіе, молчаливо принимая на себя контроль за ними.

Связь, какъ видите, и всесторонняя и весьма прозрачная.

Тѣмъ не менѣе темная масса тюремной демократіи не видитъ этой связи своихъ аристократовъ съ шпіонажемъ.

Въ ея глазахъ аристократъ и шпіонъ такъ далеки другъ отъ друга, что какое-либо сближеніе ихъ было бы прямымъ оскорбленіемъ для аристократа.

Тюремный аристократъ опять-таки и въ данномъ случаѣ стоитъ на той же позиціи, на какой утвердился и вся аристократія земного шара. Шпіонство она считаетъ позорнымъ ремесломъ, шпіоновъ презираетъ, близостью къ нимъ гнушается,—но... въ то же время культивируетъ шпіонажъ и насаждаетъ шпіоновъ, какъ необходимое въ повседневной жизни растеніе.

Позиція и удобная и необходимая, чтобы сохранить всю силу моральнаго вліянія на темныя массы, не видящія, какъ и вездѣ, дальше своего носа.

И вліяніе тюремныхъ аристократовъ на подвластную имъ демократію сохраняется. О какой-либо враждебности отношеній со стороны послѣднихъ къ первымъ не можетъ быть и рѣчи, если не брать частныхъ случаевъ, когда враждебность вызывается чисто индивидуальными непріятными чертами отдѣльных «аристократовъ».

Сама же аристократія, несмотря на явное соглашеніе съ тюремной администраціей и покровительство, оказываемое ею шпіонажу, остается на высотѣ

почитаемой группы, которой по праву принадлежит руководящая роль.

Этому отчасти способствуетъ и то, что въ лицѣ аристократа по крови совмѣщается и аристократъ по уму, или, по крайней мѣрѣ, по практической опытности и юридическимъ познаніямъ въ области уголовного права.

Каждый аристократъ обычно имѣетъ за собой достаточно длинный рядъ судимостей и тюремныхъ скитаній. Отчасти на собственной шкурѣ, а отчасти со словъ другихъ онъ усваиваетъ и запоминаетъ всѣ тонкости уголовного законодательства и процессуальной волокиты, касающихся воровского и разбойнаго промысла *).

Въ эти тонкости онъ и посвящаетъ новичковъ и неопытныхъ тюремныхъ сидѣльцевъ. А такъ какъ неопытность и новизна положенія обыкновенно совпадаютъ съ юношескимъ возрастомъ просвѣщаемыхъ, то аристократія, естественно, и выступаетъ въ роли группы, руководящей тюремной молодежи.

Роль, какъ извѣстно, наиболѣе выигрышная и наиболѣе благодарная. Владѣть умами молодежи, это, значитъ, владѣть наиболѣе активными силами тюрьмы и быть непобѣдимымъ.

Молодежь чтитъ своихъ учителей и съ свойственной молодости довѣрчивостью идетъ за ними, готовая защищать ихъ на каждомъ шагу. Эта довѣрчивость и горячность молодости эксплуатируются тюремной аристократіей всѣми способами и во всѣхъ областяхъ жизни, не исключая и самыхъ гнусныхъ актовъ и сношеній.

*) Мы нигдѣ не дѣлаемъ различія между ворами и разбойниками, такъ какъ чистыхъ разбойниковъ въ наше время почти не существуетъ. Судебные процессы о разбоѣ и осужденные за разбоѣ бываютъ и сейчасъ, но въ качествѣ разбойниковъ выступаютъ тутъ тѣ же профессиональные воры, совершающіе разбойный актъ въ силу случайно благоприятно сложившихся для этого обстоятельствъ. *Авт.*

Учителя тутъ дѣйствуютъ, какъ разъ обратно, желательному. Въ души и умы своихъ учениковъ они вносятъ разлагающія начала и на почвѣ разложенія культивируютъ нужную имъ прежде всего податливость и сговорчивость на все. Вырабатывается, такимъ образомъ, готовность на всякій поступокъ, каковъ бы онъ ни былъ.

Но тутъ нужно сказать, что въ этой области съ аристократами крови успѣшно конкурируетъ тюремная «интеллигенція», роль которой выполняется шулерами, различными червонными валетами и пр. Эта категорія арестантовъ умственно стоитъ далеко выше тѣхъ, которыхъ мы здѣсь называемъ «аристократами крови». Тутъ не рѣдко случаются люди съ «настоящимъ» образованіемъ, вышедшіе изъ культурной среды.

Въ тюрьмѣ они рѣзко отличаются отъ остальной арестантской массы, не исключая и аристократовъ крови. Они, какъ болѣе обеспеченные, держатся особнякомъ, своимъ кружкомъ, если онъ есть.

Но это особнячество конечно, не полагаетъ непреходимыхъ границъ между тѣми и другими. Камера все же остается для всѣхъ одна, и разговоры между собой тюремныхъ «интеллигентовъ» не проходятъ мимо ушей всѣхъ остальныхъ. А при такихъ условіяхъ свой, кружковый разговоръ, почти всегда, неминуемо переходитъ въ общій. Тюремные «интеллигенты» просвѣщаютъ тюремную молодежь уже въ другой области.

Если «аристократы крови» просвѣщаютъ ее въ области техники кражи всѣхъ родовъ и видовъ, то тюремная интеллигенція живописуетъ изъ области шулерства, многоженства (въ цѣляхъ, конечно, полученія приданого за каждой женой), подлоговъ, сутенерства и пр. и т. д.

Проводя грубую черту между учителями той и другой категоріи, можно сказать, что одни специализировались въ области чисто уголовного права, а другіе изучили всѣ лазейки гражданского права, черезъ ко-

торыя безпрепятственно и безопасно можно пролѣзть къ любой уголовщинѣ.

Получается, такимъ образомъ, достаточно широкая программа преподаванія юридическихъ наукъ.

И преподаются эти науки не сухо и безжизненно, какъ это дѣлается въ университетахъ.

Нѣтъ, всякое законоположеніе иллюстрируется тѣми практическими послѣдствіями, которые вытекаютъ изъ его примѣненія въ различныхъ случаяхъ жизни. Тюремный лекторъ обыкновенно живописуетъ:

— Скажемъ теперь—законы о женитьбѣ. Всѣ они на твоей сторонѣ, коли ты мужчина съ понятіемъ. Женился ты, и жена вся твоя, со всѣми потрохами. Хочешь ты у нея приданое отнять — можешь, хотя бы оно и было въ самомъ государственномъ банкѣ... Сама отдастъ... Нужно только съ понятіемъ взяться за нее. И все чтобы было по закону. Бить законъ не велить — не тронь! Пальцемъ не тронь. Иначе она можетъ отдѣльный видъ выхлопотать, и тогда ты къ ней не подступишься...

— Бить—ни-ни, нельзя, коли навѣрняка хочешь взять. Ну, а все остальное можешь. Замѣчай, что она не любитъ, что ей не понутру — это и дѣлай, пока не отдастъ всѣ деньги. А деньги отдала, и канитель кончена. Поѣзжай въ другой городъ, объявляйся бариномъ: «на свой, молъ, капиталъ живемъ, сами себѣ удовольствіе доставляемъ», — и другую такую же дуру ищи! Да не бросайся на всякую сотню, а выбирай съ хорошимъ капиталомъ, чтобы было изъ-за чего «городъ портить». Вѣдь ужъ разъ ты въ какомъ городѣ женился, то въ другой разъ въ томъ же городѣ не женишься...

Это отрывокъ изъ лекціи о многоженствѣ. Отрывокъ сокращенный, такъ какъ не содержитъ въ себѣ конкретныхъ указаній тѣхъ способовъ, какими нужно изводить жену, чтобы добиться врученія приданого. Тюремные лекторы это мѣсто лекціи иллюстрируютъ картинами собственнаго житія съ женами, не желавшими отдавать приданого...

Эти картины сами по себѣ могли бы составить цѣлую книгу и не безынтересную въ смыслѣ обрисованія положенія женщины, но къ нашей цѣли это никакъ не относится, и мы ихъ опускаемъ.

Для насъ важно установить тотъ путь, по которому тюремная «интеллигенція» ведетъ темную тюремную массу. Это мы и постараемся выяснить въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

— Настоящій арестантъ ничего не признаетъ, ему все «трынь трава!»—говоритъ обычно главарь камеры или тюрьмы, претендующій на званіе идеальнаго арестанта.

Все—трынь трава.—Это значитъ, что человѣка ничто не останавливаетъ на пути къ его цѣлямъ. Что бы ни встрѣтилось на его пути, онъ взмахнулъ косою рѣшимости, и всякія препятствія пали... Въ воздухѣ проносится только характерный звукъ отъ соприкосновенія косы съ травой: «тр—нъ!» Никакого впечатлѣнія, никакого воздѣйствія, хотя бы падали самыя священныя преграды.

— Тры-н-нъ!

И онъ, идеальный арестантъ, идетъ дальше, и столь же рѣшительно и легко «рѣжетъ» слѣдующія препятствія:

Религія, мораль, гуманность, традиціи, предразсудки,—все одинаково презирается, одинаково ниспровергается, какъ досадное препятствіе, мѣшающее человѣку жить, какъ онъ хочетъ.

Человѣкомъ руководятъ и надъ нимъ властвуютъ только его собственныя желанія. Ничто и никто больше.

А отсюда, и его поступки и вообще поведеніе по от-

ношенію къ другимъ въ свою очередь зависятъ отъ качества его желаній.

Явилось желаніе совершить геройскій поступокъ— и предъ вами герой. Пожелалась гнусность, и вы съ удивленіемъ ставите себѣ вопросъ: гдѣ граница человѣческой испорченности?

И съ печалью въ сердцѣ сознаете, что нѣтъ никакой границы.

Человѣчество, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, давно перешло всякія границы и въ сторону геройской самоотверженности и въ сторону гнусностей всѣхъ разрядовъ.

И, если хотите, не тюремные интеллигенты тутъ виноваты и не они стоятъ въ авангардѣ движенія по пути гнусностей. Цивилизація, насаждаемая капитализмомъ, вообще ведетъ человѣчество чрезъ гнусности. Для темной массы это первый этапъ, съ этого она начинается свою эмансипацію.

Оглянитесь, хотя бы, на развитіе капитализма у насъ. Каковъ былъ его первый этапъ, какъ цивилизатора?

На этомъ первомъ этапѣ мы видѣли отвратительный типъ фабричнаго: пьянаго развратника, сквернословящаго подъ гармошку...

И только потомъ, много лѣтъ спустя, та же фабрика стала давать социализмъ. Но этотъ послѣдній выступаетъ, какъ врагъ капитализма, какъ врагъ тѣхъ гнусностей и мерзостей, которыя внесла къ намъ капиталистическая цивилизація.

Можно ли поставить капитализму въ заслугу и этотъ второй результатъ?

Но мы оставимъ это въ сторонѣ. Для насъ достаточно одного указанія на фактъ, изъ котораго явствуетъ, что всякое ниспроверженіе въ душѣ чловѣка пережитковъ морали, традицій и предрасудковъ ставитъ его прежде всего предъ лицомъ гнусностей и мерзостей.

Темный умъ на порогъ эмансипаціи сначала усваи-

ваетъ ту истину, что старые боги не суть боги, а просто идолы. которымъ онъ поклонялся по своему невѣжеству. А отсюда, и всякія статуы поверженныхъ боговъ подлежатъ уничтоженію, полному и окончательному, безъ остатка.

Все сваливается въ одну кучу и сжигается на кострѣ мести за былыя заблужденія. Именно мести! Вы видите передъ собой не простое отрицаніе или непризнаніе былыхъ авторитетовъ, а демонстративное, какъ бы съ оттѣнкомъ мстительности къ своему же прошлому въ его цѣломъ.

И эта мстительность какъ бы пропитываетъ всю жизнь только что эмансипированнаго индивидуума.

Онъ ѣстъ въ пятницу молоко и въ это время думаетъ:

— А что, взялъ?!

Хулиганить на улицѣ и въ глубинѣ души опять посылаетъ вызовъ:

— Это, вѣдь, не старыя времена, когда мы были дураками! Теперь мы понимаемъ очень даже хорошо, что ничего такого нѣтъ.

Развратничаютъ, и новый протестъ:

— Нѣтъ, насъ теперь седьмой то заповѣдью не запугаешь! Очень даже хорошо теперь понимаемъ всѣ эти бабьи сказки-то!

И конечно не эмансипація и даже не самъ эмансипированный тутъ виноватъ, такъ какъ не имъ было создано смѣшеніе понятій въ одну кучу. Объ этомъ постарались официальные хранители традиціонной нравственности.

Они съ дѣтства ставили предъ нимъ рядъ запрещеній, въ которомъ на одномъ уровнѣ стояли:

— Не убій, не укради, чти отца, не прелюбодѣйствуй, не пьянствуй, не ѣшь въ пятницу и среду молока, не прекословь начальству, не садись за столъ, не помолясь богу, не входи въ избу въ шапкѣ и пр. и т. д.

Мало того, что все это ставилось на одну доску,—

всѣ запрещенія прикрывались однимъ авторитетомъ, подкрѣплялись одной угрозой;

— Богъ накажетъ: за молоко будешь лизать горячую сковороду, а за воровство дадутъ тебѣ въ руки угли неугасимые.

Выходить, что поѣсть молока—значить совершить такой же тяжкій грѣхъ, какъ и украсть. Наказаніе и за то и за другое полагается одинаково жестокое. Пожалуй даже держать въ рукахъ угли неугасимые предпочтительнѣе, чѣмъ лизать сковороду.

А отсюда, разъ авторитетъ поверженъ, слѣдовательно одинаково не существуютъ ни угли неугасимые, ни раскаленная сковорода.

Все на смарку.

Все также глупо и бессмысленно, какъ бессмысленно отказываться въ пятницу отъ молока, когда оно есть.

Темная масса, эмансипированная отъ старыхъ авторитетовъ, такъ и говоритъ:

— Это намъ все единственно, что въ пятницу не поѣсть молока.

И всего чаще этотъ шаблонъ прикладывается къ сношеніямъ съ женщиной, въ особенности съ женой. Изтиранить и даже убить жену, все равно, что:

— Не поѣсть три пятницы молока!

Тутъ, конечно, играетъ роль, и значительную, всосавшійся въ кровь и плоть пережитокъ отношеній къ женщинѣ, какъ къ рабѣ. Но все же фактъ сопоставленія убійства человѣка съ преступнымъ принятіемъ въ пищу молока въ пятницу остается на лицо.

Ѣсть молоко и убивать одинаково воспрещается и однимъ и тѣмъ же авторитетомъ. А нѣтъ авторитета, нѣтъ и грѣха ни въ молокѣ, ни въ убійствѣ.

И то и другое дѣлай въ мѣру своихъ силъ и твердости воли.

Именно на эту точку зрѣнія и становятся тюремные вожаки молодежи:

— Бога нѣтъ, и ничего нѣтъ: ни грѣха, ни нрав-

ственности. Все можно, что человекъ въ силахъ сдѣлать.

А Бога ниспровергнуть не трудно. Богъ вообще держится не въ умахъ, а въ настроеніи извѣстнаго круга людей. Перенеси человека (въ молодости) въ другую среду, съ другимъ настроеніемъ, и онъ пропитается имъ и пойдетъ въ своемъ настроеніи съ другими.

А если къ этому прибавить еще и нѣкоторыя «доказательства отъ ума», хотя бы и весьма грубаго свойства, то эмансипація пойдетъ крупными шагами.

А въ доказательствахъ, конечно, недостатка не бываетъ. У тюрьмы много досуга для всякихъ разговоровъ. А тѣсное общеніе даетъ массу случаевъ и примѣровъ.

— Ну, что ты жуешь сухой хлѣбъ? Балда осиновая!—обращается главарь камеры къ новичку тюрьмы.

— Какъ же, чать сегодня пятница!

— Ну, такъ что же, что пятница? Вѣдь, мы же ѣдимъ щи!

— А Богъ!—пытается защищаться новичекъ.

— Богъ! старыя бабы выдумали Бога, чтобы ты молока, дуракъ, не ѣлъ.—а ты вѣришь!

— Какъ же это—старыя бабы!—смущается новичекъ.—Какъ же безъ Бога то!

— А такъ. Вотъ смотри на насъ: хуже мы тебя живемъ безъ Бога?

Новичекъ смотритъ и видитъ, что разницы никакой нѣтъ: и онъ, вѣрующій въ Бога, и они, не вѣрующіе ни во что, одинаково въ тюрьмѣ въ заперти сидятъ, какъ звѣри въ клѣткѣ.

За ними, пожалуй, даже есть нѣкоторыя преимущества. Въ то время, какъ онъ, стѣсненный регламентами религіи, робко уступаетъ всѣмъ дорогу, они дерзко идутъ впередъ и каждому норовятъ наступить на ногу. Тюремное начальство и то, какъ будто, съ ними менѣе жестоко, чѣмъ съ нимъ. По отношенію къ нимъ видна все же нѣкоторая осторожность въ

обращеніи, тогда какъ имъ помыкають, не стѣсняясь ничѣмъ.

Получается весьма неприятный для Бога выводъ.

— Богъ—обуза въ жизни. Онъ всему только помѣха.

Человѣкъ съ богомъ—это человѣкъ съ минусомъ силы и свободы дѣйствій. А отъ минуса всякому, естественно, хочется освободиться.

И освобождаются, какъ только на примѣрѣ другихъ убѣдятся, что угрозы божьимъ гнѣвомъ и его карами есть ничто иное, какъ пустыя слова, «бабы сказки».

А это убѣжденіе въ свою очередь приходитъ весьма скоро и при посредствѣ весьма простыхъ и непосредственныхъ наблюденій.

Человѣкъ видитъ, что всѣ окружающіе ежедневно не только нарушаютъ всѣ повелѣнія Бога, но и поносятъ само божество, клянутся самыми страшными клятвами и тотчасъ нарушаютъ эти клятвы, издѣваясь надъ «дуракомъ», придающимъ значеніе такимъ пустымъ вещамъ, какъ клятвы,—и имъ, хоть бы что: громъ не гремитъ, Илья пророкъ не бросаетъ своихъ смертоносныхъ стрѣлъ, языкъ не отнимается послѣ страшныхъ словъ и ночныя видѣнія не тревожатъ ихъ умъ. Все идетъ такъ, какъ будто и не было ни страшныхъ словъ, ни страшныхъ дѣлъ.

— Значить, можно!—думаетъ пораженный этимъ непривычнымъ ему явленіемъ человѣкъ. — Значить, Богъ не можетъ ни стрѣлу пустить, ни языка отнять!..

— Значить, правда, что все это бабы сказки. А я то, дуракъ, такъ дрожалъ всю жизнь... такъ боялся прогнѣвать... А оказывается, все это пустое... Ничего тамъ нѣтъ!

Послѣдній выводъ особенно запечатлѣвается въ мозгу темнаго человѣка.

Ничего тамъ нѣтъ! На мѣстѣ страшнаго и неумолимо-строгаго бужества оказывается пустое мѣсто.

А вмѣстѣ опустошается и весь складъ морали и нравственности.

— Все это бабьи сказки. Никакого грѣха нѣтъ, и все можно.

Самъ по себѣ такой взглядъ, конечно, еще не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго. Тутъ есть даже прямые признаки такъ называемаго свободомыслия, какъ извѣстно, весьма необходимаго для изученія окружающихъ явленій. Человѣкъ свободенъ отъ предвзятыхъ заблужденій—это уже много. Для него уже открытъ путь впередъ къ отысканію истины, его умъ свободенъ для свободнаго изслѣдованія.

Но для такихъ изслѣдованій нужны средства и орудія, которыми являются знанія. А этого то и нѣтъ у тюрьмы и вообще у воровскихъ корпорацій. За исключеніемъ немногихъ единицъ вся корпорація представляетъ изъ себя темную массу, полуграмотную, воспитанную на улицѣ и въ лучшемъ случаѣ на уличной литературѣ.

Читаетъ эта масса въ огромномъ большинствѣ случаевъ бульварные романы, въ которыхъ описываются подвиги знаменитыхъ воровъ и ихъ приемы. Послѣднее для читателя-вора имѣетъ и практическое значеніе: онъ тутъ до извѣстной степени пополняетъ свое профессиональное воспитаніе, развиваетъ свою изобрѣтательность по части геніальныхъ похищеній и сокрытія слѣдовъ.

Дальше этихъ романовъ даже читающіе воры не идутъ. Болѣе серьезная беллетристика имъ недоступна. Э. Зола, напримѣръ, считается скучнымъ и... безсодержательнымъ.

Всего полтора мѣсяца назадъ меня крайне удивилъ такимъ отзывомъ (въ Тверской тюрьмѣ) одинъ профессиональный воръ, называющій себя анархистомъ.

Передъ этимъ мы часа два говорили съ нимъ объ анархизмѣ. Онъ, какъ оказалось, встрѣчался со многими анархистами, интересуется анархизмомъ, симпа-

тизируетъ ему, кое что читалъ по этому предмету, преклоняется предъ Крапоткинымъ, хотя и по наслышкѣ,—и все же Эмиля Зола признаетъ безсодержательнымъ и скучнымъ.

— Но, не говоря о томъ, что Зола талантъ первой степени, для васъ, какъ анархиста, у него много интереснаго,—замѣтилъ я ему.

— Развѣ онъ писалъ объ анархистахъ?

— И объ анархистахъ и объ анархизмѣ.

Я назвалъ ему нѣкоторыя произведенія Зола.

— Я читалъ эти романы, но... тамъ только одинъ рабочій бомбу бросаетъ... Такъ это онъ съ голоду, какъ бы повредившись въ умѣ.

— А попытку взорвать соборъ, помните?

— Помню. Такъ—это отъ любви.

— И больше ничего вы не нашли у Зола объ анархизмѣ?

— Ничего, кажется, больше нѣтъ.

«Съ голоду помѣшавшись» и «отъ любви»—только и всего. Вліяніе современнаго капиталистическаго строя на психологію, условія жизни, создающія благопріятное для анархизма настроеніе, — словомъ вся огромная работа Зола въ этомъ направленіи осталась незамѣченной, не оставила никакого слѣда въ умѣ моего собесѣдника. Онъ прошелъ мимо всего этого, наиболѣе интереснаго казалось бы для него, и говоритъ:

— Скучно. Такъ, разныя разсужденія.

Зола недостаточно популярень для него; онъ беретъ слишкомъ широкіе горизонты и рисуетъ слишкомъ сложную картину жизни.

А между тѣмъ, тотъ же субъектъ, не доросшій умственно до пониманія романовъ Зола, несомнѣнно являлся авторитетомъ въ глазахъ уголовной массы; онъ былъ ея вожакомъ и вдохновителемъ во всѣхъ случаяхъ тюремной жизни.

Каковъ же уровень умственнаго развитія этой массы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ самъ собой. Систематическое мышленіе для нея недоступно; она въ состояніи усваивать только отдѣльные факты внѣ ихъ общей зависимости другъ отъ друга. Подняться выше этихъ фактовъ и окинуть умственнымъ взоромъ всю картину явленій окружающей жизни она не въ состояніи; это выше ея силъ.

А отсюда и самостоятельная выработка своихъ собственныхъ идеаловъ, сколько нибудь отвѣчающихъ запросамъ жизни, этой массѣ не доступна. Въ своемъ цѣломъ она способна только на разрушеніе пережитковъ старыхъ авторитетовъ, поскольку несостоятельность этихъ авторитетовъ видна имъ съ ихъ позиціи профессиональныхъ враговъ капиталистическаго строя. Дальнѣйшая же созидательная работа имъ недоступна.

Получается, такимъ образомъ, группа, все отрицающая и гоговая ко всякому разрушенію, безъ мысли что нибудь воздвигнуть на мѣстѣ разрушеннаго.

Это группа безъ политическихъ идеаловъ, безъ политической идеологіи.

Даже внутри группы до послѣдняго времени почти не замѣтно было какихъ либо слѣдовъ созидательной работы хотя бы въ цѣляхъ и интересахъ самой группы. Нѣтъ или не было никакой организаціонной работы, направленной къ защитѣ группы отъ внѣшнихъ воздѣйствій.

Выше уже говорилось о томъ, что шпіонство среди уголовныхъ заключенныхъ обычное явленіе. Къ этому нужно добавить, что и за стѣнами тюрьмы, на волѣ, тоже явленіе весьма распространено въ средѣ профессиональныхъ воровъ. Услуги сыскному отдѣленію со стороны отдѣльныхъ членовъ воровской корпораціи весьма не рѣдки. Бываетъ и такъ, что цѣлая группа воровъ входитъ въ соглашеніе съ полиціей въ лицѣ пристава или полицеймейстера и затѣмъ принимаетъ дѣятельное участіе въ розыскахъ украденнаго, если кража произведена не самой группой.

Похищенное и похитители въ такомъ случаѣ неиз-

бѣжно обнаруживаются, такъ какъ вошедшей въ союзъ съ полиціей группѣ извѣстны мельчайшія подробности мѣстной организаціи воровскаго промысла.

Группа, такимъ образомъ, становится въ привилегированное положеніе за счетъ остальныхъ своихъ товарищей. Она уже не рискуетъ проваломъ, но, конечно, помимо услугъ полиціи по сыскной части, платится еще и матеріально.

Входя въ соглашеніе съ полиціей, группа обязуется: или отыскать украденное, или же уплатить полиціи извѣстный процентъ со стоимости похищеннаго.

Послѣднее въ томъ случаѣ, когда кража произведена самой группой.

Иногда, впрочемъ, приходится возвращать и похищенное самой, состоящей въ союзѣ съ полиціей, группой. Это, когда обокрадено лицо, миръ съ которымъ для полиціи необходимъ, губернаторъ, напримѣръ, прокуроръ, слѣдователь, мировой судья и близкіе къ нимъ люди.

Группа, конечно, и сама знаетъ, что въ такія мѣста, къ такимъ лицамъ, ходить не слѣдуетъ, но бываютъ и ошибки.

Какъ на примѣръ такой ошибки мы можемъ указать на случай, имѣвшій мѣсто въ одномъ изъ сибирскихъ городовъ, осенью 1906 года.

У вице-губернатора была украдена цѣнная лошадь, что, конечно, весьма огорчило его превосходительство, а полицію привело въ немалое смущеніе.

Но огорченіе его превосходительства было не продолжительно. Уже на другое утро лошадь стояла привязанной къ крыльцу его дома.

Это въ свою очередь дало обывателямъ поводъ придти къ совершенно правильному выводу:

— Ошиблись! У своего украли.

Само собой разумѣется, что такія жертвы приносятся воровской группой небезкорыстно. Возвращая по ошибкѣ взятое у *своихъ* и уплачивая пошлину съ укладеннаго у чужихъ, т. е. у всякаго рядового обы-

вателя,—группа наверстываетъ всѣ убытки на созданной, такимъ образомъ, безопасности промысла. Въ томъ же городѣ и въ то же время обыватели буквально были терроризированы дерзостью воровъ, не смотря на то, что по улицамъ города постоянно расхаживали полицейскіе патрули.

Забирались вору во дворъ часовъ въ 8 вечера, когда хозяйева еще не спали, сбивали замокъ съ конюшни, выводили лошадь или пару лошадей, отыскивали хомутъ и прочую сбрую, запрягали лошадь въ телѣгу, потомъ сбивали замки съ кладовыхъ или съ амбаромъ, и нагружали телѣгу разнымъ добромъ.

Никакихъ предосторожностей при этомъ, въ смыслѣ соблюденія тишины, не принималось. Стукъ и громъ раздавался не только на весь дворъ, но и на весь кварталъ...

Хозяйева, конечно, не могли не слышать такой работы гостей, но въ большинствѣ случаевъ предпочитали смирно сидѣть въ комнатахъ въ ожиданіи, когда гости выйдутъ со двора. Выходить и опасно и бесполезно.

Такъ, когда одинъ обыватель попробовалъ пріотворить дверь и крикнуть:

— Кто тамъ?

Въ отвѣтъ послышался весьма сердитый голосъ:

— А тебѣ какое дѣло, чалдонъ? Сидишь въ теплѣ—и сиди, пока цѣль!

И огромная фигура рѣшительно двинулась изъ темноты къ крыльцу.

Обыватель успѣшилъ захлопнуть дверь и запереть ее на всѣ задвижки. И только когда на дворѣ все успокоилось, онъ осторожно вышелъ на дворъ... чтобы запереть ворота и раскрытыя настежь кладовыя и амбары.

Союзъ съ полиціей, такимъ образомъ, создаетъ группѣ весьма выгодное положеніе по отношенію къ обывательской массѣ.

Тѣмъ не менѣе, привилегированная группа весьма скоро оказывается въ тюрьмѣ.

И причиной такого конца является ничто иное, какъ ея услуги полиціи по сыскной части. Эти услуги, направленные противъ своихъ же собратьевъ по ремеслу, неминуемо вызываютъ акты мести.

Преслѣдуемые группой воры начинаютъ въ свою очередь слѣдить за самой группой и затѣмъ при первомъ же удобномъ случаѣ помогаютъ обывателю захватить группу или на мѣстѣ преступленія, предупредивъ о готовящемся покушеніи, или же съ поличнымъ, пославъ извѣщеніе о мѣстѣ нахождения притона группы и хранилища украденныхъ вещей.

Иначе говоря, сыскъ съ одной стороны неминуемо вызываетъ сыскъ и съ другой стороны, что и приводитъ къ взаимному самопоѣданію, къ взаимному предательству, гибельному для всей группы профессиональныхъ воровъ.

Явленіе и его результаты, казалось бы, настолько просты, что должны бы сами по себѣ вызвать общее отрицательное отношеніе со стороны всей массы профессиональныхъ воровъ. Казалось бы, что всякій воръ-сыщикъ долженъ вызывать общую ненависть и презрѣніе со стороны всѣхъ остальныхъ воровъ.

Въ дѣйствительности, однако, это не совсѣмъ такъ и даже далеко не такъ. Воръ-сыщикъ, конечно не пользуется симпатіями преслѣдуемыхъ имъ сотоварищей по ремеслу. На него, естественно, смотрятъ, какъ на врага. Враждебное чувство тутъ само собой вытекаетъ изъ занимаемыхъ сторонами позицій. Но въ этой враждебности нѣтъ, или почти нѣтъ, презрѣнія, какъ необходимаго элемента въ чувствахъ и отношеніяхъ ко всякому предателю. Самый фактъ предательства, повидимому, до извѣстной степени игнорируется, и воровская масса на службу своего сотоварища въ сыскомъ отдѣленіи смотритъ, какъ на выгодное для него совмѣстительство двухъ одинаково допустимыхъ и дозволенныхъ профессій.

Въ отношеніяхъ къ подобному совмѣстителю замѣтна даже нѣкоторая доля зависти, которая въ

свою очередь не может не заключать въ себѣ элементовъ почтенія.

А враждебность съ примѣсью зависти и почтенія— это далеко не то чувство, которое могло бы своею тяжестью совершенно подавить вора-сыщика и сдѣлать ремесло его невозможнымъ.

За нимъ остается возможность гордо носить голову въ средѣ своей братіи. И можно сказать, что положеніе его болѣе тяжелое среди полицейскихъ, чѣмъ среди воровъ. Среда первыхъ награждаетъ его большимъ презрѣніемъ и пренебреженіемъ, чѣмъ среда вторыхъ.

Это не значитъ еще, конечно, что полицейскіе чины обладаютъ большимъ чувствомъ нравственной безгливости, чѣмъ воры. На этотъ счетъ едва ли можно сдѣлать какое либо обобщеніе, не рискуя впасть въ грубую ошибку. Презрѣніе и пренебреженіе къ вору-сыщику со стороны полицейскихъ чиновъ объясняется просто тѣмъ, что онъ занимаетъ среди нихъ наименѣе устойчивое положеніе, представляетъ изъ себя наиболѣе слабую, зависимую единицу. Его третируютъ, какъ человѣка, котораго всегда можно посадить въ тюрьму, разрушить все его существованіе, втоптать на аршинъ въ землю, и который, поэтому, не имѣетъ права обижаться на какое бы то ни было обращеніе съ нимъ, не имѣетъ возможности протестовать, защищаться.

Однимъ словомъ—это мразь, съ которой нѣтъ надобности стѣсняться.

Тогда какъ положеніе его среди воровъ совсѣмъ обратное. Тутъ онъ представляетъ изъ себя наиболѣе вооруженнаго въ борьбѣ за существованіе индивидуума; онъ можетъ дѣлать многое, что другимъ недоступно. А въ томъ числѣ онъ можетъ оказать и услугу, хотя въ наиболѣе близкимъ друзьямъ и собувальникамъ—предупредить, скрыть соучастіе въ проталившейся кражѣ или грабежѣ.

Онъ не слабѣе, а сильнѣе другихъ, хотя бы эта

сила и приобрѣталась за счетъ предательства своихъ близкихъ.

Съ нимъ, поэтому, приходится считаться, какъ съ солидной силой, на которую далеко не всегда и не всякій можетъ плюнуть съ презрѣніемъ.

— Не наплюешь. Онъ такъ тебѣ плюнетъ!.. До новыхъ вѣниковъ не забудешь.

Вопросъ, такимъ образомъ, рѣшается съ точки зрѣнія чисто практическихъ и при томъ же ближайшихъ его результатовъ.

И на этомъ рѣшеніи, въ сущности, и держатся всѣ сношенія вора-сыщика съ воровской корпораціей. Положеніе его до извѣстной степени легализуется, съ одной стороны степенью вреда, который онъ можетъ нанести враждебнымъ ему единицамъ, а съ другой степенью практической выгоды, которую можно извлечь изъ него при извѣстныхъ отношеніяхъ.

— Тоже и безъ него не обойдешься,—говорятъ защитники такой точки зрѣнія.

Конечно, не всѣ придерживаются этой точки зрѣнія. Есть и непримиримые враги сыска, люди съ болѣе широкимъ кругозоромъ, вполне понимающіе, что польза отъ вора-сыщика можетъ быть только отрицательнаго характера.

— Коли ты ему всяческое почтеніе оказываешь, такъ онъ тебя не до конца съѣстъ, а ѣсть все же будетъ... Нашей кровью питается, въ томъ его и рукоемсло состоитъ.

Но такихъ въ средѣ воровъ до послѣдняго времени было меньшинство, и они были безсильны бороться съ сыскомъ еще и потому, что на сторонѣ сыска стояла воровская аристократія, какъ наиболѣе вліятельная группа.

Для этой группы, благодаря сыщикамъ изъ воровъ, создавалось довольно выгодное положеніе.

Сыщикъ-воръ прекрасно понимаетъ, что ссориться ему съ воровской аристократіей нельзя; это повело бы къ тому, что при первомъ же выходѣ его приду-

шили бы гдѣ либо за угломъ или въ притонѣ. Только пользуясь сочувствіемъ и моральной защитой наиболѣе сильныхъ и вліятельныхъ воровъ, онъ можетъ до извѣстной степени безопасно возвращаться въ воровской средѣ.

Поэтому крупнымъ ворами онъ оказываетъ возможную помощь и покровительство, а предъ своимъ полицейскимъ начальствомъ отыгрывается на мелкихъ воришкахъ, обыкновенно и проваливающихся чуть ли не въ первый же день по выходѣ изъ тюрьмы.

Такая система отношеній приноситъ вору-сыщику двойную выгоду. Впервыхъ, онъ ставитъ себя, такимъ образомъ, подъ защиту наиболѣе сильныхъ, во вторыхъ, въ крупныхъ кражахъ имѣетъ свою долю. И третья выгода—въ глазахъ полицейскаго начальства онъ избавляется отъ упрека въ бездѣятельности, такъ какъ по статистикѣ выходитъ, что у него больше открытыхъ кражъ, чѣмъ не открытыхъ.

При томъ же относительно крупныхъ кражъ у него всегда есть отговорка: «кражу совершили гастролеры, пріѣзжіе изъ другого города». А доказательствами наличности «гастроля» не трудно заpastись путемъ симуляціи.

Наканунѣ, или дня за два, до кражи въ гостинницѣ остановились, якобы, пріѣзжіе съ вокзала, съ парохода, и поздно ночью (въ ночь кражи) уѣхали на вокзалъ или на пароходъ.

Ясно, что пріѣхали откуда то, обокрали и уѣхали.

Къ этому выводу и приходятъ полицейскіе власти въ своихъ разслѣдованіяхъ. И если читатели замѣтили по газетнымъ сообщеніямъ всегда почти выходитъ такъ, что всякая крупная кража совершается, якобы, гастролерами, при томъ же всегда неуловимыми.

Получается нѣчто неестественное. Мѣстные воры, знакомые съ мѣстными условіями, и слѣдовательно, дѣйствующіе въ наиболѣе безопасныхъ для себя условіяхъ, воруютъ и почти навѣрняка попадаютъ, если,

конечно, поліція приймається за розыскъ. А прїѣзжіе воры, не знающіе мѣстныхъ условій, а поэтому по необходимости полагающіеся въ значительной мѣрѣ на волю счастливаго случая, совершаютъ самыя дерзкія кражи, поражающія своей смѣлостью и рискомъ, и почти никогда не попадаютъся.

Выгода положенія у однихъ какимъ то чудомъ превращается въ невыгоду,—и обратно, невыгода положенія у другихъ превращается тѣмъ же чудомъ въ выгоду.

Чудо,—на которомъ до извѣстной степени сходятся интересы и самихъ воровъ, и вора-сыщика, и полицейскаго начальства.

Первые, такимъ образомъ, скрываютъ свои слѣды, направляя полицейскую энергію помимо себя, на другіе города.

Второй имѣеть оправданіе:

— За гастролеровъ я не могу отвѣчать: они внѣ поля моего зрѣнія.

Наконецъ, третьи въ свою очередь приносятъ то же оправданіе своему начальству:

— Гастролеры, ваше—ство! Прїѣхали въ номера, какъ порядочные господа. Не можемъ же мы лѣзть къ каждому прїѣзжему! Неприкосновенность личности и жилища не позволяетъ. Вотъ какъ бы у насъ была власть!..

Въ конечномъ результатѣ оказывается, что виноваты... свободы и революціонеры, которые заставляютъ вводить—эти свободы.

А воръ-сыщикъ, устроившій «чудо», тутъ же подпѣваетъ:

— Такъ точно, вашество, при свободахъ никакъ невозможно...

Тутъ уже воръ-сыщикъ выступаетъ въ роли нужнаго человѣка. А положеніе «нужнаго человѣка» само по себѣ завидно, его добиваются многіе.

Неудивительно, что такъ обстоитъ и въ средѣ воровской корпораціи. Неудивительно, что если не

большинство, то многіе воры вождельютъ къ этому положенію. А поэтому и о какой либо внутренней цѣльности воровской корпораціи не можетъ быть и рѣчи. Тяготѣніе въ лагерь врага неминуемо создаетъ деморализацію и разбродъ среди членовъ корпораціи, чѣмъ и уничтожается цѣльность и устойчивость группы. Это уже группа людей, хотя и связанныхъ общностью профессіи, но распыляемыхъ на отдѣльныя единицы стремленіемъ каждаго жить за счетъ эксплуатаціи другихъ.

Воръ, оставаясь воромъ, стремится, однако, поступить на службу къ своему естественному врагу—къ буржуазіи, какъ одинъ изъ агентовъ, охраняющихъ ея интересы.

Явленіе, аналогичное съ тѣмъ, которое замѣчается и въ средѣ трудящихся несознательныхъ массъ. Въмѣсто того, что бы направить всѣ силы всей массы на низверженіе эксплуатаціи однихъ другими, каждый стремится выбиться изъ рядовъ эксплуатируемыхъ и встать въ ряды эксплуатирующихъ.

Результаты и тамъ и тутъ получаются одинаковые—обезсиленіе всей группы.

Это то безсиліе и является особенно характернымъ для воровъ, какъ группы.

ГЛАВА V.

Казалось бы въ прямомъ противорѣчии съ безсиліемъ воровской группы стоитъ тотъ фактъ, что воры, занимая нелегальное положеніе, находясь внѣ закона и подвергаясь жесточайшимъ преслѣдованіямъ, все же существуютъ тысячелѣтіями.— Не говоритъ ли это, напротивъ, о стойкости и живучести группы?

Нѣтъ, конечно. Противорѣчіе тутъ только кажущееся. Существованіе воровъ изъ тысячелѣтія въ

тысячелѣтіе нисколько не зависитъ отъ стойкости самой группы. Они существуютъ просто, какъ необходимое и неизбѣжное зло извѣстнаго общественнаго строя. Этимъ строемъ они нарождаются, имъ же и поддерживаются. И если смотрѣть на нихъ съ этой точки зрѣнія, то становится ясно, что по отношенію къ нимъ существуетъ двойственная политика. Съ одной стороны ихъ какъ бы стремятся уничтожить, а съ другой создаютъ такія условія жизни, которыя прямо толкаютъ часть людей въ омутъ воровской жизни.

Ежедневно, ежечасно масса людей выбрасывается на улицу, и тамъ оставляется, безъ крова, безъ хлѣба, безъ надежды заработать что нибудь.

Предъ этими массами встаетъ угроза: голодной смертью, на морозѣ, подъ воздѣйствіемъ стихій. Предъ ними въ извѣстный моментъ встаетъ диллема: или умирай съ голоду или воруй... Часть изъ нихъ идетъ воровать, не желая или не имѣя силъ умереть съ голоду.

И если бы «господа жизни» серьезно поставили себѣ цѣлью совершенно искоренить воровство и воровъ, то имъ пришлось бы начать съ изданія закона о правѣ на трудъ для каждаго безъ исключенія. Но такого закона они, какъ извѣстно, не могутъ издать, пока существуетъ капиталистическій строй, всецѣло опирающійся на прибавочной стоимости.

Для этой стоимости необходимы рабочіе резервы. Они существуютъ въ интересахъ капитала, въ интересахъ самого строя. Уничтожить ихъ, значитъ уничтожить конкуренцію труда, уничтожить возможность эксплоатаціи этого труда, отказаться отъ этой эксплоатаціи, какъ не дающей никакой прибыли.

На такой шагъ капитализмъ никогда не рѣшится да, пожалуй, въ этомъ и нѣтъ нужды. Въ сущности профессиональное воровство не такъ уже страшить его, какъ это принято думать. Весь вопросъ тутъ сводится къ нѣкоторому накладному расходу, и небольшому, при томъ же. Въ остальномъ воръ, пожа-

луй, даже болѣе удобная единица, чѣмъ безработный рабочій. Въ то время, какъ съ послѣднимъ иногда приходится считаться и очень считаться, перваго всегда можно взять за шиворотъ и водворить въ тюрьму, на девятикопѣчное довольствіе, т. е. тратить на его содержаніе меньше, чѣмъ обходится обществу содержаніе всякаго нищаго.

Очевидно, что особенно серьезной борьбы съ такимъ врагомъ не можетъ быть. Онъ и безъ того неопасенъ и не дорого стоитъ, а борьба съ нимъ, пожалуй, обошлась бы дороже его существованія. Поэтому капиталистической строй и ограничивается въ этой борьбѣ урегулированіемъ количества воровъ, что и достигается содержаніемъ извѣстнаго числа мѣстъ въ тюрьмѣ, небольшимъ количествомъ судей и нѣскольکو большимъ количествомъ полицейскихъ чиновъ.

Давленіе производится какъ разъ, въ такой мѣрѣ, чтобы безъ крайней нужды никто не шелъ воровать. Иначе говоря, взаимодействіе крайней нужды и голода съ одной стороны и давленія организованной власти съ другой даютъ въ результатъ какъ разъ то, чего капиталистической строй добивается отъ всякаго свободнаго отъ собственности индивидуума. Удовлетворяется минимумъ потребностей, не больше. Этотъ вѣчный принципъ капитализма дѣйствуетъ и тутъ такъ же, какъ и вездѣ и всюду.

— Не дальше минимума потребностей!

А разъ это соблюдается, значить можно быть спокойнымъ и даже покормить праздничными калачами запертыхъ за рѣшеткой «враговъ».

Не все ли равно, чѣмъ добываетъ себѣ удовлетвореніе крайняго минимума потребностей находящейся въ резервѣ: нищенствуетъ, воруетъ или живетъ за счетъ суммъ профессиональныхъ союзовъ?

Послѣдній источникъ, пожалуй, даже менѣе пріятенъ владѣльцамъ капитала, чѣмъ два первыхъ. Находящейся на иждивеніи рабочаго союза, до извѣстной степени теряетъ свою полезность голодной резервной единицы,

понижающей цѣну на трудъ. Тогда какъ о первыхъ двухъ это не всегда можно сказать; они далеко не всегда выходятъ изъ рядовъ угрожающаго рабочей арміи резерва.

Уже изъ этого видно, что натискъ общественной организации въ борьбѣ съ воровствомъ далеко не цѣликомъ падаетъ на однихъ воровъ. Прямого и рѣшительнаго удара, какъ видите, тутъ нельзя нанести, такъ какъ при такомъ ударѣ неминуемо пострадали бы многія весьма полезныя капитализму единицы и группы.

Тутъ выгоднѣе дѣйствовать въ обходъ и стороной. Такъ оно въ сущности и есть. Не прикасаясь къ источникамъ размноженія воровства, капиталистическій строй стремится прежде всего создать въ средѣ самого общества противодѣйствующую силу, постоянную и равномерно распространенную на всѣ общественныя группы.

Выполненіе этой задачи возлагается на школу, религіозныя учрежденія и на семью. Эти три учрежденія призваны совмѣстно вселить въ человѣка еще съ младенчества ужасъ и презрѣніе къ ворами и къ воровству. Ужасъ и презрѣніе всасываются, такимъ образомъ, съ молокомъ матери и затѣмъ возвращаются и укрѣпляются въ теченіе всей жизни.

— Лучше умереть, чѣмъ посягнуть на чужую собственность!

Вотъ то общее настроеніе, подъ покровомъ котораго находится владѣніе собственностью. И тамъ, гдѣ нѣтъ этого настроенія владѣніе собственностью становится болѣе затруднительнымъ.

Какъ на примѣръ въ этомъ отношеніи можно указать хотя бы на порубку лѣсовъ.

Лѣсъ, въ крестьянскомъ мнѣніи, ничей, онъ Божій, и созданъ для всякаго,—и въ результатѣ этого мнѣнія получается своеобразное явленіе. Вообще къ воровству крестьяне относятся крайне отрицательно; пойманнаго вора они бьютъ до полусмерти, а часто и до смерти,—къ воровству же растущаго лѣса у нихъ какъ разъ

обратное отношеніе. И никакіе карательные законы не въ состояніи охранить лѣса отъ порубки. Таково же отношеніе и тѣхъ же крестьянъ къ дичи на поляхъ, къ рыбѣ въ рѣкахъ. Общественная мораль (крестьянская) разрѣшаетъ пользоваться дичью и рыбой всякому, гдѣ бы онѣ не находились, безразлично: въ своихъ поляхъ, рѣкахъ и озерахъ или въ чужихъ. Это не преступленіе. И законъ безсиленъ бороться съ этимъ, какъ владѣльцы лѣсовъ, дичи и рыбы ни стараются отточить остріе его меча. Оно притупляется о камень крестьянской психологіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы въ народныхъ массахъ существовало такое же отношеніе и къ собственности вообще, если бы создалось общее мнѣніе, что произведенное всѣми никому не принадлежащее, и всякій можетъ брать столько, сколько ему нужно,—то владѣніе частной собственностью встрѣтило бы значительно большія затрудненія.

Заповѣдь: не укради!—во всякомъ случаѣ болѣе сильный стражъ, чѣмъ какая бы то ни было государственная организація.

Зодчіе капиталистическаго зданія это слишкомъ хорошо знали всегда—и именно эту заповѣдь положили во главу угла совокупности всей морали.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что убійство человѣка болѣе страшное преступленіе, чѣмъ кража кошелька. Этого никто не отрицаетъ, ни даже сами законы капиталистическихъ государствъ, налагающіе за убійство болѣе тяжкое наказаніе, чѣмъ за кражу. Однако, наряду съ этимъ, никакое убійство не падаетъ на человѣка такимъ позоромъ, какъ кража кошелька. Почему?—спросите вы.

Потому что на кошелькѣ покоится все зданіе данной общественной организаціи. Поэтому то заповѣдь, охраняющая этотъ кошелекъ отъ посторонней руки, и разрабатывается съ особой тщательностью, проводится чрезъ три инстанціи и укрѣпляется, какъ никакая другая. Можно даже сказать, что всѣ остальные

заповѣди весьма и весьма поистерлись, а эта одна горитъ все большимъ и большимъ блескомъ.

— «Не сотвори себѣ кумира»—это пустяки! Твори, сколько хочешь, кумировъ и какихъ угодно, никто на тебя за это и косо не посмотритъ.

— «Не приѣмли имени господя твоего всуе?»—О, пожалуйста! Это просто предразсудокъ. Пользуйся именемъ твоего господя, какъ и всякимъ благопріобрѣтеннымъ...

— «Помни день субботній?»—Это выдумка социалистовъ, для поощренія лѣни рабочихъ.

— «Чти отца твоего?»—Это да, но поскольку онъ является хранителемъ устоевъ капитализма. А ежели онъ крамольникъ, то вмѣняется тебѣ въ обязанность взять твоего отца за шиворотъ и тащить съ дворникомъ въ участокъ. И не только отца, но и мать, и бабушку, и брата, и сестру и всякаго ближняго. Позоромъ это считается только на крайней лѣвой.

— «Не убій?»—Ну, это смотря, какъ, гдѣ и когда. Убийство само по себѣ дѣйствіе безразличное, дурнымъ же или хорошимъ можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ. Оно можетъ быть даже актомъ «благородства», какъ, на примѣръ, убійство на дуэли, на войнѣ.

— «Не прелюбы сотвори?» — Пережитокъ. Нынѣ эта заповѣдь замѣняется совершенно другой: женщины побѣжденныхъ принадлежать побѣдителямъ,—а вообще всякая женщина должна быть покорна тому, у кого есть кошелекъ.

— «Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна?»—О такихъ пустякахъ не стоитъ и говорить. Это не только пережитокъ, но и забытый пережитокъ, давнымъ давно сданный въ архивъ жизни и тамъ истлѣвшій безъ слѣда.

— «Не пожелай жены ближняго твоего?».. Но вѣдь это, во первыхъ, самое пріятное препровожденіе времени, во вторыхъ, это самое пожеланіе придаетъ чловѣку свѣтскій лоскъ, кладетъ на него отпечатокъ

приятнаго во всѣхъ отношеніяхъ мужчины. Что и за мужчина, если онъ не вождѣетъ къ чужой женѣ! Истинно свѣтскій человѣкъ самъ идетъ къ женѣ ближняго своего, а ближнему предоставляетъ свою жену.

Но, можетъ быть, первая заповѣдь объ исключительной авторитетности Бога осталась въ силѣ.

— «Азъ есмь Господь Богъ твой»?..

Можетъ быть несоблюденіе этой заповѣди ложится позоромъ на человѣка?

Смѣшенъ такой вопросъ въ наше время. Давно извѣстно, что Богъ нуженъ только «черни», какъ узда, сдерживающая «дурные инстинкты» темной народной массы.

Сами авгуры капитализма давно сдѣлали изъ Бога смѣшное для нихъ самихъ и страшное для народа пугало, вооруживъ его единственной заповѣдью:

— Не укради!

Къ этой заповѣди прибавлена еще позднѣйшая:

— Почитай начальство и отдавай Кесарево Кесарю.

На сихъ трехъ камняхъ и зиждется капиталистическое зданіе.

Не полиція и не войско гарантируютъ его цѣлость, а именно эти три камня, заложенные въ самыхъ нѣдрахъ народной души.

И если профессиональные воры свободны до извѣстной степени отъ давленія этихъ камней, то только потому, что зодчіе капитализма въ свое время упускаютъ ихъ изъ виду, проходятъ мимо нихъ, оставляя ихъ въ сторонѣ отъ дѣйствія общественной морали.

Это дѣлается, конечно, не съ предвзятымъ намѣреніемъ освободить часть обывателей отъ давленія общественной морали въ ущербъ существующему строю. Боже сохрани! Такого злостнаго намѣренія у нихъ нѣтъ. Это выходитъ само собой, въ силу существующихъ условій жизни, потому что такъ... дешевле.

Ребенокъ родится отъ бездомной матери, не зная своего отца,—можетъ быть, блестящаго представителя капитала,—и растеть на улицѣ, ночуя подъ заборами, въ канавахъ, въ собачьихъ конурахъ или въ подвальныхъ ямахъ, среди стоновъ и проклятій. И такъ вырастаетъ, не зная о страшной заповѣди: не укради!

Эта заповѣдь, если и встрѣчается на его пути, то принимаетъ совсѣмъ не тотъ видъ, въ какомъ она является ребенку, имѣющему свой уголъ и своихъ родителей. Если тамъ она начертана огненными буквами въ облакѣ фиміама, окружающаго залитаго въ золото священника, если тамъ она вселяетъ ужасъ въ глаза любимой матери и неумолимо строго смотритъ изъ глазъ авторитетнаго учителя,—то тутъ, на улицѣ, въ канавѣ, въ подвальной ямѣ, у лотка продавца пирожковъ она является въ простомъ обнаженномъ видѣ.

— Если украдешь и попадешься, то больно побьютъ, или посадятъ въ исправительный домъ, а тамъ будутъ держать въ заперти и тоже бить. Ну, а если украдешь и не попадешься, то съѣшь пирожокъ и будешь сытъ на сегодня.

Абсолютное и страшное: не укради,—въ одномъ случаѣ,—въ другомъ превращается въ простое предостережение:

— Воруй и не попадайся.

Иначе: совершенствуйся въ томъ единственномъ ремеслѣ, которое единственно доступно тебѣ въ силу твоего существованія внѣ системы капиталистическаго строя.

Отсюда—позоръ налагаетъ уже не фактъ кражи, а то, что человекъ не сумѣлъ такъ украсть, чтобы не «засыпаться».

Позорно незнаніе своего дѣла. Но это уже чисто профессиональный позоръ и къ буржуазной морали онъ никакъ не относится; онъ находится въ прямой и открытой враждѣ съ этой моралью; онъ декретуруетъ:

— Воруй и не попадайся. Больше воруй и меньше попадайся!

И, какъ идеалъ желательнаго, ставить требованіе:

— Воруй на каждомъ шагу и никогда не попадайся!

Такова мораль улицы, свободной отъ воздѣйствія школы, церкви, семьи.

Въ противоположность этимъ тремъ разсадникамъ нравственности, изрекающимъ свое грозное: не укради! —улица говоритъ:

— Воруй, ибо это есть единственный способъ пропитанія для выброшенныхъ на мои мостовыя, въ мои канавы, подъ мои заборы...

— Воруй! Не бойся ни тюрьма, ни каторги, ибо тюрьма и каторга не всегда хуже улицы.

Далеко не всегда. Часто тюрьма и каторга являются единственными мѣстами спасенія отъ голодной смерти, на морозѣ, или подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ. Эти мѣста устрашенія тогда оказываются тихими пристанищами для измученнаго голодомъ и холодомъ челоуѣка.

Такова улица. Таковы ея декреты. Она свободна отъ оффиціальной морали и декретируетъ своимъ обитателямъ движеніе въ сторону наименьшаго сопротивленія—къ воровству.

На западѣ, гдѣ капиталистическій строй заполнилъ всѣ ячейки жизни, представители капитализма давно поняли эту тенденцію улицы и ведутъ съ ней систематическую борьбу.

Тамъ, прежде всего, никто не долженъ быть свободенъ отъ школьнаго воспитанія и школьной морали, а поэтому дѣйствуютъ законы о всеобщемъ и обязательномъ обученіи... но только начальномъ, не больше.

Дается и вмѣняется въ обязанность ровно столько, чтобы ребенокъ успѣлъ усвоить, впитать въ себя ужасъ къ посягательству на чужую собственность и прочія необходимыя для охраны существующаго строя вещи.

И это, конечно, больше и лучше достигаетъ цѣли, чѣмъ зоркіе глаза полицейскихъ и власть судей сажать каждаго въ тюрьму, какъ только онъ протянетъ руку къ чужой собственности.

Да, школа больше вліяетъ на сокращеніе воровства, чѣмъ полиція, суды и тюрьмы, вмѣстѣ взятыя.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только бросить хотя бѣглый взглядъ на государства, гдѣ введено обязательное обученіе,—и съ другой стороны на страны, гдѣ этого нѣтъ.

Въ первыхъ количество кражъ и воровъ ничтожно по сравненію со вторыми. А между тѣмъ власть полиціи ограничена именно въ первыхъ, а не во вторыхъ. У насъ, напримѣръ, на воровъ дѣлаютъ облавы, ихъ забираютъ въ участокъ, часто бьютъ нещадно, высылаютъ безъ доказательства вины и даже при отсутствіи самаго факта воровства, просто потому, что раньше человекъ былъ замѣченъ въ воровствѣ,—и тѣмъ не менѣе у насъ кражъ и воровъ несравненно больше, чѣмъ во Франціи и Англии, не говоря уже о Швейцаріи, гдѣ кражъ почти нѣтъ, а если бываютъ изрѣдка, то въ большинствѣ совершаются пришлыми иностранцами.

Школа—первый и, пожалуй, единственный серьезный врагъ профессиональнаго воровства.

У насъ, въ Россіи, школа доступна не только не всѣмъ, но и немногимъ, и профессиональное воровство существуетъ внѣ ея воздѣйствія.

Вотъ почему, не смотря на указанную выше внутреннюю дезорганизацію воровской корпораціи, воровство у насъ все же процвѣтаетъ, 1) а количество про-

1) Мы не приводимъ здѣсь сравнительныхъ данныхъ статистики воровства, такъ какъ не придаемъ никакого значенія цифрамъ россійской полицейской статистики. Эти цифры имѣютъ дѣло только съ фактами о заявленныхъ кражахъ. А заявленія отъ потерпѣвшихъ поступаютъ не только не всегда, но и не въ большинствѣ случаевъ. Вѣрнѣе, заявленія поступаютъ въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Они

фессіональныхъ воровъ не уменьшается, а увеличивается. Нельзя также сказать, чтобы процентъ привлеченныхъ къ суду воровъ увеличивался. А это послѣднее, въ сущности и служить показателемъ силы сопротивленія воровской корпораціи.

— Ты не смотри на то, сколько насъ! — рассуждалъ въ московской пересыльной тюрьмѣ одинъ профессиональный воръ. — А ты спроси, сколько разъ я укралъ и сколько разъ попался. Ежели я пятьдесятъ разъ укралъ, а на пятьдесятъ первомъ разѣ попался, то это еще ничего. Опять же и то много значитъ: укралъ ты на грошъ, или на мѣсяцъ себя обезпечилъ, а то и на полгода!..

Если вѣрить словамъ этого вора, то въ этомъ отношеніи за послѣднія 20 лѣтъ особыхъ перемѣнъ не произошло.

Приемы полицейскихъ розысковъ, правда, усовершенствовались за этотъ періодъ времени, но и техника профессиональнаго воровства тоже совершенствуется и, пожалуй, быстрѣ идетъ впередъ, чѣмъ техника розысковъ.

— Они умнѣ стали, ну, и мы не глупѣемъ! — говоритъ представитель профессиональнаго воровства. — Умѣемъ и украсть и концы спрятать. И не полиція намъ страшна. Полиція ничего бы съ нами не сдѣлала... А сами мы себя губимъ, другъ друга на каждомъ шагу продаемъ. Въ разбродъ все идетъ, каждый себя норовитъ выгородить, а остальные пусть пропадаютъ...

Но это уже отзывъ новѣйшаго времени, къ которому намъ еще придется возвратиться.

также рѣдки, какъ рѣдки случаи отысканія украденнаго. А извѣстно, что наша полиція не только не находитъ украденнаго, но и не ищетъ, если кража сама по себѣ не исключительна по суммѣ или по положенію потерпѣвшаго. Въ конечномъ результатѣ изъ сотни потерпѣвшихъ заявляютъ и попадаютъ въ статистику можетъ быть, десять.

Авт.

Теперь же мы приступимъ къ тѣмъ общественнымъ явленіямъ, которые собственно и вызвали интересующее насъ теченіе въ средѣ профессиональныхъ воровъ, о которомъ мы говорили въ главѣ: «Отъ автора».

Предыдущее описаніе положенія воровской корпорации и ея внутренняго состоянія намъ необходимо было, чтобы хотя отчасти дать читателю понятіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ зародился и растетъ анархизмъ въ такой средѣ какъ профессиональные воры.

ГЛАВА VI.

Выброшенные за бортъ жизни и поставленные въ положеніе вѣчныхъ враговъ общества, презираемыхъ и гонимыхъ, профессиональные воры, конечно, не могли не чувствовать ненормальности своего положенія. Инстинктъ и доступныя имъ наблюденія подсказывали имъ, что не они одни всецѣло виноваты въ томъ, что занимаютъ положеніе враговъ общества.

Нельзя также сказать, что вопросъ этотъ обходился ими или оставался въ сторонѣ. Нѣтъ, какъ уже видѣлъ читатель, исканія въ эту сторону были всегда, но сама по себѣ воровская масса не могла разрѣшить этого вопроса; онъ былъ непосиленъ ей; для этого она не обладала достаточнымъ количествомъ знаній.

Но настали дни революціи и вмѣстѣ съ остальной массой лучъ сознанія блеснулъ ина воровскую корпорацию.

Уже послѣ 9-го января 1905 года, когда я сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія, меня поразило особенно сильное тяготѣніе уголовныхъ заключенныхъ къ революціонному пролетаріату. Это движеніе особенно сильно развилось среди молодыхъ профессиональныхъ воровъ.

Какъ разъ подо мной сидѣлъ 18-ти лѣтній мальчикъ, къ которому предъявлялось обвиненіе въ грабежѣ ростовщика. Мальчикъ этотъ выросъ на улицѣ, получилъ воспитаніе въ средѣ профессиональныхъ воровъ, никакого ремесла, кромѣ воровства, не зналъ, никакой жизни, кромѣ воровской, не видѣлъ.

И вотъ подъ вліяніемъ слуховъ о проснувшемся народѣ онъ мечталъ:

— Какъ только выйду, такъ къ революціонерамъ пойду. Буду работать вмѣстѣ съ ними: что дадутъ, то и буду дѣлать. Не все для себя, нужно и для другихъ.

Послѣднее особенно увлекало его. Молодая душа рвалась изъ каменнаго мѣшка на подвигъ.

— Вы одинъ здѣсь такой?—спрашиваю я, прильнувъ къ полу, къ щели у паровой трубы.

— Оди-инъ!—доносится до меня снизу. — Зачѣмъ одинъ? Я вотъ знаю человѣкъ десять, не меньше: къ революціонерамъ тоже собираются, мои товарищи. Какъ только выйдемъ изъ тюрьмы, такъ всѣ къ нимъ...

Заморенная въ жестокости душа, не видѣвшая никогда радости, не знающая, что такое ласковое слово, не видѣвшая ни единого проблеска въ жизни,—въ каменномъ мѣшкѣ почувствовала, что тамъ, гдѣ-то, проглянуло солнце всеобщаго равенства, братства.

— И я, и я туда!.. гдѣ всѣ равны, гдѣ и я человѣкъ, гдѣ всѣ за меня, и я за всѣхъ!

Ему представлялся міръ, населенный братской семьей, единоклюбною и сердечной, проникнутой однимъ чувствомъ, радостнымъ, нѣжнымъ и теплымъ, какъ объятія матери. И въ центрѣ этой семьи—онъ, доселѣ бездомный, не знающій ласки и любви, не слышавшій отъ людей ни одного добраго слова.

— Вонъ они какъ хорошо между собой живутъ!—доносилось ко мнѣ снизу изъ подъ пола.—И о себѣ никогда не думаютъ, все о другихъ... А все же лучше насъ живутъ... Всѣ ихъ уважаютъ.

— И есть за что, — послѣ минуты молчанія продолжаетъ голосъ изъ подполья.

И въ этомъ голосѣ слышится что то вмѣстѣ и нудное, тоскливое, и радостное, бодрящее, подающее надежду въ будущемъ.

Очевидно обладателю этого голоса одновременно рисовались двѣ картины. Въ одной онъ самъ, прожившій все свое дѣтство и отрочество въ безобразной, безрадостной борьбѣ за собственное существованіе, всюду гонимый, всюду презираемый, какъ волкъ хватающей первый попавшійся кусокъ и уносящей въ свою нору, подальше отъ глазъ людей, — въ другой они, къ которымъ теперь рвется его душа и за которыми онъ видитъ жизнь, полную подвиговъ и благородной самоотверженности, въ тѣсномъ кругу съ отважными и великодушными товарищами.

Первая картина наводитъ на него тоску о прошломъ, а вторая подаетъ надежду на свѣтлое будущее.

— Эхъ, и поработаю же я! — вырывается дальше въ щель около трубы восхищенный голосъ. Меня, вѣдь, не запугаешь! Видѣлъ я всякія страсти то (страхи!) Всего было... Привыкъ ко всему. Ночь простоять ежели на стремѣ, это намъ ничего не значить.

Сожалѣніе о прошломъ его уже не томить; онъ даже забылъ это прошлое и всецѣло витаетъ въ новомъ будущемъ и примѣриваетъ себя къ этому будущему.

Для него теперь важнѣе всего вопросъ: что онъ можетъ вложить въ это будущее? На что онъ способенъ?

И вотъ предъ нимъ всплываютъ его плюсы.

— Меня не запугаешь!

Закаленъ во всемъ и всякія страхи видѣлъ, испыталь и вынесъ.

Улица и воровское ремесло, кромѣ того, выработали въ немъ терпѣніе и выносливость.

— Ночь на улицѣ простоять, это для насъ ничего не стоитъ!

И это пригодится, «ежели на стремѣ», или еще для какой надобности.

— Тоже не изъ послѣднихъ будемъ. Всякое дѣло оборудовать можемъ, только глазомъ мигни.

Мечта его увлекаетъ уже въ область гражданскаго соревнованія; ему уже представляется какъ онъ блестяще будетъ выполнять возложенныя на него порученія и окажется не изъ послѣднихъ. Вѣдь за нимъ техника борьбы съ полиціей, выработанная и усвоенная съ дѣтства, чуть не съ пеленокъ.

— Къ примѣру, ежели полицейскаго или «шпики» услѣдить, такъ это мы въ лучшемъ видѣ можемъ. Отъ насъ не увернется...

— Какъ это полицейскаго услѣдить? Зачѣмъ? — перебиваю я.

— А такъ,—онъ за нами слѣдитъ, а мы за нимъ. Это ежели «дѣло» хорошее было, такъ они нюхать начинаютъ... А мы за нимъ слѣдомъ: куда онъ, туда и мы... На это дѣло больше насъ мальчишекъ посылаютъ, которые посмышленѣе... Не любятъ они это, страсть!

— Кто они—полицейскіе?

— И полицейскіе и «шпики», это все единственно. Какъ замѣтитъ, такъ позеленѣетъ весь. Разъ меня Алешка Треухій послалъ «стремить» за сыщикомъ,— вотъ была потѣха! Онъ бѣгаетъ, нюхаетъ, а я за нимъ, все за нимъ,—мнѣ тогда не больше одиннадцати было, ростомъ я маленькій былъ: это я тутъ ужъ въ тюремѣ поднялся, вытянулся... Вы видите меня на прогулкѣ?

— Нѣтъ не видѣлъ.

— А вы поглядите, по крайности, увидите, каковъ таковъ я есть... Я васъ въ первый же день смотрѣлъ. По голосу я думалъ, что вы молодой, а вы—сѣдой, да старый, да большу-ущій.

— А я васъ не видѣлъ, а тоже знаю каковъ вы.

— Какъ это? А ну, скажите!

— Вы тоненькій, худой, блѣдный, волоса у васъ бѣлокурые, тонкіе, мягкіе, глаза голубые...

— А вѣдь и вправду такъ!—перебилъ онъ мое описаніе.—Какъ это вы все отгадали?

— Такъ, по голосу... И еще потому, что вы все мечтаете. И мечты у васъ такія... нѣжныя, мягкія, какъ... ваши волосы...

— Ахъ... ты! Вотъ такъ штука! Не видитъ чело-вѣка, а знаетъ какой онъ... А, можетъ быть, вы видѣли меня?

— Нѣтъ, не видѣлъ. Вѣдь вы мнѣ не говорили, когда васъ на прогулку водятъ.

— Да, въ разное время все водятъ... А вы вотъ что: какъ услышите, что я «вставай поднимайся»... запѣлъ,—ну, значитъ меня на прогулку повели. Тогда и смотрите! Будете смотрѣть?

Ему, очевидно, очень хотѣлось, чтобы я «посмотрѣлъ его». Въ тюрьмѣ и это доставляетъ утѣшеніе. Ходить чело-вѣкъ и утѣшается тѣмъ, что на него смотрятъ, имъ интересуются; онъ уже до нѣкоторой степени не одинъ.

— Непремѣнно буду смотрѣть,—обѣщаль я.

— Я въ казенной шубѣ буду. Видѣли—висятъ тамъ внизу, въ корридорѣ?

— Видѣлъ, видѣлъ. Но я и такъ узнаю васъ.

— Да, правда. Ахъ, ты!.. Вотъ диво-то!

— Вы лучше расскажите, какъ вы за сыщикомъ слѣдили?

— Ахъ, да!.. я и забылъ... Ну, вотъ, куда онъ, туда и я... И какъ только онъ остановится, начнетъ «нюхать», такъ я сейчасъ два пальца въ ротъ и свистокъ, какъ будто полицейскій, подаю. Онъ даже вздрогнетъ весь, да ко мнѣ: «Ты что тутъ, чертенокъ!..» А я, какъ будто испугался: «я ничего, дяденька!.. я такъ»...—А свистокъ зачѣмъ подаешь?—Это онъ спрашиваетъ.—«Это я, дяденька, вонъ... голуби полетѣли»...—Какіе голуби, никакихъ голубей нѣтъ! Что ты врешь?»...—«Они, дяденька, вонъ за ту трубу слѣли».—А вовсе никакихъ голубей и не было, это я такъ, выдумаль.

— А свистокъ то вы зачѣмъ подавали?—Спрашиваю я.

— Свистокъ то? А такъ надо... Они не любятъ это. Засвистишь, онъ разозлится и къ тебѣ, и ужъ не видитъ ничего... И ежели онъ въ это время унюхаль, такъ пока съ тобой возится, все и уплыветъ. Это меня Алешка Треухій такъ научилъ: «Ты, коли увидѣлъ, что онъ по горячему слѣду нюхаетъ, надъ самымъ ухомъ ему свисти... А ежели придерется, скандалъ ему сдѣлай. Онъ тебѣ ничего не можетъ сдѣлать... А пока съ тобой скандалитъ, слѣдъ то и простынетъ»,

— Ну, и что же дальше было съ этимъ сыщикомъ?

— «Я тебѣ, говоритъ, такихъ голубей дамъ, что ты до новыхъ вѣнниковъ не забудешь! Въ участокъ, говоритъ, отведу мерзавца. Пошелъ отсюда прочь и не смѣй мнѣ больше на глаза попадаться!» А я будто заплакалъ и говорю: «куда же я пойду, дяденька, я тутъ живу»...—Ну, и оставайся, говоритъ, тутъ!.. И побѣжалъ опять нюхать. Я за нимъ... Онъ на Николаевскую, и я на Николаевскую, онъ на Разъѣзжую и я на Разъѣзжую; онъ на Сѣнной, и я за нимъ... Тутъ онъ опять унюхаль... Какъ разъ противъ одной пивной остановился и подошелъ къ городовому. А въ пивной то, я вижу, у окошка нашъ Савка Гулящій сидитъ... Только онъ это съ городовымъ то заговорилъ, на пивную глазами показываетъ, а я подошелъ сзади, да какъ свистну прямо ему въ ухо. Какъ онъ подскочитъ, да за мной: «Ты опять тутъ, мерзавецъ!» Я отъ него, къ магазинамъ, по между народомъ, а самъ на пивную все смотрю. А Савка уже смекнулъ, вышелъ и, какъ будто гуляючи, за уголь и ушелъ... Тутъ они меня поймали. Приказчики, с и, помогли, а то бы ушелъ.

— И что же они съ тобой сдѣлали?

— Въ участокъ отправили. Сутки просидѣлъ. Это чтобы не мѣшалъ. А только это ни къ чему. Мы на этотъ случай по двое ходимъ. Одинъ подъ ногами

вертится, ходу не даетъ, а другой на отдалькахъ. Со мной тогда Сережка Мамкинъ былъ. Онъ теперь здѣсь же сидитъ; у насъ съ нимъ одно «дѣло».

— Мы свое дѣло знаемъ!—увѣренно закончилъ онъ, видимо подбодрившись воспоминаніями о техникѣ борьбы съ полиціей.—Намъ не привыкать.

— Ну, а чѣмъ же вы будете жить?—спросилъ я.— Вѣдь вы никакого ремесла, кажется, не знаете?

— Эва! Жить! А много ли мнѣ надо? Двугривенный въ день, вотъ я и сытъ.

— Но и двугривенный, вѣдь, надо же заработать.

— Двугривенный то не заработать! Спичками буду торговать или еще какойнибудь дрянью. А то, еще лучше, газетами буду торговать, телеграммами... Нѣтъ, знаете что?

— Нѣтъ, не знаю...

— Я буду книжки продавать, нелегальныя. Вотъ, которыя по пятачку, по три копейки...

— Брошюрки?

— Да, да! О! меня, небось, не поймаетъ городской. Я у него подъ носомъ цѣлую сотню распродамъ... Минута молчанія.

— Послушайте. А. И—ъ! Вы слушаете?

— Да, да, слушаю, говорите!

— А что, ежели въ оружейный магазинъ забраться?

— Зачѣмъ?

— А какъ же! Вѣдь имъ, революціонерамъ то, нужно же оружіе то! А денегъ у нихъ мало... На это, вѣдь, много денегъ надо! Къ примѣру, ежели весь народъ вооружить, такъ тутъ сколько денжищъ то нужно! А гдѣ они ихъ возьмутъ? Богатыя, вѣдь, не за нихъ?!

— Нѣкоторые и богатые помогаютъ деньгами,—вношу я поправку въ его исчисленія.

— Ну, такихъ немного. А то все больше на полицію жертвуютъ.

— Какъ это на полицію жертвуютъ?

— А какъ же! Вотъ, теперь, хоть бы наши толсто-

пузые, въ городской думѣ которые,—сколько они городскихъ денегъ на полицію жертвуютъ. Каждый годъ большія тысячи отпускають.

— Такъ это не жертвуютъ,—а они просто содержать полицію на городской счетъ. Деньги они не свои даютъ а городскія.

— Я это же и говорю, что они за полицію, имъ полиція нужна, а революціонеровъ они не любятъ.

— Не всѣ,—опять поправляю я.—Есть, которые понимаютъ, что революція и имъ нужна и что отъ революціи они, пожалуй, больше получаютъ, чѣмъ рабочіе.

— Какъ это?—Удивляется онъ.—Вѣдь тогда всѣмъ будетъ одинаково, и богатымъ и бѣднымъ?

— Да, такъ думаютъ рабочіе и этого добиваются. А богатые люди, когда присоединяются къ революціи, думаютъ совсѣмъ другое; у нихъ такое намѣреніе: «себѣ всякихъ правъ и льготъ добьемся, а когда захватимъ власть въ свои руки, то опять сожмемъ рабочихъ. капиталомъ будемъ давить»...

— Вотъ оно что. Обмануть, значитъ, хотятъ! Не до конца хотятъ итти, а только до серединки!

— Вотъ, именно до серединки.

— То-то, я слышу, все говорятъ: до конца нужно итти... Теперь понимаю... А теперь, значитъ, и богатые, которые поумнѣе, тоже вмѣстѣ съ революціонерами?

— Да.

— Что бы потомъ повернуть все въ свою сторону?... Ну это имъ не удастся. Рабочіе, вѣдь, тоже не дураки, понимаютъ... А ихъ больше, чѣмъ богатыхъ.

Я не сталъ разбивать эту его надежду. Что то говорило во мнѣ, что не слѣдуетъ отнимать у него его золотыя мечты: «пусть утѣшается! Вѣдь у него только это и есть. Можетъ быть, жизнь первый и послѣдній разъ подаетъ ему надежду на свѣтлое будущее»...

— Н—нѣтъ, это не пройдетъ! — говорилъ онъ, какъ бы про себя. — Рабочіе умирають, кровь свою

проливаютъ,—а они, толстопузые, опять все въ свои руки заберутъ! Опять толсторожихъ полицейскихъ на углахъ понаставятъ...

— А вы думаете, что полицейскихъ не будетъ?

— Конечно, не будетъ! На что они, черти красно-рожіе! Даромъ хлѣбомъ ихъ кормить?.. Ни одного не будетъ!.. Это первымъ долгомъ... что бы ни одного полицейскаго!

— А судьи нужны? Какъ вы думаете? — полюбопытствовалъ я.

— Судьи?.. На кой ихъ шутъ!..

— Нѣтъ ужъ, тогда ничего этого не будетъ, — помолчавъ съ полминуты, заявилъ онъ твердо и рѣшительно.—Ужъ свобода, такъ свобода, чтобы ничего не было этого! А то какая же это свобода, ежели и полиція и судьи!.. Такъ, пожалуй, и тюрьма тоже будетъ? — съ какой то болѣзненной ноткой выкрикнулъ онъ.

— Да, ужъ ежели полиція и судьи, то и тюрьма, и каторга, и арестантскія роты, и полицейская кутузка, и сыщики,—подтвердилъ я.

— Такъ, вѣдь, это выходитъ, что все, какъ было, останется! — съ азартомъ уже кричитъ онъ.

Я слышу снизу, какой то еще заглушенный, но сердитый голось:

— Что забрался на столъ то! Слѣзь сейчасъ, а то карцера попробуешь!

Это надзиратель услышалъ его неумѣренно громкое возраженіе, открылъ люкъ въ двери и водворяетъ порядокъ.

Мой собесѣдникъ дѣлаетъ по трубѣ два условные удара, что бы предупредить меня, а самъ, между тѣмъ, свирѣпо рычитъ на надзирателя:

— «Что забрался!» — а тебѣ какое дѣло? Повѣситься хочу на трубѣ!.. Довольно ужъ, третій годъ досиживаю!.. Пора и повѣситься!..

Прильнувъ ухомъ къ щели около трубы, я слушаю. Вотъ раздался глухой стукъ. Это онъ, тамъ

внизу, соскочилъ со стола и стукнулъ пятками объ полъ. А вотъ и еще стукъ уже другого характера, болѣе высокаго тона, съ трескомъ. Это надзиратель закрылъ люкъ въ двери, чрезъ который онъ водворялъ порядокъ.

Проходитъ минута, двѣ... Два удара по трубѣ. Надзиратель, значить, ушелъ, и мой сосѣдъ спрашивается: «можно ли продолжать прерванный разговоръ?» Отвѣчаю такими же двумя ударами... Труба вздрагиваетъ. Это онъ лѣзетъ на столъ. Я жду.

— Вы слушаете?—спрашиваетъ онъ.

— Слушаю.

— Надзиратель приходилъ, карцеромъ, собака, грозить.

— А вы не горячитесь: потише разговаривайте.

— Знаю... Да чертъ съ ними! Не очень то я боюсь ихняго карцера. Эка не видаль какая! Видѣли и пострашнѣе. И что имъ нужно собакамъ?

— Начальство съ нихъ спрашиваетъ.

— Да... Въ этомъ вся сила! Первымъ долгомъ нужно, что бы никакого начальства... Ни-ни, что бы и не пахло начальникомъ.

— Вотъ на это то богатые и не пойдутъ, не допустятъ.

— Я и говорю, что нужно безъ этихъ толстопузыхъ, однимъ все нужно сдѣлать.

— Но у богатыхъ деньги...

— А зачѣмъ намъ деньги!? — перебиваетъ онъ меня.—Намъ оружiе надо. Я къ тому и рѣчь завелъ: ежели въ оружейный магазинъ забраться?.. Я это съ товарищами могу въ лучшемъ видѣ оборудовать. Замки—это намъ наплевать. Это... одна минута — и готово. На этотъ счетъ мы обучены не хуже всякаго слесаря.

Я молчу, жду, что онъ дальше скажетъ по этому поводу.

— По этой части отъ насъ большая польза можетъ быть,—продолжаетъ онъ.

— Такъ и есть,—думаю я.—Онъ все высчитываетъ свои плюсы, какъ будущаго революціонера.

Его, очевидно, беспокоить больше всего: будетъ ли онъ полезенъ на новомъ дѣлѣ, въ новой средѣ?

— Вотъ только не знаю,—выражаетъ онъ сомнѣніе, — какъ у нихъ на этотъ счетъ?

— Что?

— Да вотъ, ежели краденое оружіе, — возьмутъ они или нѣтъ?

— Не знаю, право...

— Вотъ!.. И я тоже не знаю... А ежели бы взяли, такъ мы мигомъ всѣ магазины обчистили бы.

ГЛАВА VII.

Я остановился на мечтахъ этого мальчика, потому что въ средѣ молодежи вообще болѣе ярко отражается настроеніе той среды, въ которой она живетъ.

Какъ образецъ этого настроенія я и беру своего сосѣда по камерѣ. Для профессиональныхъ воровъ того времени, то есть первой трети 1905 года, такое настроеніе было типично. Вздурораженные, какъ и вся Россія, движеніемъ 9 января, они почувствовали безсознательное тяготѣніе къ новой жизни; на нихъ, какъ и на всѣхъ, пахнуло свѣжей струей.

Гдѣ то, тамъ, на горизонтѣ, въ туманной дали открылся какой то просвѣтъ, въ которомъ, какъ миражъ, рисовалось что то прекрасное, сулящее и имъ, отверженцамъ общества, отраду въ будущемъ.

Естественно, что создалось чисто стихійное движеніе:

— Туда, къ этой прекрасной и жизненной картинѣ!

Я называю это движеніе чисто стихійнымъ, потому что въ немъ не ставились даже вопросы о соли-

дарности профессиональных воровъ съ революціонерами въ ихъ настроеніяхъ и цѣляхъ.

Даже, что касается революціонеровъ, то, въ представленіи массы профессиональных воровъ, они являлись сплошной, компактной массой, не раздѣленной никакими партійными различіями.

Такъ, когда я попробовалъ задать своему юному сосѣду вопросъ:

— Къ какимъ, собственно, революціонерамъ онъ и его товарищи собираются присоединиться?—

Онъ отвѣтилъ:

— Ну... Это, поди, все равно.

Такъ что лозунгомъ того времени среди профессиональных воровъ было.

— Къ революціонерамъ!

И ужъ какъ поясненіе подробностей выступало:

— Къ тѣмъ, которые противъ правительства, противъ богатыхъ!

Дальше этого программа не разрабатывалась. Довольствовались тѣмъ, что намѣчали направленіе движенія:

— Борьба за равенство, братство и свободу.

Тутъ, конечно, не безъ вліянія было все то же 9-е января. Выдвинувъ чисто безпартійную массу на путь революціи, 9-е января тѣмъ самымъ какъ бы затушевало яркость окраски партійнаго революціоннаго движенія.

Не однимъ только ворами, но и всѣмъ тогда до извѣстной степени казалось, что не въ партіяхъ сила, а въ настроеніи массы и въ умѣньи поддержать во время эту массу и руководить ею.

Революціонизмъ вообще ставился, такимъ образомъ, выше партійности. Не важно — принадлежить или нѣтъ человѣкъ къ какой либо партіи, а важно, что онъ революціонно настроенъ, что онъ революціонеръ вообще.

Лозунгъ—къ революціонерамъ!—по этому весьма понятенъ. Тутъ профессиональные воры шли до извѣстной степени въ ногу со всѣми.

Но этотъ лозунгъ годенъ только до перваго практическаго шага, послѣ котораго, или, точнѣе, при одномъ намѣреніи сдѣлать этотъ первый шагъ, тотчасъ обнаруживается, что революціонеръ вообще есть ничто иное, какъ абстракція, которой нельзя подать руку и сказать:

— Пойдемъ вмѣстѣ, къ одной цѣли!

Поэтому уже въ концѣ апрѣля 1905 года я имѣлъ случай убѣдиться, что предъ профессиональными ворами всталъ практической вопросъ:

— Къ какимъ же революціонерамъ, т. е. къ какой партіи присоединиться?

Съ этимъ именно вопросомъ уже на свободѣ пришелъ ко мнѣ все тотъ же мой тюремный сосѣдъ. Его освободили почти одновременно со мной. И онъ въ своемъ нетерпѣннѣ явился ко мнѣ на третій же день послѣ освобожденія.

— А я къ вамъ за большимъ дѣломъ.

— Радъ служить чѣмъ могу.

— Я хочу... запнулся онъ... не пойдете ли вы со мной?

— Куда?—усмѣхнулся я.

— Въ одно мѣсто. Тамъ товарищи... поговорить надо.

— Ваши товарищи?—спросилъ я, дѣлая удареніе на слово ваши.

— Да, да... мы собрались и не знаемъ что дѣлать...

— Вы, вѣроятно, хотите говорить о томъ же, о чемъ мы говорили въ тюрьмѣ?

— Да.

Я согласился, и мы пошли. Мой спутникъ привелъ меня въ одну изъ петербургскихъ трущобъ. По кривой лѣстницѣ мы спустились въ подвальный этажъ, по темнымъ корридорамъ, нѣсколько разъ поднимаясь и опускаясь на нѣсколько ступенекъ, дошли до двери и очутились въ комнатѣ, въ которой царилъ полумракъ, хотя было не больше часу дня.

Въ комнатѣ было человѣкъ двѣнадцать людей, все

юноши, въ возрастѣ около 20 лѣтъ. И среди нихъ сѣдой чловѣкъ лѣтъ пятидесяти; онъ подошелъ ко мнѣ и со сконфуженной фізіономіей проговорилъ:

— Вотъ... собрались къ революціонерамъ...

И онъ повелъ глазами въ сторону своихъ юныхъ товарищей.

— И я на старости лѣтъ тоже съ ними. Что называется, куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней,—какъ бы оправдываясь, закончилъ онъ свое объясненіе.

— Что же, дурного тутъ нѣтъ,—постарался я ободрить его.

— Вотъ! И я тоже говорю: дурного, молъ, тутъ нѣтъ. И мы тоже люди, тоже кое какое понятіе имѣемъ, что, значитъ, пришла пора всякому начальству «препонтъ» положить. Тоже, вѣдь, и я хрестьяниномъ былъ въ молодыхъ годахъ, и какъ бы не это самое начальство, и посейчасъ хрестьянствовалъ бы, какъ и всѣ прочіе. А то вотъ... тюрьма по мнѣ плачетъ!..

— Что—тюрьма?—перебилъ его кто то изъ присутствующихъ.—Въ тюрьмѣ нынче самые, что ни есть, хорошіе люди сидятъ! А нужно то говорить: какъ попалъ въ тюрьму? За что? Вотъ въ чемъ сила!

— И я про то же говорю,—согласился сѣдой чловѣкъ.—Въ тюрьмѣ, молъ, полжизни безъ малаго просидѣлъ, а толку нѣтъ въ этомъ никакого, ни себѣ, ни другимъ... Зря, значитъ, муку принималъ.

— Брось это, дядя Панкратъ,—перебилъ его мой бывший сосѣдъ по камерѣ.—Мы лучше о дѣлѣ потолкуемъ... Какъ намъ быть?

— Я о дѣлѣ и говорю,—не унимался дядя Панкратъ.—Я къ тому и веду. Къ примѣру, въ воскресенье я на этомъ самомъ митингѣ былъ. Какіе тамъ люди! Какія слова! Слеза меня прошибла... Передъ этимъ въ субботу то я малость засыпался. И не то, чтобы засыпался, а такъ, зря меня изобидѣли. Зашелъ я въ магазинъ на Сѣнной, такъ отъ нечего дѣлать. Народу тамъ много было, думаю: можетъ быть и удастся

чтонибудь... Стою, какъ будто очереди дожидаясь,— а хозяинъ то, или старшій приказчикъ и признай меня. «Ну-ка, говоритъ, ребята, проводите этого покупателя съ почетомъ!»—Они, приказчики то и накнулись на меня...

— Ужъ, они рады!.. Собаки дворовья!—вставилъ свое слово кто то изъ присутствующихъ.

— Имъ только бы искалѣчить человѣка.

— Хлѣбомъ не корми, дай только нашей воровской кровушки попробовать.

— Самья, что ни есть, настоящія собаки, эти приказчики на Сѣнномъ.

— Да, ужъ хуже то ихъ поискать!—подтвердилъ и дядя Панкратъ.—Ну, и публика тоже хороша: Не спросившись въ чемъ дѣло и покупатели тоже набросились. Приказчики бьютъ, и они тоже: «воръ! воръ! бей!»— А почему—воръ? Что укралъ? Никто и не подумаетъ. Спасибо Василій нашъ подвернулся, выручилъ. «За что, говоритъ, человѣка увѣчите? Вы сначала разузнайте, что укралъ, а потомъ и бейте»... Ну, приостановились, спрашиваютъ: «что онъ у васъ укралъ?»— Это уже изъ публики къ хозяину обращаются съ вопросомъ. А тотъ, какъ водится: «ничего, говоритъ, не укралъ, а такъ знакомый намъ человѣкъ, знаемъ, что воръ, вотъ и бьемъ»... Тутъ ужъ нѣкоторые изъ публики стали съ хозяиномъ ругаться: нельзя, молъ, такъ человѣка ни съ того, ни съ сего увѣчить... Мы съ Василюмъ и ушли. У Василя то денегъ рубля четыре было; онъ и говоритъ: «пойдемъ малость раны полѣчишь»... Пропили мы эти четыре рубля до копѣйки. А на другой то день, въ это самое воскресенье, я, значить, и съ похмѣлья то, и кости то у меня отъ вчерашнихъ побоевъ болятъ... А тутъ этотъ самый митингъ, народу съ полтысячи будетъ, и всѣ слушаютъ, слова не проронятъ. А онъ и говоритъ: «Довольно ужъ имъ эксплуатировать насъ»!.. Это онъ про купцовъ и фабрикантовъ, какъ я понялъ... «Долой, говоритъ, капиталистовъ»!.. Мнѣ тутъ и припомнилось,

какъ они вчера отэксплоатировали меня. Даже слеза меня прошибла. Такъ все это... вѣрно у него выходитъ... Долго онъ такъ говорилъ, и все противъ богатыхъ, за бѣдноту старался, значить,—а потомъ и говоритъ: «Да здравствуетъ единая російская социаль-демократическая рабочая партія»!.. Ну, вотъ тутъ я и подумалъ: хорошая, должно быть, партія? И что же вы думаете?—сконфуженно обратился онъ къ слушателямъ.—Вѣдь совѣсть меня прошибла. Вынимаю я это потихоньку часы...

— Какіе часы?—спрашиваетъ одинъ изъ слушателей.

— Да вотъ, тѣ самые,—еще болѣе сконфузился дядя Панкратъ,—которые, значить, я слямзиль...

— Ты, значить, на митингъ то пошелъ, чтобы на похмѣлку добыть?

— Ну, да... Какъ пришелъ, такъ, значить, гдѣ потѣснѣе и забрался и тутъ же у какого то господина часы серебряные цапнулъ. А потомъ и самъ не знаю, какъ заслушался и стою съ нимъ же рядомъ, а часы къ себѣ въ карманъ опустилъ. Вотъ, какъ этотъ самый ораторъ то, пронялъ меня; я досталъ часы то изъ кармана, нагнулся, будто поднимаю что, и говорю: «Господинъ! А, господинъ! Это не вы ли часы обронили?»—Онъ сунулся въ карманъ—нѣтъ часовъ. «Я, говоритъ, спасибо, товарищъ». Мнѣ же еще и спасибо сказалъ и товарищемъ назвалъ. У него и въ мысляхъ нѣтъ, что я... Такъ вотъ, я и говорю: «нужно къ этимъ самымъ социаль-демократамъ идти»... Очень ужъ хорошіе люди.

— Да и мы тоже говоримъ!—нетерпѣливо выкрикнулъ кто то изъ темнаго угла.—А только нужно знать: какъ ты къ нимъ пойдешь. Затѣмъ и за господиномъ... посылали, что не знаемъ пути къ нимъ. Вѣдь не придешь ты на митингъ, да не скажешь: вотъ, мы къ вамъ хотимъ!.. До сихъ поръ воровствомъ занимались, въ этомъ себѣ пропитаніе имѣли, а теперь съ вами вмѣстѣ желаемъ!..

— Не придешь, это правда,—задумчиво согласился

дядя Панкратъ.—Совѣсть зазреть. Они всѣ тамъ такіе гордые, а мы, значить, съ своей болячкой, при всемъ народѣ... Да и говорить мы не умѣемъ... не скажешь всего то, что на душѣ есть... Стыда только при-мешь... осмѣютъ еще, пожалуй...

— Нѣтъ, это вы напрасно,—вступился я.—Смѣяться, конечно, не будутъ. Но... все же на митингѣ тяжело съ такимъ дѣломъ выступать. Лучше, какънибудь иначе...

— Вотъ, вотъ, и я также думаю,—обрадовался дядя Панкратъ.—Смѣяться, можетъ быть, и не будутъ, а тяжело все же при всемъ народѣ. Лучше посовѣтуйте намъ какънибудь!—обратился онъ уже прямо ко мнѣ.—Мы за тѣмъ и позвали васъ.

— Вы къ социаль-демократамъ рѣшили присоеди-ниться?—спросилъ я.—Это уже рѣшено у васъ?

— Д-да, хотѣлось бы къ нимъ... люди очень ужъ хорошіе... «Спасибо, говоритъ, товарищъ»... и хотъ бы тебѣ что!—опять припомнилъ дядя Панкратъ сце-ну съ возвращеніемъ часовъ.

— И за рабочихъ они, противъ этихъ толстопу-зыхъ,—поддержалъ его юноша съ вытекшимъ глазомъ, Митрошка Кривой.

— И полицію шибко не уважаютъ, вродѣ какъ со-бакъ ненавидятъ.

— Народъ самый подходящий для насъ. Съ ними, хотъ сейчасъ, на любое дѣло можно итти.

— А вы сейчасъ и на дѣло хотите?—спросилъ я.

— А какъ же!—одновременно откликнулись два или три голоса.—Чего ждатель то? Ждали ужъ довольно.

— А вы социаль демократъ?—обратился ко мнѣ до селѣ молчавшій юноша лѣтъ восемнадцати.

— Нѣтъ, я не социаль демократъ, но это безраз-лично, отговаривать васъ я не буду, идите къ социаль демократамъ. Я только думаю, что они, такъ, сразу, дѣла вамъ не дадутъ, не могутъ дать.

— Отчего? Почему не дать дѣла?—почти съ ис-пугомъ спросилъ тотъ же юноша.

— Потому что они васъ не знаютъ, да и вы ихъ не знаете. Нужно сначала узнать другъ друга.

— Узна-ать?

Воцарилось молчаніе. Всѣ нѣсколько склонили головы и смотрѣли въ полъ. Очевидно, я указалъ имъ на такое обстоятельство, о которомъ они раньше не думали. Предъ ними, какъ бы, встало неожиданное препятствіе.

— Да что же тутъ узнавать то?—упавшимъ голосомъ заговорилъ мой бывшій сосѣдъ по камерѣ.— Вѣдь, мы... у нихъ денегъ не попросимъ. Намъ только, чтобы дѣло указали, а мы ужъ сумѣемъ...

— Вотъ, для того, чтобы дѣлать вмѣстѣ одно дѣло, и нужно знать вамъ ихъ, а имъ васъ. Вѣдь у партіи есть свои тайны, свои цѣли...

— Поопасаются, значить, какъ бы худо не вышло!—совсѣмъ упавшимъ голосомъ высказалъ свое соображеніе дядя Панкратъ.

— И это имѣетъ значеніе, а главное нужно сначала разобраться... Можетъ быть, вы совсѣмъ не того желаете, чего они?—пояснилъ я свою мысль.

— Да какъ же это узнать то?

— Нужно познакомиться съ кѣмъ либо изъ рабочихъ социаль демократовъ, сказать ему все откровенно, вотъ какъ мнѣ говорите... онъ, вѣроятно, дастъ вамъ книжки. Изъ этихъ книжекъ вы и узнаете, что хотятъ социаль демократы. А когда узнаете это, то сами скажете: согласны вы съ ними или нѣтъ?.. Есть у васъ такіе знакомые?

— Есть, какъ не быть,—отозвался кто то.—Найдется не одинъ.

Мои собесѣдники начали перебирать своихъ знакомыхъ рабочихъ. Оказалось, что въ общей совокупности найдется не одинъ десятокъ людей, чрезъ которыхъ можно войти въ сношенія съ партійными социаль демократами.

— Такъ, значить, прежде всего книжки придется читать?—сконфуженно спросилъ сѣдой дядя Панкратъ,

когда имена почти всѣхъ знакомыхъ рабочихъ были перечислены и качества ихъ разобраны.—Чтожъ, почитаемъ и книжки... Отчего хорошую книжку не почитать. Только пойдемъ ли мы?

— Пойдемъ!—бодро заявилъ одинъ изъ юношей.— Теперь и книжки такія пишутъ, что сразу все поймешь.

Я не сталъ ихъ разочаровывать въ этомъ отношеніи, хотя думалъ, что въ книжкахъ они далеко не все сразу поймутъ.

Уходя, я все же сказалъ имъ:

— А вы попросите, можетъ быть, лектора вамъ дадутъ. Что не поймете въ книжкахъ, онъ вамъ разъяснитъ.

— Это что же, студентъ что ли?

— Можетъ быть студентъ, а можетъ быть и такъ кто, или курсистка?

— Ну! Развѣ барышня пойдетъ къ такимъ, какъ мы?

— Отчего же не пойти? Для дѣла онѣ куда угодно пойдутъ. На смерть идутъ, не только на лекцію въ подваль...

— Да! — восторженно заявилъ одинъ изъ юношей.—Эти не то, что купеческія дочки: сидитъ на диванѣ, да жиръ себѣ насиживаетъ!—Эти... онѣ все другимъ готовы отдать.

На этомъ мы разстались. Больше я, къ сожалѣнію, не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ этой компаніи. Черезъ нѣсколько дней меня выслали изъ Петербурга, мнѣ поэтому пришлось спѣшно выѣхать, и я не могъ дать имъ своего новаго адреса.

А вмѣстѣ и въ моихъ наблюденіяхъ надъ воровской корпораціей начался перерывъ, который и продолжался около года, до весны 1906 года, когда я уже на Волгѣ, а затѣмъ на Кавказѣ, въ Сибири и въ четырехъ тюрьмахъ центральной Россіи вновь имѣлъ нѣсколько случаевъ сталкиваться съ профессиональными ворами.

Получившійся, такимъ образомъ, пробѣлъ въ непосредственныхъ наблюденіяхъ мнѣ пришлось пополнять заднимъ числомъ, путемъ разспросовъ, разговоровъ и пр.

ГЛАВА VIII.

На Волгу я попалъ для своихъ особыхъ цѣлей, ради которыхъ мнѣ нужно было опуститься, что называется, на дно жизни. Такое «дно» весной на Волгѣ обычно изъ различныхъ трущобъ переносится на берегъ великой рѣки, къ пристанямъ. Тутъ подъ лодками, около плотовъ, дровяныхъ складовъ, между лотками торговокъ, въ тѣни разбитыхъ барокъ и наполовину разобранныхъ прошлогоднихъ бѣлянъ въ общей массѣ сгруживаются и крестьяне, пришедшіе въ отхожіе промысла, и босяки, перебравшіеся на лѣтніе квартиры, и безработные городскіе рабочіе, и вору, и инвалидки проституціи...

Словомъ, тутъ весь цѣликомъ тотъ голодный народъ, который всѣми способами ищетъ себѣ пропитанія. Воръ, проститутка, крестьянинъ и шляющійся по Руси интеллигентъ тутъ такъ же легко сталкиваются, какъ утлые горшки съ крѣпкими чугунами въ тѣсной печи.

Воръ, проститутка, заштатный попъ и я какъ то сидѣли на толстомъ бревнѣ и говорили о разныхъ матеріяхъ.

У «батюшки», по его словамъ, было два сына, оба социаль демократы и оба сидѣли въ Саратовской тюрьмѣ; онъ часто вспоминалъ о дѣтяхъ и попутно говорилъ и о социаль демократахъ, къ которымъ у него было какое то двойственное отношеніе. Съ одной стороны онъ относился къ нимъ съ почтеніемъ, а съ другою у него проскальзывала и нотка горечи.

— Оно, конечно, социаль-демократы, что и говорить! Это и въ евангеліи тоже сказано: «положи душу свою за други своя». Ну, а только, скажемъ, хоть бы и мои дѣти... Кормилъ, поилъ я ихъ, пока силы были, думалъ: окончатъ ученіе и меня, старика, покоить будутъ, уголь дадутъ и кусокъ хлѣба... А они къ социаль демократамъ ушли и... вотъ, теперь подойду къ тюрьмѣ, а они изъ за рѣшетки выглядываютъ. Хорошо это?..

— Ты мнѣ, батька, объ этихъ самыхъ социаль демократахъ не говори! — перебивалъ его воръ. — Терпѣть ихъ не могу!..

— Самый неприятный народъ эти социаль демократы! — хрипѣла проститутка.

Для меня эти отзывы были совершенной неожиданностью. Память о петербургскихъ ворахъ и ихъ увлеченіяхъ именно социаль-демократами была такъ еще свѣжа, что я никакъ не могъ понять вставшаго предо мной факта, совершенно противоположнаго отношенія къ нимъ со стороны вора и проститутки. Мнѣ казалось, что это простое недоразумѣніе, что и воръ и проститутка просто въ глаза не видали ни одного социаль демократа.

— А вамъ случилось встрѣчаться съ социаль-демократами? — спрашиваю я, обращаясь къ вору.

— А то нѣтъ! Эка, подумаетъ, невидаль какая! Сколько угодно видѣли.

— Чѣмъ же они такъ васъ изобидѣли?

— Меня — ничѣмъ! А съ другими было и очень даже нехорошо.

— Что же именно было?

— А то и было, что люди къ нимъ, можно сказать, всей душой, а они всей...

Тутъ воръ дополнилъ свою мысль нецензурнымъ выраженіемъ.

— Выше себя никого не уставятъ! — поддержала его и проститутка. — Они только и люди, а остальныхъ хоть на живодерку сейчасъ.

— Другіе тоже люди,—угрюмо проворчалъ воръ.

— Гордость въ нихъ эта! А въ писаніи сказано: «гордыня твоя побораеть тебя...» Не гордись, значить,— вставилъ свое слово «батюшка».

— Не одна только гордость!—пренебрежительно замѣтилъ воръ.—Гордись, пожалуй,—мнѣ какое дѣло до этого!... Другое, похуже гордости, есть.

— Что же, именно, другое?—настаивалъ я.

— Что!—разсердился воръ.—Злобы въ нихъ много, собачьей злости. Бросаются на людей зря, не разобравши дѣла...

Это опять было для меня новостью. Такой характеристики я никакъ не ожидалъ, и отнесъ ее опять таки на счетъ недоразумѣнія.

— Можетъ быть, со словъ черносотенныхъ агитаторовъ аттестуютъ,—пронеслось у меня въ умѣ.—Въ чайныхъ союза русскихъ людей наслушались рѣчей благочестивыхъ ораторовъ!

И я рѣшилъ выяснитъ это недоразумѣніе. И какъ путь къ такому выясненію, предпочелъ всему другому ссылку на фактъ, именно на свои сношенія съ петербургскими ворами.

— Въ Петербургѣ я слышалъ совсѣмъ другія отзывы,—началъ я.

— Отъ кого слышалъ?—угрюмо спросилъ воръ.

— Да отъ такихъ же воровъ, какъ и вы.

— Ну, не знаю... Можетъ быть, такъ только называютъ себя ворами...

— Нѣтъ, настоящіе. можно сказать, отърожденія вору.

— Что же они говорили?

Я рассказалъ всѣ подробности: и о разговорахъ въ тюрьмѣ и о совѣщаніи въ петербургской трущобѣ, напирая, главнымъ образомъ, на то, что социаль-демократы борются противъ капиталистовъ, почему, собственно, компанія петербургскихъ воровъ и рѣшила присоединиться къ нимъ. Не былъ забытъ и эпизодъ съ часами, покорившій дядю Панкрата.

— А это когда было?—спросилъ воръ.

— Да ужъ побольше года назадъ, въ концѣ апрѣля 1905 года.

— А послѣ этого вы ихъ видѣли?

— Нѣтъ, не видѣлъ, не удалось.

— Ага! — крикнулъ воръ. — Вотъ въ этомъ то и штука—годъ назадъ это было. А какъ бы повидали вы ихъ сейчасъ, они бы вамъ совсѣмъ не то запѣли.

— Почему?

Въ это время къ намъ подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нами взлохмаченный дѣтина, видимо только что возставшій отъ сна гдѣ-нибудь подъ лодкой.

— Вотъ, Анархистъ *), господинъ интересуется очень социаль-демократами. Говоритъ: годъ назадъ петербургскіе воры очень ужъ обожали ихъ,—не отвѣчая мнѣ обратился къ нему воръ.

— Годъ назадъ?—почесалъ тотъ въ затылкѣ. — Что же, это очень даже можетъ быть. Это, выходитъ, прошлой весной было?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да, прошлой весной.

Ну, это, пожалуй, не въ одномъ только Петербургѣ было. Я въ то время какъ разъ въ Москвѣ, въ Бутыркахъ былъ... Тоже не мало о нихъ разговоровъ было, особенно промежду молодыхъ... Были, которые совсѣмъ собирались съ воровскимъ ремесломъ покончить... Какъ же: «голодать, говорили, будемъ, а на воровство не пойдемъ, вмѣстѣ съ социаль-демократами будемъ... Какъ они, такъ и мы...»

— Вотъ, вотъ!—перебилъ его воръ.—Господинъ и про тѣхъ, петербургскихъ, тоже самое сказываетъ: книжками, газетами собирались торговать, и воровство на смарку.

— Про то же и я говорю: воровать чтобы ни-ни, хоть умри, а не моги,—и вмѣстѣ, чтобы съ социаль-демократами, въ одну линію.

— И много такихъ было?—поинтересовался я.

— А вотъ какъ! — торжественно поднялъ руку

*) Анархистъ—кличка одного изъ воровъ.

Анархистъ.—Ежели взять молодежь зеленую, такъ почитай вся, цѣликомъ!..

— Время ужъ такое было!—вдохнулъ батюшка:— довлѣтъ дневи злоба его.

— Время—это такъ!—согласился Анархистъ.—Ну, а на счетъ «злобы» ты, батька, ошибаешься!— обратился онъ къ попу, не понявъ его цитаты. — Злоба послѣ пришла, это уже осенью было, во время забастовки, такъ въ октябрѣ. Я тогда въ Москвѣ же былъ, только ужъ на волѣ. Весной то меня выслали по этапу сюда, а такъ къ Ильину дню я опять туда на машинѣ приѣхалъ. Мѣсяца два, значить, всего то въ отсутствіи былъ, а можетъ быть, и всѣ десять недѣль. Такъ и тогда ужъ перемѣна была на этотъ счетъ не малая. Которые весной то собирались къ социаль-демократамъ, тутъ уже носы повѣсили.

— Почему же, собственно?—спросилъ я, чтобы подать реплику и расшевелить Анархиста, довольно таки вяло тянувшего рассказъ.

— А потому, что они то всей душой къ социаль-демократамъ, а тѣ къ нимъ, какъ бы это повѣжливѣе сказать, не того... Мы, говорить, трудящійся народъ, своимъ трудомъ живемъ, а вы воры, послѣдніе люди!..

— Вотъ! И я тоже самое говорилъ!—обрадовался воръ.—Мы къ нимъ всей душой, а они всей . . . А тоже какъ было мы за нихъ!.. Они въ тюрьмѣ бунтъ затѣваютъ, и мы за ними... они голодовку объявляютъ, и мы хлѣбъ за окно выбрасываемъ. А они, опосля того: вы воры, послѣдніе люди, намъ съ вами не стать!..

— Ну, голодовка—это особъ статья!—остановилъ его Анархистъ.—Это и намъ, ворами, было нужно. Тутъ мы не для нихъ, а для всѣхъ вообще арестантовъ, чтобы, значить, хотя сколько нибудь обращеніе человѣческое было. И на счетъ пищи то же,—чтобы поменьше воровали съ нашего арестантскаго пайка. А мы будемъ говорить на счетъ того, чтобы нашему брату вору вмѣстѣ съ социаль-демократами на одномъ,

значить, дѣлѣ встать, одну линію тянуть!... Вотъ тутъ то и произошла заминка. Мы, значить, къ нимъ, а они: нѣтъ, ты сначала воровство оставь, да честной жизнью себя покажи, а потомъ и приходи, тогда и потолкуемъ... А пока — ходи отъ насъ дальше, отъ нашихъ воротъ крутой поворотъ.

— Но... вѣдь это только одна осторожность,—попробовалъ я возразить.

— Осторожность! Нѣтъ, тутъ не одна осторожность... Это мы все понимаемъ: нельзя такъ сразу: пришелъ человѣкъ съ вѣтру и сейчасъ ему — вотъ гдѣ наши самые главные вожаки живутъ, а вотъ тутъ браунинги или бомбы спрятаны!.. Очень даже хорошо понимаемъ, что этого нельзя. Такъ, вѣдь, и изъ полиціи переодѣтый шпіонъ придетъ, да: «хочу быть социаль-демократомъ, покажите, гдѣ у васъ браунинги и бомбы спрятаны!»—Очень даже хорошо понимаемъ, что такъ не бываетъ,—такъ мы, вѣдь, этого и не желали. Узнавай человѣка, смотри за нимъ, держи подальше отъ всякихъ тайностей, обезпечь себя всякими мѣрами,—на то ты и приставленъ; не свое дѣло дѣлаешь, а общественное, общее,—такъ, береги его значить... Ну, а только и людей отъ себя не гони, какъ паршивую собаку. Вотъ оно, въ чемъ сила то.

— То же и мы люди,—подтвердилъ воръ.

— И людей понимать можемъ!—продолжала Анархистъ.—Онъ тебѣ говоритъ: «покажи себя честной жизнью»,—а того не понимаетъ, что къ нему люди затѣмъ и пришли, чтобы эту самую честную жизнь не зря проводить, доказать, значить... А какъ я ему докажу, ежели онъ меня на дѣлѣ не испытаетъ? Ну, вотъ, къ примѣру, съ вами мы на этой самой пристани... Видите вы, что я подъ лодкой день деньской кверху брюхомъ лежу или съ голодухи пойду вонъ къ тому толстопузому подрядчику, бревна ворочать,—какъ вы можете по этому обо мнѣ судить? Что я вамъ этимъ докажу? Что я честно ничего не дѣлаю или честно подрядчику за гривенникъ рубли въ карманъ

кладу? Такъ, вѣдь, можетъ быть, я днемъ то бревна таскаю, а ночью замки взламываю. Откуда вы это узнаете? Какое же это, послѣ этого, испытаніе?

— Испытаніе, подумашь! — прохрипѣла прости-тутка и сплюнула въ сторону. — Всякій дьяволъ, да еще испытывать!

Помолчи, прекрасная дама! — Зыкнулъ на нее воръ. — Не твоего ума это дѣло. Твое дѣло съ свиньями въ корытѣ «ананасами рожу лимонить».

— Нѣтъ, ты на дѣлѣ меня испытывай, коли хочешь узнать! — продолжалъ Анархистъ. — Такъ меня поставь, чтобы сразу было видно съ какими такими намѣреніями я пришелъ.

— Подъ пулю или подъ штыкъ поставь или пошли на такое дѣло, что висѣлицей пахнетъ! — пояснилъ воръ. — Это будетъ испытаніе! Коли человѣкъ головы своей не жалѣетъ, такъ, значитъ, въ емъ полная рѣшимость, какъ есть, на все... И ему тогда ужъ довѣрять можешь.

— Мы эту механику то тоже хорошо понимаемъ, какъ человѣка испытать можно, — авторитетно кивнулъ головой Анархистъ, какъ бы одобряя этимъ поясненія вора. — Также и въ нашемъ дѣлѣ не безъ опаски, не сразу бросаемся на человѣка: вотъ, молъ, тебѣ полное довѣріе! А только, что касаемо социаль-демократовъ, такъ тутъ, опять таки говорю, не въ испытаніи дѣло. Совсѣмъ другое тутъ. За людей они насъ не считаютъ. Вы, вотъ, говорите: они противъ богатыхъ? — обратился онъ ко мнѣ.

— Да, конечно.

— А мы, какъ по вашему: за богачей что ли стоимъ?

— Думаю, что вамъ нѣтъ никакого резона за богатыхъ стоять.

— «Нѣтъ никакого резона!» — Это ты правду ска-залъ! — перешелъ онъ на ты. — А только это нужно понять. А они этого то и не понимаютъ. Тутъ у нихъ въ этомъ самомъ мѣстѣ, какъ будто, винтика одного

не хватаетъ. И они противъ богатыхъ, и мы этихъ толстопузыхъ въ полной мѣрѣ готовы на осинѣ повѣсить! Кажись бы намъ вмѣстѣ надо итти? А они противъ насъ...

— Но гдѣ же противъ васъ то? До сихъ поръ, кажется, этого не было. Сколько я могъ понять васъ, социаль-демократы съ излишней недовѣрчивостью отнесли къ вамъ, но не больше!—возразилъ я.

— «Съ излишней недовѣрчивостью!» Такъ вѣдь я говорю про то, что было лѣтомъ прошлаго года (1905-го), когда я только что повернулся въ Москву. А потомъ, осенью и не то было. Вы въ Москвѣ то бывали?—обратился онъ съ вопросомъ ко мнѣ.

— Бываль.

— Хитровъ рынокъ знаете?

— Знаю немного: видѣлъ и слышалъ.

— Такъ знаете, какой тамъ народъ обитаетъ?

— До извѣстной степени представляю...

— Вотъ такой же, что и на этомъ самомъ берегу,—махнулъ онъ рукой на пристань.—Можно сказать, всякій народъ: тамъ и нашъ братъ воръ, и коты, и босяки, и крестьяне, которые пріѣхали изъ деревни и не нашли работы, и вотъ такія прекрасныя дамы, которыхъ ужъ ни въ одномъ «домѣ» не держатъ...

— Знаю, знаю, не перечисляйте!—остановилъ я его.

— Знаете?.. Ну, однимъ словомъ — хитрованцы! Такъ вотъ, въ октябрѣ это было прошлаго года — знаете что сдѣлали московскіе рабочіе, эти самыя ваши социаль демократы?—какъ то особенно торжественно обратился онъ ко мнѣ.

— Что же они сдѣлали?

— Пошли и начали бить хитрованцевъ

— Какъ, то есть, бить?

— А такъ, собрались на митингъ, тамъ порѣшили! разныя свои дѣла и, между прочимъ, и на счетъ хитрованцевъ: итти, молъ, сейчасъ на Хитровъ и бить смертнымъ боемъ. И прямо съ митинга и пошли... И били.

— Но за что же?

— А это будто «элементъ» такой, который противъ свободъ. Такъ вотъ этотъ самый элементъ и нужно бить. И сколько тогда народу покалѣчили! И слышно было: будто не въ одной Москвѣ это было, а и въ другихъ городахъ. Началось, будто, съ Варшавы. Тамъ вотъ этихъ самыхъ прекрасныхъ дамъ избивали,—указаль онъ на проститутку,—и ихъ котовъ, а потомъ и воровъ тоже. Въ Царицынѣ тоже не обошлось безъ этого, въ Саратовѣ потомъ, а можетъ быть, и въ Самарѣ. Что касемо Нижняго, такъ вотъ тутъ Ванька Козель,—онъ тамъ въ то время былъ, такъ сами можете отъ него слышать, какія дѣла тамъ творились... Вотъ оно какъ широкохватило! По всей Россіи, можно сказать.

— Но, позвольте!—остановилъ его.—Въ Нижнемъ, напримѣръ, революціонеровъ избивали...

— Избивали! Такъ, вѣдь, надо знать кто избиваль! Это не въ Нижнемъ только, а во всѣхъ городахъ было. Такъ ты спроси, узнай: кто избиваль революціонеровъ? Лабазники ихъ били, трактирные лакеи, татары-старьевщики, прасолы, кабатчики, трактирщики съ своей челядью! Вотъ кто билъ революціонеровъ! А не хитрованцы, не воры, не босяки... Это ужъ послѣ октября и воры противъ нихъ пошли, такъ и тутъ еще не всѣ, а которые мало понимающіе. Настоящій, понимающій себя воръ, не пойдетъ съ купцомъ вмѣстѣ бить революціонера! Этого никогда не будетъ. Мы тоже понимаемъ это хорошо. Ежели у насъ съ рабочими социаль-демократами раздоръ вышелъ, хотя-бы и не по нашей винѣ, а по ихней, такъ это еще не значитъ, что мы всѣхъ революціонеровъ подъ рядъ должны бить. Революціонеры то, вѣдь, всякіе бываютъ. Не одни социаль-демократы противъ богатыхъ идутъ,—есть и другіе.—Соціалисты-революціонеры—это особъ статья! Опять-же анархисты—это ужъ совсѣмъ особъ статья и къ намъ, пожалуй, ближе будутъ, чѣмъ къ социаль-демократамъ. Опять-же и со-

ціаль-демократы тоже не всѣ одинаковы. Которые настояще-то понимаютъ дѣло, такъ тѣ тоже не пойдутъ бить воровъ или босяковъ. Есть, знамо дѣло, и изъ нашихъ, которые и революціонеровъ бьютъ и въ полиціи служатъ. Такъ и тутъ опять надо-то знать, что не изъ воровъ только въ шпіоны-то идутъ! Ежели посчитать, такъ, пожалуй, изъ рабочихъ ихъ насчитаешь не меньше, да и изъ господъ тоже есть. А про нашего брата нужно еще и то сказать: другой разъ онъ со злобы въ шпіоны то идетъ. Травятъ его, какъ бѣшенную собаку, со всѣхъ сторонъ, а привѣта или добраго слова онъ ни откуда не видитъ. Всѣ его за врага считаютъ, каждый норовитъ всячески изничтожить его, оплевать, въ грязь затоптать. Самый, что ни есть, никуда негодный человѣкъ и тотъ въ душу тебѣ наплевать старается. Вотъ, человѣкъ и озлобляется и идетъ въ шпіоны и всякія пакости людямъ устраиваетъ, чтобы только злобу сорвать.

— А скажите: почему васъ Анархистомъ зовутъ?— поинтересовался я.

Онъ нахмурился, какъ-то особенно поспѣшно всталъ и пошелъ прочь отъ насъ и уже на ходу, нехотя, бросилъ:

— Такъ это, между своими прозвали.

— Отчего онъ ушелъ?—обратился я къ вору.

— Не любитъ онъ когда его объ этомъ спрашиваютъ.

— А почему его Анархистомъ прозвали?

— А это онъ, какъ выпьетъ, такъ: «анархистъ я! Самый первѣющій на свѣтѣ «революціонеръ!»—Ну, и другія прочія слова говоритъ. Недавно это съ нимъ, всего съ полгода какихъ-нибудь, вотъ какъ изъ Москвы пріѣхаль. А раньше онъ больше пилъ. Напьется и сейчасъ скандалить начнетъ. А теперь и пить меньше сталъ, и совсѣмъ какой-то другой, не тотъ уже человѣкъ, что раньше... И любопытные у него слова, когда онъ выпьетъ. Прямо сказать, заслушаешься. Вы вотъ тогда его послушайте!

— А то еще съ нимъ Андрей Ивановичъ приходитъ!—захрипѣла проститутка.—Такъ тотъ ужаси какой смѣшной: «вы, говоритъ, цѣны себѣ не знаете!»— Это воры то, значить, себѣ цѣны не знаютъ.

— Что это за Андрей Ивановичъ?—спросилъ я вора.

— А это тутъ интеллигентъ одинъ,—отвѣтилъ за него батюшка,—изъ нашихъ онъ, изъ духовныхъ, профессоромъ въ семинаріи былъ, а теперь вотъ тутъ, съ нами... Анархистомъ себя называетъ и все изъ писанія, ересь больше проповѣдуетъ: «Христось, говоритъ, первый анархистъ былъ!» Тьфу!

Батюшка энергично отплюнулъ отъ еретическаго сопоставленія.

— Ересь или не ересь, это мы не знаемъ, да это намъ и ни къ чему, а только любопытно говорить и нашего брата вора вполнѣ понимать можетъ.

— А гдѣ онъ живетъ?—заинтересовался я.

— Да тутъ больше на пристани... А то, такъ гдѣнибудь, въ нашихъ мѣстахъ. Вы вотъ его послушали бы! Настояще умный человекъ! Не то, что мы.

Эту любопытную фигуру мнѣ пришлось встрѣтить совершенно случайно въ полицейскомъ участкѣ.

Какъ то весенней короткой ночью полиція на разсвѣтѣ сдѣлала облаву на пристани и въ прилегающихъ къ ней трущобахъ; и вся армія босяковъ, воровъ, инвалидокъ проституціи и просто бродячаго, бездомнаго люда оказалась во дворѣ полицейскаго участка.

Въ ожиданіи провѣрки паспортовъ и фізіономій я примостился на бочкѣ, около стѣны и ждалъ своей очереди. Сначала провѣрку производилъ какой то «штатскій», но потомъ, въ виду обилія провѣрочнаго матеріала, раздѣлилъ работу между четырьмя околодочными, которые и устроили свои «бюро» въ разныхъ углахъ двора. Одинъ, между прочимъ, устроился на ящикѣ около «моей» бочки и для начала ткнулъ пальцемъ въ тощую фигуру господина въ сюртукѣ удивительнаго покроя и съ пенснэ на близорукихъ глазахъ.

— Ну, ты! Вынимай свой паспортъ!

— Потише «тычь»!—спокойно, но твердо отвѣтилъ тотъ.—Мы съ тобой вмѣстѣ свиней не пасли.

— Что!—поднялъ тонъ околодочный.

— Ничего,—также спокойно отвѣтилъ тотъ.—По-вѣжливѣе, говорю, можно.

— Давайте паспортъ,—спустилъ тонъ околодочный,—мнѣ съ вами некогда разговаривать. Вонъ сколько васъ тутъ!

— Это не моя вина, что много людей... Не я ихъ согналъ сюда... А паспортъ вотъ, получите...

И онъ подаль паспортную книжку.

Околодочный раскрылъ ее и началъ читать:

— «Кандидатъ богословія, отставной надворный совѣтникъ Андрей Ивановичъ С—кій»... Это вашъ паспортъ?—подозрительно взглянувъ на владѣльца книжки, спросилъ околодочный.

— Мой.

— Гдѣ вы служили?

— Въ С—ской семинаріи, преподавалъ философію...

— Когда вышли въ отставку?

— Въ 189* году.

Околодочный еще разъ пытливо взглянулъ на него и, не хотя возвращая книжку, проговорилъ:

— Можете итти.

Тотъ презрительно улыбнулся и, не спѣша, пошелъ къ воротамъ.

— Не про него ли мнѣ говорили?—подумалъ я, глядя ему вслѣдъ.

— Вашъ паспортъ;—ткнулъ меня въ колѣно околодочный.

Я далъ свою книжку. Онъ мелькомъ взглянулъ, сдѣлалъ два—три вопроса объ именахъ жены, дѣтей и отпустилъ меня.

Тотчасъ за воротами я увидѣлъ Анархиста и Андрея Ивановича. Они, видимо, ждали кого то, такъ какъ постоянно то одинъ то другой изъ нихъ оглядывался на калитку.

— Здравствуйте, Анархистъ! — подошелъ я къ нимъ.—И васъ потревожили?

— А то они не потревожатъ,—проворчалъ Анархистъ.

— А это вы тамъ на бочкѣ сидѣли?—спросилъ Андрей Ивановичъ и пристально взглянулъ на меня своими близорукими глазами.

— Да, я.

— А вы, собственно, кто будете?—спросилъ онъ.

Я разсмѣялся.

— Сейчасъ видно, что вы изъ духовнаго званія— съ перваго слова: и кто будете? Старая привычка осталась.

Андрей Ивановичъ сконфузился.

— А вотъ и Чиновникъ идетъ,—указалъ на калитку Анархистъ.

Къ намъ подходилъ человѣкъ въ калошахъ на босую ногу, въ соломенной шляпѣ и въ одномъ бѣльѣ.

— Вы уже тутъ?—крикнулъ онъ, завидя Анархиста и Андрея Ивановича.—Вотъ и хорошо! А я думалъ ждать придется, а теперь въ самый разъ къ Митрофаньчу, да чайкомъ согрѣться. Утро сегодня холодное, а на мнѣ костюмъ...

И онъ повелъ глазами на свою фигуру.

— А это кто?—указалъ онъ глазами на меня.

— А это тоже съ пристани забрали...

Мы пошли въ трактиръ Митрофаньча и всѣ четверо расположились за однимъ столомъ. Намъ подали «три пары» чаю съ четвертымъ добавочнымъ приборомъ и четыре фунта «пшеничнаго хлѣба».

— «Оную» не мѣшало бы... послѣ столкновенія съ «врагомъ»,—обводя всѣхъ глазами, проговорилъ Андрей Ивановичъ.

— У меня ни сантима!—хлопнулъ себя по бедрамъ Чиновникъ.

Мы съ Анархистомъ и Андреемъ Ивановичемъ считали свои капиталы и нашли, что «оная» допустима.

Мальчикъ подаль намъ бутылку казенки, четыре прошлогоднихъ огурца и двѣ воблы.

Началось чаепитіе въ перемежку съ опрокидываніемъ рюмокъ и заѣданіемъ хлѣбомъ съ огурцомъ и воблой.

Послѣ третьей или четвертой рюмки у Анархиста лицо раскраснѣлось, глаза помутнѣли, и онъ, перегнувшись черезъ столъ, обратился ко мнѣ:

— Вотъ вы меня спрашивали тогда: почему я Анархистомъ зовусь?

— Да, спрашивалъ.

— Такъ вы съ этимъ вотъ къ Андрею Ивановичу обратитесь: онъ вамъ все, какъ слѣдуетъ, доподлинно расскажетъ—почему я анархистомъ долженъ быть и все прочее?—И онъ опустилсѣ на стулъ.

— Пожалуйста, меня это очень интересуетъ. Анархизмъ теперь вообще въ модѣ,—вопросительно взглянулъ я на Андрея Ивановича.

— Въ модѣ!—какъ то выкрикнулъ тотъ надтреснутымъ, больнымъ голосомъ.—Дѣло тутъ не въ модѣ, а въ томъ, что онъ—воръ, съ рожденія, можно сказать, воръ, врагъ капитала и владѣнія собственностью, а, слѣдовательно, анархистъ... Вы знаете, что такое анархизмъ?—въ упоръ посмотрѣлъ онъ на меня своими близорукими черными глазами.

— До извѣстной степени представляю себѣ.

— А что именно вы представляете?—еще ближе подвинулся онъ ко мнѣ, напирая на послѣднее слово.

— Представляю себѣ общепринятое ученіе анархизма.

— Что же именно?

— Прежде всего, конечно, отрицаніе владѣнія частной собственностью, а затѣмъ и отрицаніе необходимой для охраны этой собственности организациі общества.

— Такъ, правильно!—и Андрей Ивановичъ откинулся на спинку стула.—Отрицаніе собственности и охранителя этой собственности —государства!

А что есть истинный анархистъ?—перекачнулся онъ на стулъ и опять въ упоръ уставился на меня. Я расхохотался.

— Это ужъ экзамень изъ катехизиса!..

— Пусть такъ!—нисколько не смущаясь, серьезно продолжалъ Андрей Ивановичъ.—Пусть будетъ урокъ или экзамень изъ катехизиса... анархистскаго! что есть истинный анархистъ?

— Полагаю, что истиннымъ анархистомъ является всякій, приѣмлющій ученіе анархизма во всей его полнотѣ.

— То есть?—не отставалъ Андрей Ивановичъ.

— То есть, всякій, отрицающій собственность и принудительную общественную организацію.

— А чѣмъ можно проявить сіе отрицаніе?

— Непризнаніемъ собственности и неподчиненіемъ принудительной организаціи...

— Такъ, вѣрно. А когда воръ крадетъ, совершаетъ ли онъ актъ признанія собственности или же, напротивъ, совершаетъ актъ отрицанія правъ собственника?

— Полагаю, что послѣднее?

— Отсюда, что есть воръ?

— Въ такой постановкѣ вопроса выходитъ, что онъ анархистъ, — пошелъ я на встрѣчу выводамъ Андрея Ивановича.

— Только въ такой постановкѣ? А въ иной?

— А въ иной получается нѣсколько иное.

— Что именно получается?

— Получается, что недостаточно еще украсть и тѣмъ нарушить право отдѣльнаго собственника, похитивъ его собственность,—нужно еще идейное непризнание правъ собственности, а отсюда и планомѣрная борьба съ организаціей, охраняющей эти права.

— И изъ сего слѣдуетъ?

— Изъ сего слѣдуетъ, что украсть и проѣсть или пропить украденное и вообще потребить, не значить еще быть анархистомъ.

Я думалъ, что называется, убить своего экзаменатора этимъ выводомъ. Но оказалось, что не только не убилъ, но, повидимому, доставилъ ему полнѣйшее удовлетвореніе.

— Вотъ!—обратился онъ къ Анархисту и Чиновнику.—Это самое я вамъ и говорю: украсть да сожрать—это и собака можетъ! А ты—человѣкъ! И коли ты воръ, такъ ты долженъ знать свое мѣсто въ жизни. А мѣсто то это тебѣ сама жизнь указываетъ отъ рожденія... Анархистомъ ты долженъ быть до мозга костей. Анархизмъ—это твой богъ, твоя религія, твоя единственная защита, твой единственный путь спасенія, единственная дверь въ твой будущій рай! Воруи, но знай, почему ты воруетъ, а не для утробы и не для глотки или глупаго бахвальства: «у меня, молъ, деньги есть, такъ смотри, что моя нога хочетъ!..» Этимъ ты уподобляешься тому же собственнику, и не анархистъ ты въ такомъ случаѣ, а самый послѣдній человѣкъ, уподобляющій себя собакѣ, которая стащитъ кусокъ и сожретъ за угломъ, поджавши хвостъ. Такъ я говорю?

— Такъ,—отвѣтилъ Анархистъ, склонивъ голову на руку.—Такъ. Собаки и жизнь наша собачья, всякая палка на насъ годится... И только лѣнивый насъ не бьетъ. А все потому, что сами себя понимать не можемъ, и всѣ врознь идемъ, другъ у друга кусокъ вырываемъ, изъ за послѣдней кости готовы передрасться...

— Тоже и насъ очень то винить нельзя,—нѣсколько обидчиво заговорилъ Чиновникъ.—Тоже и въ наше положеніе войти надо. Жрать то, вѣдь тоже нужно, какъ тамъ ни говори!

— Я не виню васъ, милый человѣкъ!—какъ то особенно тепло обратился къ нему Андрей Ивановичъ.—И васъ и никого не виню: «не судите, да не судимы будете»... Никто не имѣетъ права судить другихъ. Человѣкъ самъ себѣ судья въ своей совѣсти. Иного суда не должно быть. И если ты самъ себя не винишь, то и я тебя не виню. А я только говорю: оглядитесь вокругъ себя! На какое мѣсто поставила васъ жизнь? Она васъ поставила на мѣсто враговъ собственности и собственниковъ... И кромѣ этой

вражды у васъ нѣтъ ничего больше, никакихъ путей, никакихъ средствъ. Все у васъ въ этомъ и ничего кромѣ этого. А если это такъ, то и нужно быть разумными существами, а не растрчивать послѣдняго зря, безъ ума...

— Что же, мы развѣ... Мы всей душой къ вамъ, Андрей Ивановичъ!—потянулся черезъ столъ совсѣмъ уже захмѣлѣвшій Анархистъ.—Къ примѣру сказать, хоть бы я... Что я такое былъ, пока не повстрѣчался съ вами?

А теперь я готовъ, хоть сейчасъ, на смерть, что-бы, значить, по настоящему, какъ лучше для всѣхъ? Сейчасъ рѣжь меня на куски!..

— Зачѣмъ на куски рѣзаты! — остановилъ его Андрей Ивановичъ. — Этого совсѣмъ не нужно. Ты самъ на свое собственное положеніе разумно взгляни, и этого достаточно. Остальное приложится... Помнишь, какъ Соломонъ въ древности: «Дай мнѣ, говоритъ, Господи, мудрость»... А остальное приложится. Коли будешь мудръ, то и все у тебя будетъ, и благородство души, и справедливость, и любовь къ ближнему, и счастье. «Будьте мудры какъ зміи и кротки какъ голуби!»—говоритъ Христось, потому что одно безъ другого не бываетъ. Мудрецъ всегда кротокъ, а глупецъ—золь. Глупость—самое большое зло и самое большое несчастье всего человѣчества. Христось это зналъ и прежде всего старался насадить мудрость и разсѣять тьму глупости и злобы.

— Эхъ! Мудрость!—стукнулъ кулакомъ по столу Анархистъ.—Гдѣ ее намъ набратъся! Съ издѣтства мы въ темнотѣ да въ грязи, между свиньями да въ собачьихъ конурахъ. Отъ нихъ что ли мудрости наберешься! А умные то люди отъ насъ, какъ отъ чумы бѣгутъ... Бѣжить да еще отплевывается. Я вотъ до 35 лѣтъ дожилъ, а съ настоящими то людьми, у которыхъ настоящій свой умъ есть, всего полгода какъ сталъ разговаривать. А то всю жизнь... слѣпецъ слѣпцу ногу подставляетъ!..

— И оба падаютъ.—подхватилъ Андрей Ивановичъ.—

Но Анархистъ уже не слушалъ его; онъ, раскачиваясь на нетвердыхъ ногахъ, размахивалъ руками, какъ птица крыльями, и выкрикивалъ:

— Самые несчастные и послѣдніе мы люди! Нѣтъ меньше насъ! Всякій надъ нами набольшій! А мы!..

Качающаяся его фигура какъ будто плавала въ табачномъ дыму и тонула въ его волнахъ, беспомощно взмахивая руками.

— Скажи, милый человѣкъ!.. Андрей Ивановичъ! Скажи по душѣ, по совѣсти могу я называться анархистомъ? Въ полной мѣрѣ, значить, чтобы въ аккурать было!

— Коли ты чувствуешь желаніе въ душѣ, значить будешь анархистомъ,—звенѣлъ надтреснутый, но спокойный голосъ Андрея Ивановича.

— Чувствую!—билъ себя въ грудь Анархистъ.— Вотъ, сейчасъ подохнуть мнѣ, чувствую! Такъ чувствую!.. Андрей Ивановичъ! вотъ каковъ ты для меня человѣкъ!.. Лучше отца родного.

— Анархистъ! А ты погоди, приостановись малость!—лѣзъ къ нему Чиновникъ.

— «Анархистъ!» Ты меня анархистомъ называешь? Дай я тебя поцѣлюю за это! Первый другъ ты, послѣ этого, будешь мнѣ!

И Анархистъ лѣзъ къ Чиновнику цѣловаться.

— Андрей Ивановичъ—а потомъ ты!.. Встроимъ мы такихъ дѣловъ надѣлаемъ!.. Только бы мнѣ вотъ голову другую... мудрую!

И онъ склонилъ голову на столъ.

ГЛАВА IX.

На другой день, рано утромъ я сидѣлъ на краю днища разломанной бѣяны и смотрѣлъ на мутныя волны полноводной еще въ это время года Волги.

Сзади за плечо кто-то меня тронулъ. Я обернулся. Это былъ Андрей Ивановичъ.

— А я искалъ васъ.

— Чѣмъ могу служить?

— Вы чай пили уже?

— Нѣтъ еще. Вотъ засмотрѣлся на Волгу. Какая она на видъ полноводная, а... плавать по ней нельзя: порядочный пароходъ постоянно на мель садится.

— Волга такая же, какъ и все въ жизни,—задумчиво, съ грустной ноткой, отозвался Андрей Ивановичъ.—Посмотрите на мѣръ! Какъ онъ прекрасенъ и богатъ, а люди въ этомъ мѣрѣ въ слезахъ тонуть и пухнуть съ голоду, а красоты и не замѣчаютъ... Злоба и ненависть закрываютъ отъ нихъ красоту земли, и обиліе плодовъ земныхъ пропадаетъ даромъ.

Мы направились въ чайную.

— А Анархиста вы видѣли сегодня?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, не видѣлъ. А что?

— Такъ, любопытный типъ...

— Типъ!—съ раздраженіемъ перебилъ меня Андрей Ивановичъ.—Какіе вы, господа интеллигенты! Въ чело-вѣкѣ вы только «типъ» замѣчаете, живой души не видите. Предъ вами чело-вѣкѣ умираетъ въ мукахъ души, а вы: «любопытный типъ!..»

— Простите, Андрей Ивановичъ! Я вовсе не это хотѣлъ сказать. Это такъ ужъ, привычное выраженіе сорвалось...

— Привычное выраженіе! А за нимъ и привычное отношеніе къ людямъ!—не унимался Андрей Ивановичъ.—Люди для васъ—это пѣшки, безчисленное мно-

жество бездушныхъ пѣшекъ, которые вы, для своего удобства, раздѣляете на разряды, на типы: типъ страдающихъ, типъ унылыхъ, типъ веселыхъ, типъ неунывающихъ... И всѣ для васъ одинаково безразличны, никакого чувства въ васъ не вызываютъ, потому что существованіе типа страдающихъ столь-же закономерно и въ порядкѣ вещей, какъ и типа самодовольныхъ. Они имѣютъ для васъ только научный интересъ, а наука въ свою очередь занимается легализаціей типа страдающихъ и голодныхъ. Такъ, молъ, должно быть и иначе не можетъ быть... Нехорошо это!

Въ чайной никого почти не было, когда мы пришли. Мы заняли столикъ у окна съ видомъ на Волгу; намъ подали двѣ пары чаю и хлѣба.

— А на счетъ Анархиста, если хотите знать, такъ это несчастнѣйшій человѣкъ,—какъ бы продолжая разговоръ, началъ Андрей Ивановичъ.—И хорошій онъ человѣкъ, хотя и воръ. Онъ изъ тѣхъ воровъ, вотъ... что одесную Христа былъ распятъ. У него душа большая и совѣсть чуткая, и на справедливость онъ падкій. Доля только у него несчастная. На улицѣ онъ родился, на улицѣ воспитался и выросъ, среди воровъ и проститутокъ. И кромѣ этой компаніи во всю жизнь свою ничего не видѣлъ. И въ тюрьмѣ и на волѣ,—все одна и та же компанія...

— Андрей Ивановичъ,—перебилъ я его.—Скажите: неужели вы серьезно ведете пропаганду анархизма среди воровъ?

— Пропаганду анархизма? - переспросилъ онъ и на минуту задумался.—Это, знаете, что считать пропагандой? По моему, собственно, тутъ никакой пропаганды не нужно: воръ по самому своему положенію долженъ быть анархистомъ.

— А мнѣ кажется, какъ разъ обратно: воръ не можетъ быть анархистомъ.

— Почему же это вамъ такъ кажется?—довольно таки пренебрежительно спросилъ онъ. — Потому что онъ воръ? Презрѣнный человѣкъ, преступникъ про-

тивъ заповѣди Моисея? Такъ это, батюшка мой, одинъ предразсудокъ. Анархистъ ничего этого не признаетъ..

— Андрей Ивановичъ! — остановилъ я его. — Мы говоримъ объ анархизмѣ, а не объ анархистахъ. А это разница.

— Да, разница, конечно, — согласился онъ. — Христіанство и христіане нашего, хотя бы, времени тоже... далеко не одно и то же.

— Вотъ именно. А поэтому будемъ примѣривать къ ворахъ анархизмъ, а не настроенія отдѣльныхъ анархистовъ. Анархисты данной группы могутъ признавать или отрицать все, что угодно, — это намъ не интересно. Для насъ важно опредѣлить: воры, какъ таковые, могутъ или не могутъ выполнить требованія анархизма?

— Согласенъ, — кивнулъ онъ головой.

— Такъ вотъ, — продолжалъ я, — выставя съ одной стороны требованія анархизма, а съ другой фигуру профессиональнаго вора, я и вижу, что это кафтанъ не по его плечу.

— Почему?

— По очень простой причинѣ — потому что воръ не знаетъ производительнаго творческаго труда. А этотъ производительный творческій трудъ является единственной основой будущаго анархистскаго общества. Способность и любовь къ творческому труду такъ же необходимы при анархіи, какъ нервы необходимы человѣку въ каждый моментъ его жизни. А воръ развѣ можетъ творить? Развѣ улица, вѣчная борьба съ обществомъ и такая же вѣчная грызня между собой не убили въ немъ эту способность?

— По — озовьте, милостивый государь! — протянулъ Андрей Ивановичъ. — Вы не знаете воровъ, если такъ говорите. Почему это воръ не можетъ творить? Кто вамъ сказалъ, что въ немъ убита эта способность? Гдѣ это вы вычитали?

— Нигдѣ я этого не вычиталъ, а говорю на осно-

вані собственныхъ наблюденій, достаточно обширныхъ...

— И не смотря на эту обширность вашихъ наблюденій, вы ошибаетесь,—нетерпѣливо перебилъ онъ меня.—У вора есть творческая способность! жива она въ немъ, не убита, какъ жива душа! Это я вамъ говорю! Возьмите вы хоть того же Анархиста,—развѣ въ немъ не жива душа? Развѣ онъ не готовъ всего себя отдать за крупицу счастья всего человѣчества.

— Андрей Ивановичъ! Я говорю не о способности къ душевнымъ подъемамъ. Эта способность въ ворахъ есть. Я самъ былъ не разъ свидѣтелемъ ея проявленій. Я говорю о способности творить...

— Ага! Вотъ вы о чемъ! — опять не далъ онъ мнѣ договорить.—Вы сомнѣваетесь въ ихъ способности творить единство настроенія въ цѣляхъ совместнаго существованія.

— Но это будетъ общественная организація! — попробоваль я поправить его.

— Да, да, способность къ общественной организаціи! — окончательно закусилъ онъ удила.—Ну, такъ на этотъ счетъ у меня есть такіе факты, противъ которыхъ вы ничего не скажете. Это уже совершается, милостивый государь! Поймите, совершается, находится въ періодѣ творческаго созиданія. И созидаютъ они, сами созидаютъ, эти самые воры, за которыми вы не признаете творческой способности!

— Что созидаютъ? — не вытерпѣлъ я.

— Организацію! — внушительно произнесъ онъ. — Общественную воровскую организацію созидаютъ! Да!..

— Гдѣ? какую?

— На этотъ вопросъ точно я вамъ не могу отвѣтить, ибо не имѣю права раскрывать чужую конспирацію. Но могу все же сказать, что по настоящее число въ 17 городахъ профессиональные воры организовались на коммунистическихъ началахъ.

— Это любопытно! — заинтересовался я. — Но...

скажите принципъ этой организаціи. Это, вѣдь, не нарушить конспираціи?

— Принципъ очень простой: взаимопомощь и борьба сплошной массой. Нападаютъ и обороняются всѣ, какъ одинъ.

— Ну-те!

— Тутъ, собственно, есть чисто профессиональная особенность, на которую главнымъ образомъ, и опирается вся организація. Эта особенность... Я ее вамъ поясню съ отрицательной ея стороны... Знаете пословицу; «сколько кувшину по воду не ходить, а когда нибудь голову сломить.»—такъ, вотъ эта самая пословица къ ворами особенно подходитъ. Украдетъ онъ разъ, украдетъ два, три, десять разъ—и къ нему уже начали присматриваться и обыватель и полиція. И чемъ больше онъ воруетъ, тѣмъ легче его поймать, потому что онъ уже извѣстенъ. Если при первой кражѣ онъ стоитъ, какъ бы, въ общей обывательской массѣ, то при двадцатой онъ уже въ родѣ на возвышеніи — подходи и бери его голыми руками.

— Какъ же организація это устраняетъ?

— А очень просто: организація ставитъ его въ такое положеніе, что онъ вѣчно, какъ будто, на первую кражу идетъ.

— Какъ же это достигается?

— Путемъ простого переѣзда изъ одного города въ другой. Предположите, что организація города № замѣтила, что за такимъ то членомъ ея корпораціи начинается слѣжка, — сейчасъ она снабжаетъ его билетомъ на желѣзную дорогу, и онъ ѣдетъ въ лоно организаціи города X. Тамъ онъ опять чистъ и свѣжъ и окруженъ своими людьми. Тутъ двойная выгода: физиономію онъ себѣ не портитъ, а опытность приобретаетъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени шансы на его поимку не только не увеличиваются, а уменьшаются.

— Это все?

— Какъ все! Организація, помимо этого, забо-

тится о томъ, чтобы ея члены не были подозрительны по своему положенію, т. е. создаетъ имъ фиктивное имущественное положеніе. Затѣмъ организація ограждаетъ ихъ отъ эксплуатаціи перекупщиковъ, принимая на себя сбытъ краденаго, что очень легко и удобно дѣлать при существованіи связей съ организаціями другихъ городовъ. Организація же заботится о впашихъ во временную нужду, чѣмъ избавляетъ ихъ отъ необходимости безумнаго риска. Наконецъ, организація беретъ на себя борьбу съ шпіонажемъ. Это зло особенно разъядало воровскую корпорацію. Благодаря существованію шпіонажа, въ средѣ воровъ создавалось антиклассовое теченіе: наиболѣе сильныя единицы стремились выбиться изъ среды воровъ въ среду ихъ преслѣдователей и гонителей.— Организація и этому злу положить конецъ и тогда...

— Воры—анархисты разрушатъ капиталистическій строй?—докончилъ я его мысль.

— Да, противъ такой силы ничто не устоитъ. Не забывайте, что за ними техника, выучка, единство психологіи, отсутствіе пережитковъ буржуазной морали,—съ такими данными они быстро поставятъ общество въ такое положеніе, въ которомъ владѣніе собственностью будетъ невозможно.

Я не удержался и улыбнулся.

— Чему вы улыбаетесь?

— Вашему... увлеченію.

— Какому увлеченію? Гдѣ вы тутъ видите увлеченіе?

— Во всемъ, дорогой Андрей Ивановичъ. Все это одна ваша мечта.

— Какъ мечта? Но вѣдь я вамъ указываю на фактъ: организаціи существуютъ.

— Я и не сомнѣваюсь въ этомъ фактѣ. Я принимаю его весь цѣликомъ, но отъ этого факта до разрушенія капиталистическаго строя безконечно далеко. Вы говорили: «лишать общество самой возможности владѣть собственностью»?

— Да.

— Но вѣдь для этого нужно, чтобы ваши организованные воры были сильнѣ общества?

— Они и будутъ сильнѣе.

— Не могутъ. Въ такомъ случаѣ они разрушили бы произведенные предметы и на ихъ мѣсто ничего бы не произвели, т. е. поставили бы общество, всѣхъ людей, въ необходимость умереть съ голоду. А до этого человѣчество никогда не дойдетъ, ибо оно не захочетъ пойти на встрѣчу общей голодной смерти. И вы знаете, чѣмъ ваши организованные воры кончатъ?

— Чѣмъ, по вашему?

— Они доведутъ озлобленіе общества противъ себя до крайней степени и подъ бременемъ этого озлобленія погибнуть. Нельзя строить исторію съ одними разрушительными способностями. А вся созидаемая вами организація есть ничто иное, какъ созиданіе разрушенія.

— А вы слышали: «Сила разрушающая есть въ тоже время и созидаящая сила»?

— Слышалъ и не буду спорить, что въ этомъ много правды, въ особенности если брать область идей. Разрушая одну идею, вы, такъ сказать, расчищаете мѣсто для другой, новой идеи. Но для это нужно брать нормальнаго, средняго человѣка, а не калѣку, напримѣръ.

— Но развѣ воры—калѣки?

— Да, для вашихъ цѣлей они калѣки. Какъ ужъ я и говорилъ, они могутъ только разрушать произведенное другими, а производить неспособны. Поэтому то я и думаю, что воры, какъ матеріалъ, меньше всего пригодны для созданія анархистскаго общества. Это продуктъ капиталистическаго строя и вмѣстѣ съ нимъ онъ умретъ.

— Посмотримъ! Посмотримъ! Вы забываете одно, что разъ воры выступятъ на дорогу анархизма, то они неминуемо встрѣтятся на ней и съ другими, не ворами.

— Встрѣтятся ли?

На этомъ мы разстались. Каждый изъ насъ остался при своемъ мнѣніи. Но въ своемъ предсказаніи Андрей Ивановичъ оказался правъ, хотя только до извѣстной степени.

Очень скоро я имѣлъ случай убѣдиться, что «встрѣча» возможна. Но только, какъ мнѣ кажется, эта встрѣча совершается не потому, что воры подвигаются къ анархизму, а скорѣе наоборотъ. Или, по меньшей мѣрѣ, обѣ стороны встрѣчаются на срединѣ того моста, который переброшенъ между ними общимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ владѣнію собственностию и принудительной организаціи общества.

Встрѣча, такимъ образомъ, происходитъ не на положительной, а на отрицательной почвѣ,—не на почвѣ созиданія общихъ идеаловъ и общей идеалогіи, а на почвѣ разрушенія существующихъ устоевъ современнаго общества.

Отъ такого сближенія анархисты несомнѣнно теряютъ, а воры едва ли что выигрываютъ, конечно, пока остаются ворами, не отказываясь отъ своей профессіи.

Къ этому мы и перейдемъ въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА X.

Глубокой осенью того же года я былъ уже въ одномъ изъ городовъ Западнаго Закавказья. Здѣсь анархисты торжествовали побѣду за счетъ, главнымъ образомъ, социаль-демократовъ.

Социаль-демократы толпами переходили къ анархистамъ. Отсюда, понятно, возникла вражда. Враждовали съ анархистами и дашнакъ-цаканы. Эти, главнымъ образомъ, изъ за того, что анархисты терроризировали капиталистовъ, взыскивая съ нихъ контрибуцію.

Федералисты и эсеры въ этой враждѣ держались нейтральнаго положенія, скорѣе дружественнаго къ анархистамъ, чѣмъ враждебнаго.

Весьма благосклонно къ анархистамъ относились такъ называемая группа экспроприаторовъ и контрабандисты. Обѣ эти группы нерѣдко называли себя анархистами и дѣйствовали отъ имени анархистовъ.

На этой почвѣ между ними и анархистами возникли недоразумѣнія.

Такъ, какіе то трое экспроприаторовъ вручили тремъ сестрамъ учительницамъ письмо, требуя съ нихъ 200 рублей. Письмо было снабжено печатью мѣстной группы анархистовъ.

Объ этомъ узнали руководители группы анархистовъ и арестовали экспроприаторовъ. На допросѣ имъ было поставлено въ вину, во первыхъ, то, что они, выдавая себя за группу анархистовъ, не выполняютъ необходимыхъ функцій группы, т. е. не ведутъ пропаганды и пр., — а, во вторыхъ, и то, что они предъявили требованіе о контрибуціи не къ капиталистамъ, а къ людямъ, живущимъ своимъ трудомъ.

На первое обвиненіе экспроприаторы отвѣтили, что пропаганда словомъ, по ихъ мнѣнію, не обязательна, что важны дѣйствія, а не слова. А на второе заявили, что не знали соціальнаго положенія сестеръ и сочли ихъ за капиталистокъ, потому что они занимали большую квартиру.

Во избѣжаніе подобныхъ ошибокъ имъ предложили присоединиться къ группѣ анархистовъ, что они и сдѣлали, кажется.

Этотъ, самъ по себѣ незначительный, случай говоритъ намъ, что уже тутъ идейные анархисты довольно близко подходятъ къ профессиональнымъ экспроприаторамъ, экспроприрующимъ, главнымъ образомъ, ради того, чтобы добыть средства къ жиэни.

И тѣ и другіе допускаютъ экспроприаціи, какъ средство пропитанія, хотя анархисты на ряду съ этимъ еще ведутъ и пропаганду, путемъ кружковыхъ собра-

ній, прокламацій и прочей литературы. Кромѣ того, и самое пользование экспропрированными суммами «для себя» тутъ ограничено до крайняго минимума.

При мнѣ группа судила одного изъ видныхъ своихъ членовъ за то, что онъ на средства группы пилъ вино и ѣздилъ на извозчикахъ, что наблюдалось нѣсколько разъ въ теченіе 2-хъ дней.

Нужно сказать, что вино тамъ стоитъ дешево и считается необходимой принадлежностью стола даже въ очень бѣдныхъ семействахъ, такъ что предъявленное обвиненіе свидѣтельствуетъ о крайнемъ аскетизмѣ группы.

Но это было еще первое время сформированія болѣе или менѣе значительной группы анархистовъ въ этомъ городѣ, и члены ея чувствовали себя прозелитами, которые, какъ извѣстно, всегда строго относятся къ соблюденію требованій только что воспринятой ими религіи.

Помимо этого, они были подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстныхъ теоретиковъ анархизма, которые и подерживали ихъ на высотѣ стремленія къ идеаламъ.

Но, тѣмъ не менѣе, фактъ остается фактомъ: экспроприация, произведенная въ цѣляхъ пропаганды, до извѣстной степени используется и какъ средство пропитанія для самихъ экспроприрующихъ.

Собственно особаго противорѣчія съ ученіемъ анархизма въ этомъ фактѣ, конечно, нѣтъ, и для насъ онъ важенъ только потому, что этимъ стирается до извѣстной степени принципиальная разница между экспроприаторомъ анархистомъ и просто экспроприаторомъ. Разница отношеній у тѣхъ и у другихъ къ экспроприуемымъ цѣнностямъ только количественная.

Одни говорятъ, что «проѣсть» можно ровно столько, сколько требуется, чтобы не умереть съ голоду, — а другіе этими нормами не довольствуются, а говорятъ, что экспроприуй и удовлетворяй всѣ твои потребности, до кутежей включительно.

Въ качествѣ сторонниковъ послѣдняго мнѣнія въ

Закавказьи выступаетъ довольно таки сильная группа экспроприаторовъ-гастролеровъ. Ихъ 20-30 человекъ, но всѣ молодцы на подборъ, молодые, сильные, ловкіе, гибкіе, какъ пантеры.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ руководителей этой группы на вечерѣ, устроенномъ губернаторшей въ пользу какого то просвѣтительнаго учрежденія.

Насъ кто-то познакомилъ, и, какъ это часто бываетъ, я не разслышалъ его фамиліи, а онъ моей.

За бутылкой мѣстнаго вина мы разговорились. А такъ какъ въ это время анархизмъ и анархисты интересовали тамъ всѣхъ, то и мы, естественно, говорили о томъ же.

— Да, успѣхи большіе дѣлаютъ здѣшніе анархисты,—сказалъ я, не помню ужъ, по поводу какого его замѣчанія.

— Э! успѣхи!—пренебрежительно бросилъ онъ.—Книжки читаютъ, прокламаціи печатаютъ. Что такое прокламація? Что она можетъ? Вотъ возьми!—И онъ положилъ предо мной «сегодняшнюю» прокламацію анархистовъ.—Что это—бомба, развѣ, или пушка, или броненосецъ? Листокъ! Паршивый листокъ бумаги!.. Развѣ онъ можетъ разрушить капитализмъ? Ничего онъ не разрушить.

— Но... простите!—попробовалъ я остановить его.—Можетъ быть эта прокламація и ничего не разрушить, можетъ быть, она очень плоха: я ее не читалъ,—но вообще литература далеко не маленькая сила, какъ извѣстно... она даетъ знаніе, а знаніе въ свою очередь разрушаетъ заблужденія.

— Заблужденіе!—перебилъ онъ меня.—Какое заблужденіе? Развѣ у насъ кто заблуждается на этотъ счетъ? Всѣ понимаютъ, что капитализмъ нужно разрушить. Ну, и разрушай! Вотъ, бери руками и разрушай!

И онъ поднялъ мускулистыя руки, сжатые въ кулаки.

— Ничего они не понимаютъ:—нѣсколько спокойнѣе продолжалъ онъ.—Книжки читаютъ, а ничего не понимаютъ. Они говорятъ: нельзя на себя тратить?

Скажи, пожалуйста, какъ это можно, чтобы человѣкъ экспроприации производилъ, а на себя ничего не тратилъ, съ голоду подыхалъ?..

— Простите, но они, кажется, только противъ излишествъ...

— Какое излишество? Что значитъ излишество? Бутылку вина выпить—излишество? Поужинать, «Мраваль джаміеръ» пропѣть излишество? Человѣкъ на смерть идетъ, себя не жалѣетъ, а ему не позволяютъ съ друзьями одинъ вечеръ повеселиться! Развѣ такъ жить можно? Такъ... одинъ разъ пойдетъ (на экспроприацию), а въ другой разъ не пойдетъ.

— Что же, по вашему мнѣнію, нужно?

— По нашему мнѣнію нужно, чтобы человѣкъ «работалъ» и жилъ; хорошо работалъ и хорошо жилъ! Если онъ сегодня на 10000 рублей экспроприацию сдѣлалъ, пусть хоть всѣ въ одинъ вечеръ проживетъ.

— Но, вѣдь, это будетъ грабежъ для кутежа! При чемъ же тутъ анархизмъ?

— Анархизмъ мы такъ понимаемъ: человѣкъ долженъ быть справедливымъ и смѣлымъ... Вотъ! Больше ничего не надо.

— Но какъ же такъ? Гдѣ же тутъ справедливость? Одинъ сегодня экспроприруетъ и прокутитъ въ компаніи 10000 р., а рядомъ сотни людей голодаютъ! Какая же это справедливость!

— Это—10000 рублей—я такъ только сказалъ: можетъ, если захочетъ.—Но смѣлый человѣкъ и справедливый не станетъ пропивать такія деньги, когда рядомъ голодные: у него душа большая! Онъ не забываетъ бѣдныхъ и несчастныхъ никогда. Вы знаете Нико? Слышали?

— Какого Нико?

— Былъ такой, нашъ грузинскій герой.

— А! Эта... легенда! Слышалъ, слышалъ...

— Ну, вотъ! Развѣ Нико станетъ пьянствовать, если народъ голодаетъ?

— По смыслу легенды это, дѣйствительно, недопустимо.

— Никогда онъ не станетъ пьянствовать! Этого нельзя думать! А только и ему жить надо. Коли онъ все отдаетъ для борьбы, то долженъ жить. Если ты разрушаешь строй капитализма, такъ и живи отъ... этой работы. Иначе ты ничего не разрушишь, а самъ умрешь съ голоду. Понимаешь? Вотъ, если бы тебѣ сказали: «Этотъ домъ нужно разрушить: отъ этого очень большая польза будетъ народу—разрушай его»—сказали бы это, а хлѣба тебѣ не дали бы и ничего не дали бы... Ты бы день, два, три разрушалъ, а потомъ умеръ бы съ голоду. Одинъ подѣздъ, можетъ быть, успѣлъ бы сломать... Какой толкъ изъ этого?

— Насколько я понялъ васъ, ваша мысль такова: экспроприаторъ всецѣло долженъ посвятить себя экспроприациямъ, какъ единственному средству борьбы съ капитализмомъ, а поэтому и самъ долженъ жить за счетъ добычи отъ «враговъ», не стѣсня себя въ удовлетвореніи своихъ потребностей.

— Такъ, такъ!—кивалъ онъ головой въ тактъ словамъ.—Онъ долженъ быть экспроприаторомъ сегодня, завтра—всегда и у него должно быть все, что онъ хочетъ; онъ долженъ хорошо жить. Тогда онъ будетъ сильнымъ и смѣлымъ, и за нимъ всѣ пойдутъ. Вотъ, какъ Нико. Онъ ничего не боялся, справедливымъ былъ человѣкъ... Если бы теперь онъ былъ?! О!.. За нимъ вся Грузія пошла бы.

— Опять Нико!—подумалъ я.

И мнѣ припомнилась встрѣча съ однимъ поклонникомъ того же Нико.

Я приведу эту встрѣчу, какъ она была у меня записана тогда лѣтъ 7—8 назадъ. Мнѣ кажется, это отступленіе не будетъ лишнимъ, такъ какъ до извѣстной степени бросаетъ яркій свѣтъ на ту почву, на которой создалось и держится столь высокое настроеніе закавказскихъ грузинъ вообще. Нико—это символъ справедливости и силы, выходящихъ изъ нѣдръ народа, какъ противовѣсъ той несправедливости и угнетенія, съ которыми не мирится вольная душа горца.

ГЛАВА XI.

Нико.

(Легенда).

1.

Мы,—я и старикъ Сандро,—были окружены горами Кахетіи. Онѣ нависли надъ нами и осѣняли насъ со всѣхъ сторонъ.

И странное чувство навѣвала тѣнь этихъ горъ: все, какъ будто, погрузилось въ неясную, туманную мечту; на всемъ лежалъ какой то отпечатокъ чего то далекаго, неуловимаго.

Было тихо, и намъ казалось, что вокругъ насъ что то беззвучно движется, не вызывая, однако, ни малѣйшаго колебанія ароматнаго воздуха.

— Его душа летаетъ тутъ,—тихо, какъ то одними губами произнесъ старикъ Сандро.

Мы стояли другъ противъ друга, а между нами была куча камней, сложенная пирамидой, почти въ ростъ человѣка.

На эту то кучу и указывалъ глазами Сандро.

— Тутъ его убили, тутъ и похоронили... Справедливый былъ человѣкъ.

— Кто?

Нико... Нашъ Нико.

— Разбойникъ Нико?

— Да... Такъ его звали.

И въ этомъ—такъ его звали—слышался не то протестъ, не то удивленіе. Вся фигура сѣдого, сгорбленнаго старика, какъ бы, говорила:

— Какой же онъ разбойникъ? Онъ нашъ Нико, наша гордость... Единственное, что осталось намъ отъ героическихъ временъ прошлаго.

— Давно онъ... умеръ?—спросилъ я у старика.

— Давно. Мой дѣдъ былъ вотъ такой, когда его убили.

И Сандро показаль рукой на аршинъ отъ пола.

— Справедливый былъ человѣкъ.

— Кто—вашъ дѣдъ или Нико?

— Нико... И дѣдъ тоже былъ справедливый... Тогда всѣ были справедливы,—а Нико справедливѣе всѣхъ... Такимъ ужъ онъ родился... Тогда часто родились такіе люди.

— А теперь не родятся такіе?

— Теперь не люди, а... женщины. Испортился народъ.

И Сандро безнадежно махнулъ рукой.

Онъ не любилъ своего времени. Всѣ его симпатіи были въ прошломъ. Душа его стремилась къ тѣмъ полурыцарскимъ временамъ, когда Кахетія силой своей доблести отбивалась отъ окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ враговъ.

Храбрость и справедливость!—Вотъ два достоинства, которыя только и признавалъ мирный на видъ Сандро. Остальное въ его глазахъ не имѣло никакой цѣны.

Легендарнаго разбойника Нико онъ ставилъ выше всѣхъ людей. Ему равнаго не было и не будетъ. Нико въ его глазахъ выросалъ въ колоссальную фигуру, окруженную сіяніемъ всѣхъ доблестей.

Такимъ же онъ рисовался и случайнымъ слушателемъ Сандро. Тихій, монотонный голосъ старика набрасывалъ на фигуру Нико полупрозрачную дымку, чрезъ которую чуть-чуть просвѣчивало что то дѣйствительно прекрасное и почти совершенное.

Нико являлся крошечнымъ ребенкомъ и выросалъ въ героя прошлыхъ, чуждыхъ намъ временъ.

Вотъ онъ сидитъ у порога сакли, а передъ нимъ ходитъ пѣтухъ съ своими курами. Въ подолѣ маленькаго Нико черешни. Онъ ѣстъ ягоды, а косточки бросаетъ курамъ. Но вотъ пѣтухъ схватилъ бѣлую курочку за хохолъ и пригнулъ ее къ землѣ.

Нико мигомъ схватилъ съ земли камень и убилъ пѣтуха.

— Не бей курочку!

Ему тогда было не больше пяти лѣтъ, но вся деревня тутъ же порѣшила, что это будетъ справедливый человѣкъ.

— И рука у него будетъ крѣпкая и глазъ вѣрный, — добавляли свою характеристику деревенскіе мудрецы.

О храбрости на этотъ разъ ничего не сказали, потому что побѣжденный врагъ былъ не изъ страшныхъ.

Но вскорѣ къ прежней характеристикѣ тѣ же мудрецы добавили:

— И страха въ немъ нѣтъ.

Въ это время Нико уже было семь лѣтъ, онъ уже могъ поднимать отцовскій широкій кинжалъ и даже грозно размахивать имъ на страхъ собакамъ и курамъ.

Съ этимъ то кинжаломъ онъ и бросился на ростовщика Ованеса, когда онъ повелъ съ отцовскаго двора любимую Нико буйволицу.

Мать Нико стояла и плакала, отецъ прислонился къ стѣнѣ своего низенькаго дома и не поднималъ глазъ отъ земли. Тутъ же были и сосѣди, они тоже смотрѣли въ землю и молчали. Никто не смѣлъ воспрепятствовать Ованесу уводить чужую буйволицу съ чужого двора. Всѣ не любили ростовщика, но всѣ молчали, потому что у него было много денегъ, которые и въ тѣ времена имѣли уже большую силу.

Одинъ Нико не понималъ и не признавалъ этой силы. Онъ былъ маленькій, а Ованесъ—большой и толстый,—и все же онъ выхватилъ кинжалъ изъ ноженъ отца и бросился на Ованеса.

— И онъ убилъ бы ростовщика, если бы отецъ не схватилъ его на руки и не унесъ въ саклю!—убѣжденно говорилъ старикъ Сандро.

— На кого Нико поднималъ свою руку, тотъ не оставался живъ,—какъ бы поясняя свою мысль, добавлялъ онъ.

— Но вѣдь ему было всего семь лѣтъ,—пытался я возразить.

— Все равно. Онъ такимъ ужъ родился. Господь ему отъ рожденія далъ крѣпкую руку. Не онъ убивалъ, а Господь... Богъ любитъ справедливость и справедливымъ помогаетъ... Нико онъ помогалъ всегда.

И Сандро продолжалъ свои воспоминанія о героѣ, на могилѣ котораго мы стояли. Въ памяти его сохранились только отдѣльные эпизоды изъ жизни его героя, такъ что портретъ вырисовывался клочками, мазками, всегда яркими, но отрывистыми. Получился рядъ отдѣльныхъ картинъ, гдѣ на первомъ планѣ стоялъ Нико.

Вотъ онъ стоитъ въ темной саклѣ и сверкаетъ глазами на отца:

— Почему ты не позволилъ мнѣ убить Ованеса?

— Не надо его убивать.

— Почему не надо? Вѣдь онъ злой!

— Всѣхъ не перебьешь.

— Но вѣдь онъ одинъ. Другого Ованеса нѣтъ въ деревнѣ!

На это отецъ только махнулъ рукой и вышелъ изъ сакли. А Нико остался и думалъ:

— Почему они его не убьютъ? Вѣдь онъ всѣмъ зло дѣлаетъ.

Какъ онъ разрѣшилъ этотъ вопросъ и разрѣшилъ ли?—объ этомъ исторія умалчиваетъ. Извѣстно только, что послѣ этого онъ росъ, какъ и всѣ дѣти Кахетіи,—только, можетъ быть, любилъ больше другихъ родныя горы, кинжалъ и ружье.

Въ шестнадцать лѣтъ у него уже пробивались усики, на поясѣ висѣлъ широкій, острый какъ бритва кинжалъ, а за плечами было ружье.

Въ такомъ вооруженіи онъ чувствовалъ себя царемъ горъ и никого не боялся. Бѣгалъ онъ по горамъ не хуже козы, а прыгалъ со скалы на скалу также легко, какъ прыгаетъ молодой олень. Въ этомъ клялась святой Ниной пятнадцатилѣтняя Дарико, черноокая, тонкая, какъ тростинка и горячая, какъ огонь.

Дарико и Нико часто ходили въ горы. Тамъ такъ много было дивныхъ уголковъ и такъ удобно было мечтать о справедливости.

Сѣдя скалы нависли кругомъ и какъ бы тонуть въ синеватомъ воздухѣ... Тихо, только тамъ, далеко, на вершинѣ горы чуть-чуть сгибаются деревья отъ дуновенія горнаго вѣтерка... Подъ ногами, внизу розы тянутся своими красными головками къ солнцу, ароматъ ихъ разливается кругомъ. Дарико пьетъ этотъ ароматъ, ноздри ея едва замѣтно вздрагиваютъ, грудь вздымается и шевелится подъ тонкой рубашкой:

— Хорошо, Нико?—спрашиваетъ она.

— Хорошо!—отвѣчаетъ Нико.—Въ горахъ всегда хорошо... Людей нѣтъ, поэтому и хорошо.

— Людей нѣтъ?!—удивляется Дарико.—А мы съ тобой развѣ не люди?

— Одни мы—это ничего. А вотъ... когда другіе.

— Такіе какъ Ованесъ?—подсказываетъ Дарико.

— Да... и еще другіе... Много ихъ.

И они сидятъ молча, не шевелясь. Души ихъ соединяются съ природой, и сами они составляютъ какъ бы часть этой природы. Фигуры ихъ почти не выдѣляются на общемъ фонѣ. Сѣдя скалы, зеленые склоны горъ, блѣдныя и красныя розы, Дарико и Нико составляютъ одно цѣлое, одну дивную картину, вызывающую восторженное, почти молитвенное настроеніе.

Нико и Дарико поглощены этимъ настроеніемъ, они потонули въ немъ, слились съ нимъ въ одно цѣлое.

Такъ шли дни за днями. Нико и Дарико не думали о будущемъ, не заглядывали впередъ. Имъ казалось, что такъ будетъ всегда, безъ конца.

— Вѣдь лучше этого ничего нѣтъ. Зачѣмъ же оно измѣнится?

Оно—это вся ихъ жизнь, всѣ условія, которыхъ они иначе не могли себѣ представить, какъ такими, каковы они сейчасъ.

Тамъ въ деревнѣ не все хорошо. Тамъ Ованесъ и еще многое, что возмущало ихъ, — но вѣдь они всегда могутъ уходить сюда въ горы.

Тогда все нехорошее остается у нихъ за спиной, и они остаются наединѣ среди милой имъ природы. И это такъ легко сдѣлать—и такъ просто.

— Нико!—звонкимъ голосомъ крикнетъ Дарико и идетъ въ горы.

А чрезъ нѣсколько минутъ они уже и тамъ, подъ навѣсомъ ихъ любимой скалы.

Нико рассказываетъ, какъ онъ гонялся вчера по горамъ за туромъ, а Дарико слушаетъ и въ воображеніи у нея встаетъ фигура Нико, прыгающаго со скалы на скалу, чрезъ глубокія пропасти... Сердце у нея замираетъ отъ страха, но глаза горятъ восторгомъ.

— Ахъ, Нико!—стономъ вырывается у нея изъ груди.

— Что, Дарико?

— Какой ты...

Нико опускаетъ голову, а Дарико краснѣетъ до самыхъ ушей. Имъ что то неловко, какъ будто Дарико сказала какую нескромность.

— Дарико!—тихо говорить чрезъ нѣсколько времени Нико.

Дарико немного поднимаетъ голову и изъ подлѣбья смотритъ на него. Но онъ молчитъ. Ему нужно что то сказать, но онъ не знаетъ какъ и что именно.

Дарико опять краснѣетъ, еще гуще и еще ниже опускаетъ глаза. Сердце у нея тревожно бьется, дыханіе дѣлается несвободнымъ, она чего то и боится и въ тоже время желаетъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ.

А онъ все молчитъ. Такъ они и уходятъ домой съ трепетомъ въ душѣ, пріятнымъ, сулящемъ что то прекрасное, но непонятное для нихъ.

Этотъ трепетъ сопровождаетъ ихъ вездѣ: и когда они вмѣстѣ и когда они врозь, гдѣ нибудь у себя, каждый за своей домашней работой.

Стоить только Нико вспомнить скалу, какъ тотчасъ предъ нимъ рисуется фигура Дарико и сладкій трепеть разливается въ душѣ.

Онъ чуть-чуть краснѣетъ, останавливается на мѣстѣ и смотритъ въ даль.

Тоже самое бываетъ и съ Дарико. Она тоже не можетъ вспомнить скалу, чтобы предъ ней не всталъ образъ Нико. Она тоже краснѣетъ, тоже останавливается неподвижно и тоже смотритъ въ ту-же безконечную даль.

И въ мечтахъ и въ дѣйствительности они всегда вмѣстѣ, думаютъ объ одномъ, живутъ одними надеждами. Нико безъ Дарико и Дарико безъ Нико не могутъ себя представить ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ

И вотъ они врозь.

Дарико блѣдная, какъ смерть, сидитъ рядомъ съ толстымъ Ованесомъ въ свадебномъ поѣздѣ.

А Нико тоже блѣдный, но съ горящими глазами стоитъ у своей сакли и смотритъ на нее.

Кругомъ толпа народа, зурна играетъ, все движется, гикаетъ, кричитъ, но Нико ничего не видитъ и не слышитъ. Онъ видитъ только Ованеса,—толстаго, отвратительнаго Ованеса и рядомъ съ нимъ прекрасную Дарико.

— Какъ же это? Зачѣмъ они отдають ее Ованесу? За что?

И Нико тяжело поднимаетъ руку и треть свой нахмуренный лобъ, какъ бы усиливаясь выдавить нужный ему отвѣтъ.

Но отвѣта не получается.

Онъ знаетъ, что предъ нимъ совершается нѣчто отвратительное, безобразное, несправедливое,—но почему?—Этого онъ не въ силахъ понять.

И вотъ у него въ груди что-то поднимается и подступаетъ къ горлу. Съ нимъ повторяется тоже, что было давно, когда Ованесъ уводилъ у нихъ со двора

буйволицу... Его какъ будто лихорадка бьетъ, а ноги сами двигаются и куда то несутъ его, быстро, быстро, такъ что предъ нимъ все сливается въ одну пеструю полосу... Рука сама вынимаетъ кинжалъ и толстый Ованись падаетъ на землю, тяжело, грузно, какъ набитый мякиной мѣшокъ...

Крики, всеобщее смятеніе, кто-то выстрѣлил, кто-то у кого-то вырвалъ ружье, кто-то замахивается на Нико кинжаломъ... Нико взмахиваетъ своимъ кинжаломъ, чужая рука съ чужимъ кинжаломъ падаетъ на трупъ Ованеса...

Нико на самомъ гребнѣ горы, въ расщелинѣ скалы. Надъ нимъ спустилась ночь, на него смотрятъ съ синевы яркія звѣзды. Но онъ ни синевы, ни звѣздъ не видитъ. Передъ его глазами стоитъ Ованесь съ расколотымъ черепомъ, стоитъ и... молчить... А Нико говоритъ ему, какой онъ былъ злой и сколько несчастныхъ сдѣлалъ въ продолженіе своей жизни.

Тутъ и буйволица его отца, и проданная сакля вдовы, оставшейся безъ крова съ малыми дѣтьми, и отнятое у сосѣда поле, и невинная чистая Дарико... Все ставится на счетъ Ованесу.

— Дарико такая хорошая, а ты такой скверный... И ты хотѣлъ ее взять!—резюмируетъ Нико свой приговоръ.

Ованесь молчитъ, потому что все дѣйствительно было такъ, какъ говоритъ Нико.

— Значить я справедливо поступилъ, — думаетъ Нико.—Дарико меня пойметъ.

— А что она дѣлаетъ? Посмотрѣть бы пойти...

— Но итти нельзя. Тамъ его ждутъ чиновники, и потомъ тюрьма и судъ...

— За что?—задаетъ себѣ вопросъ Нико.—Вѣдь я справедливо поступилъ.

Ему непонятно, зачѣмъ судъ и наказаніе, когда слабый нуждался въ защитѣ, а злой и сильный получилъ должное возмездіе.

— Ованесъ всю жизнь вредилъ другимъ, теперь всѣмъ будетъ легче! За что же меня судить?

Онъ не имѣлъ понятія о правахъ общества и государства, а поэтому и думалъ, что всякій можетъ быть судьей Ованеса и ему подобныхъ. Всякій, а, слѣдовательно, и онъ, Нико, тоже можетъ судить и карать по усмотрѣнiю своей совѣсти.

— Нужно только справедливо!—окончательно рѣшилъ Нико, успокоился и почти тотчасъ задремалъ.

Во снѣ онъ видѣлъ себя подъ любимой скалой, рядомъ съ нимъ сидѣла Дарико и говорила, какъ и прежде:

— Ахъ, Нико... Какой ты!

И краснѣла, смущалась... Но вотъ румянецъ у нея сходитъ со щекъ, она блѣднѣетъ, дрожитъ, хватается его за руку и какимъ-то тоскующимъ голосомъ зоветъ:

— Нико! Нико! Милый Нико!

Нико просыпается и вскакиваетъ на ноги. Передъ нимъ стоитъ Дарико, вся облитая утренней зарей. Она точно такая, какой онъ только что видѣлъ ее во снѣ, блѣдная, дрожащая...

— Нико! Зачѣмъ ты спишь? Тебя ищутъ сыновья Ованеса съ ружьями. Они убьютъ тебя.

— Сыновья Ованеса?

— Да... Я тебѣ принесла ружье. Вотъ оно, а вотъ и мѣшокъ съ порохомъ и пулями... Возьми... я всю ночь тебя искала.

— Пусть придутъ,—просто проговорилъ Нико и взялъ ружье.—Они должны мстить за отца, но я могу защищаться.

— Нико! А я какъ? Что мнѣ дѣлать?—простонала Дарико.

— А ты иди домой... Скажи отцу, чтобы онъ не беспокоился.

Дарико пошла. Она шла и останавливалась и оглядывалась, пока не скрылась за горой.

А черезъ трое сутокъ въ горахъ нашли двоихъ

сыновой Ованеса. У одного голова была прострѣлена пулей, а у другого разрублена кинжаломъ. Рядомъ лежали ихъ ружья, оба разряженные. Они тоже стрѣляли. Деньги, и все, что было при нихъ, оказалось нетронутымъ.

— Нико не грабитель!—внушительно подчеркнулъ это обстоятельство старикъ Сандро.—Онъ справедливый человѣкъ.

— Сандро!—тронувъ я его за плечо.—Но вѣдь ты видишь къ чему ведетъ такая справедливость. Виновать былъ одинъ, а погибли трое!

— Въ этомъ онъ не виноватъ. Они хотѣли мстить, а онъ защищался.

— Но вѣдь они не могли не мстить, ихъ обычай заставилъ. Ты это хорошо знаешь. Ихъ презирать стали бы всѣ, если бы они не мстили! Нико своимъ убійствомъ принудилъ ихъ мстить,—и они погибли.

— Всякій человѣкъ имѣетъ право защищаться,—просто и спокойно отвѣтилъ Сандро.—Нико справедливый человѣкъ.

Я понялъ, что у Сандро свой особый взглядъ на справедливость, съ которымъ онъ не разстанется и не можетъ разстаться,—и больше не перебивалъ его.

2.

— А что же случилось съ Нико?—что-бы прервать молчаніе, спросилъ я.

— Нико потомъ пропалъ. Долго пропадалъ. Никто не знаетъ гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ. Цѣлыхъ пять лѣтъ не было его. Всѣ думали, что погибъ гдѣ нибудь въ пропасти, или медвѣдь задралъ.

Его забыли, считали мертвымъ... Молились за него, какъ за покойника.

— А Дарико вышла замужъ... У женщины память короткая,—вдохнулъ Сандро,—Она... женщина.

Пять лѣтъ—много времени. Черезъ пять лѣтъ даже и раны материнскаго сердца начинаютъ подживать, а

въ дѣвичьемъ сердцѣ разцвѣтаютъ новыя цвѣты много раньше. Разцвѣли они и въ сердце Дарико. Ихъ по-сѣялъ самъ же Нико своимъ безвѣстнымъ отсутствіемъ. Она полюбила молодого, скромнаго сосѣда—Михако. Любовь эта, можетъ быть была не такъ поэтична, въ ней мало было мѣста мечтѣ, не было воздушныхъ замковъ, населенныхъ героями справедливости, но она все же дала Дарико нѣкоторое подобіе счастья, дала возможность встать въ уровень со всѣми и за-быть пережитую драму.

Рядомъ съ ней былъ человѣкъ, который любилъ ее, а между ними было дитя, которое они оба любили. Остальное давалъ имъ ежедневный трудъ и заботы о собственномъ гнѣздѣ. Это была скромная, по своему счастливая пара. Не было блеска и бурныхъ проявленій радости и счастья, но не было и печалей. Жизнь протекала тихо, мирно, спокойно. Михако и Дарико радовались на своего маленькаго Васо, мечтали о его будущемъ и сулили ему всякое благополучіе.

— Ты будешь добрый, Васо?—тормошила ребенка Дарико.—А маму будешь любить? А?

Васо прижимался къ ней и нѣжно гладилъ рученкой ея щеку.

— А! Любишь? А папу любишь?

Васо издавалъ какой то совсѣмъ безразличный звукъ, который, однако, родителями принимался за утвердительной отвѣтъ.

— Люблю, говоритъ,—переводила его рѣчь Дарико.

Михако расплывался широчайшей улыбкой, а потомъ какъ бы съ недоумѣніемъ говорилъ:

— Такой... маленькій, а уже знаетъ кого любить надо.

— О! Еще бы!—подтверждала Дарико.

И въ ея словахъ слышалась какъ бы обида за сомнѣніе въ умственныхъ способностяхъ ея Васо.—

— Онъ все знаетъ.

— Ну, ужъ и все!—сомнѣвался Михако.

— Ты не вѣришь?—широко открывала глаза Дарико.

— Онъ такой маленькій...

Тутъ начинался споръ. Дарико доказывала, что нѣтъ такой вещи, какой не знаетъ Васо, а Михако увѣрялъ, что есть вещи, которыхъ Васо не знаетъ.

Этотъ споръ возобновлялся почти каждый вечеръ и занималъ всѣхъ троихъ. Родителямъ пріятно было говорить о своемъ ребенкѣ, а Васо, повидимому, то же ничего не имѣлъ противъ критики его умственныхъ способностей. Это можно было видѣть изъ того, что онъ все время самымъ энергичнымъ образомъ выдувалъ губами пузыри, какъ бы заявляя этимъ:

— А я еще и вотъ что умѣю.

Дарико нѣжно хлопала пальцами сына по губамъ и говорила мужу:

— Вотъ, видишь.

Этимъ же они занимались и въ вечеръ подъ Рождество, спустя два года послѣ своей женитьбы. Дарико доказывала мужу, что Васо прекрасно понимаетъ, что такое кинжалъ и для чего онъ необходимъ.

— Вотъ смотри, Я ему скажу: возьми кинжалъ,— и онъ возьметъ.

Дарико взяла ножны съ кинжаломъ, поднесла къ глазамъ сына и проговорила:

— Васо, бери кинжалъ!

Ребенокъ потянулся къ блестящей оправѣ.

— А что! А что! Я говорила,—засверкала черными глазами Дарико.

Михако тоже блаженно улыбался. Въ глубинѣ души онъ и самъ думалъ, что для сына его Дарико ничего недоступнаго нѣтъ и не можетъ быть. Противорѣчилъ же онъ женѣ только потому, что для мужчины обязателенъ нѣкоторый скептицизмъ.

— А что ты будешь дѣлать съ этимъ кинжаломъ? Турка бить?—продолжала свой экзаменъ Дарико.

Васо совершенно неожиданно хлопнулъ ее рученкой по щекѣ.

Это былъ такой краснорѣчивый отвѣтъ, что и Ми-

хако не выдержалъ и потянулся, чтобы обнять жену и сына вмѣстѣ.

— Такъ ты будешь бить турка!..

Въ это время дверь ихъ съней съ трескомъ распахнулась и черезъ порогъ переступилъ человекъ въ буркѣ, закутанный башлыкомъ. Въ рукахъ у него было ружье. Онъ весь былъ занесенъ снѣгомъ.

— Кто ты? Что тебѣ нужно?—вскочилъ Михако.

Дарико блѣдная, дрожащая прислонилась къ стѣнѣ, прижимая ребенка къ груди.

Пришлецъ откинулъ съ лица башлыкъ и съ кривой улыбкой проговорилъ:

— Не узнали? Забыли Нико?

Дарико вскрикнула и опустилась на тахту.

— О! Нико! Зачѣмъ ты пришелъ?—вырвалось у нея.

— Я пришелъ за невѣстой, а нашелъ чужую жену... Ты ее насильно взялъ?—обратился онъ къ Михако. Такъ же, какъ Ованесь!

И онъ поднялъ ружье и прицѣлился въ Михако.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сама!..

И Дарико бросилась къ мужу и заслонила его собой...

Грянулъ выстрѣлъ, и Дарико, какъ подкошенная, свалилась на полъ.

Михако выхватилъ кинжалъ и перескочилъ черезъ жену, но Нико взмахнулъ прикладомъ ружья, и мужъ упалъ рядомъ съ женою.

Черезъ пять минутъ въ сосѣдней саклѣ услышали стукъ въ окно, и затѣмъ чей то голосъ проговорилъ:

— Идите въ саклю Михако, тамъ случилось несчастье.

— Это сдѣлалъ Нико,—пояснилъ старикъ Сандро.— Ребенокъ остался живъ, и Нико не хотѣлъ, чтобы онъ всю ночь оставался одинъ съ трупами отца и матери. Нико справедливый человекъ. Зачѣмъ ребенка напрасно мучить.

— Но Сандро!—опять не выдержалъ я.—Неужели ты и это его убійство считаешь справедливымъ. Вѣдь

Дарико добровольно вышла замужъ и была счастлива. Всѣ трое были счастливы. А онъ отца съ матерью убилъ, а ребенка оставилъ сиротой.

— Михако не долженъ былъ брать Дарико.

— Почему?

— Если Нико поднѣлъ свои глаза на женщину, то ее никто не долженъ брать... Она принадлежитъ ему... Нико справедливый человѣкъ.

— Но... если Нико «поднѣмѣтъ глаза» на всѣхъ женщинъ, тогда всѣ не женатыми должны остаться?

— Нико больше не поднималъ глазъ на женщину, — сурово отрѣзалъ Сандро.

Приходилось прекратить споръ. Ясно, что справедливость Сандро не исключала возможности деспотизма. А въ такомъ случаѣ онъ былъ правъ, какъ правъ былъ и его герой, выше своего суда не признававшій ничего.

— Только... они не умерли, — послѣ двухминутнаго молчанія, какъ бы съ сожалѣніемъ, проговорилъ Сандро.

— Кто? — не сообразилъ я сразу.

— Михако и Дарико... Когда пришли сосѣди, Михако уже сидѣлъ на полу и держался руками за голову. Нико только оглушилъ его прикладомъ. А Дарико лежала и стонала. Пуля попала ей въ плечо. Нико цѣлился въ сердце Михако, а она заслонила его... Ей попала пуля въ плечо, потому что она ростомъ была ниже мужа, — какъ бы оправдывая стрѣлка, пояснялъ Сандро.

— Нико никогда не давалъ промаха! — авторитетно закончилъ онъ въ оправданіе своего героя.

Михако и Дарико поправились. Михако уже на третій день ухаживалъ за больной женой, а Дарико встала на ноги только чрезъ три мѣсяца. Была весна, когда они первый разъ вышли за двери сакли.

Она взглянула на горы и тяжело вздохнула. Во все время болѣзни она почти не говорила съ мужемъ, даже Васо больше не занималъ ее. Нахмуренныя брови не поднимались, улыбка не появлялась на лицѣ.

У нея открылась старая сердечная рана. Михако это замѣтилъ и тоже ходилъ хмурый, суровый.

Счастье отлетѣло отъ семьи. Его унесъ съ собой Нико. Куда?

Никто этого не зналъ.

Нико опять пропалъ. Но на этотъ разъ не на долго.

Первая вѣсть о немъ получилась изъ Сванетіи.

Тамъ въ это время извѣстенъ былъ своей жестокостью одинъ изъ потомковъ древнихъ князей Дадешкиліани, поселившихся въ Нижней Сванетіи еще въ XV вѣкѣ.

Это былъ въ сущности мелкій помѣщикъ, но слава о немъ шла далеко за предѣлы Сванетіи. Онъ распространялъ вокругъ себя слезы и горе, его боялись всѣ, — и собственные крѣпостные, и сосѣди помѣщики. Первыхъ онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, а на вторыхъ дѣлалъ набѣги.

Его звали Черный Батоно (черный господинъ) за его пристрастіе къ черному цвѣту. И одежда, и конь, и вооруженіе у него были черные, нигдѣ ни одного пятнышка свѣтлаго.

«Чернаго Батоно» боялись взрослые, имъ пугали дѣтей:

— Вотъ ты не слушаешься маму... Черный Батоно придетъ и унесетъ ее къ себѣ.

Это была не пустая угроза. Черный Батино частенько «уносилъ» къ себѣ молодыхъ матерей, если они ему нравились. А дѣвушки просто прятались отъ него. Онъ какъ коршунъ налеталъ на нихъ и уносилъ къ себѣ на скалу, гдѣ у него было построено его разбойничье логовище.

Оттуда онѣ возвращались истерзанная, съ опущенными глазами, убитыя неизлѣчимымъ горемъ. А нѣкоторыя и совсѣмъ не возвращались, пропадали навсегда.

Куда они дѣвались и что съ ними тамъ было, никто не зналъ. Слуги Чернаго Батоно не выдавали тайны,

а дѣвушки и женщины, которымъ удавалось возвратиться отъ него домой, на всѣ разспросы отвѣчали только слезами и стонами.

И вольная Сванетія, это древнее разбойничье племя, сгибалась подъ тяжестью ига Чернаго Батоно. Среди двухъ тысячъ взрослыхъ мужчинъ не находилось твердой руки, чтобы отомстить злодѣю.

Это не значило, что древніе разбойники снова выродились въ трусовъ. Нѣтъ, много было храбрецовъ въ Сванетіи, но Черному Батоно мстить было нельзя.

— Его не беретъ ни пуля, ни кинжалъ!—Это всѣмъ было извѣстно и всѣ единогласно это утверждали.

— Пуля пронизываетъ его насквозь, кинжалъ проходитъ чрезъ него, а онъ остается невредимъ, попрежнему скачетъ на своемъ черномъ конѣ и сбѣтъ вездѣ смерть и слезы.

— Какой же смыслъ рубить воздухъ? Зачѣмъ стрѣлять въ пустое пространство? Только разсердишь Чернаго Батоно и накличешь на себя бѣду неисходную.

И гордые сваны покорно сгибались предъ Чернымъ Батоно.

— Чародѣй онъ... Съ нимъ ничего не подѣлаешь...

Но у нихъ было одно утѣшеніе. Они ждали избавителя, который былъ обѣщанъ еще въ день рожденія Чернаго Батоно.

Страшное это было рожденіе. Младенецъ появился на свѣтъ и тотчасъ выругалъ свою мать нехорошими словами. А когда бабка повитуха приложила его къ груди матери, то онъ укусилъ ее до крови... Оказалось, что у него полный ротъ зубовъ, а по обѣимъ сторонамъ два клыка, какъ у кабана.

Перепугались на смерть родители младенца и не знали что съ нимъ дѣлать.

Въ это время дверь отворилась и въ комнату вошла старуха, закутанная въ черную чадру, какъ въ плащъ. Она остановилась надъ ребенкомъ и проговорила едва слышнымъ голосомъ:

— Это за вашъ грѣхъ послалъ вамъ Богъ такого ребенка.

Родители младенца опустили головы. Должно быть они знали о какомъ грѣхѣ говорила старуха.

— Молитесь за свой грѣхъ день и ночь, просите у Бога прощенія. И когда Богъ проститъ васъ, тогда Онъ вамъ пошлетъ смерть. Въ это же время родится человѣкъ, сильный и справедливый. Онъ пять лѣтъ не будетъ входить въ саклю, не будетъ ночевать подъ кровлей и потомъ придетъ и убьетъ этого... вашего... А до тѣхъ поръ онъ будетъ творить зло людямъ и ежедневно терзать ваше родительское сердце.

Съ этими словами старуха пропала. Она, какъ дымъ, разсѣялась въ воздухѣ.

Отецъ и мать Чернаго Батоно сейчасъ же покинули свой домъ, ушли въ горы, тамъ вырубили себѣ пещеру въ скалѣ и стали молиться.

Ребенка они оставили дома и сказали слугамъ, чтобы къ нему никто не подходилъ. Они надѣялись, что онъ умретъ съ голоду, и люди не будутъ страдать отъ него.

Но онъ грызъ землю своими клыками и росъ не по днямъ, а по часамъ. Въ семь лѣтъ онъ уже казался юношей и скакалъ на черномъ конѣ по горамъ. Ежедневно онъ прѣбзжалъ къ пещерѣ родителей, бросалъ къ ихъ ногамъ голову убитаго имъ человѣка или животнаго и осыпалъ ихъ ругательствами.

— Господи, прости насъ. Пошли намъ смерть! — молились грѣшники.

И господь простилъ ихъ. Въ одно время Черный Батоно прискакалъ къ пещерѣ съ головой замученной имъ дѣвочки и нашелъ родителей мертвыми.

— Подохли! — заскрежеталъ онъ зубами и поскакалъ прочь.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ, а Сванетія все еще стонала подъ рукой Чернаго Батоно. Съ каждымъ днемъ онъ становился все злѣе. Жители стали разбѣгаться отъ него въ горы, прятались въ

пещерахъ по долинѣ рѣчки Ингуры и только ночью выходили, чтобы запастись пищей и питьемъ.

А Черный Батоно рыскалъ по горамъ и разыскивалъ бѣглецовъ. Но никто не встрѣчался на его пути. Скрежещетъ Черный Батоно зубами, бьетъ своего коня плеткой, сверкаетъ огненными глазами. Злая душа просить крови, ему нужны стоны, муки людей.

— Попрятались, труссы! Но я васъ отыщу!

Какъ вдругъ—что это? На гребнѣ горы показался путникъ, въ черкескѣ, съ кинжаломъ на поясѣ и съ ружьемъ за плечами.

Черный Батоно пришпорилъ своего коня и поскакалъ прямо на путника.

— Приготовься отправиться къ сатанѣ! — крикнулъ онъ.

Но путникъ спокойно шелъ впередъ.

— Если ты въ продолженіе пяти лѣтъ хоть одинъ разъ ночевалъ подъ крышей, то сейчасъ будешь у черта въ гостяхъ.

— Я не ночевалъ подъ кровлей вотъ уже больше пяти лѣтъ,—спокойно отвѣтилъ путникъ.

Черный Батоно задрожалъ и первый разъ въ жизни поблѣднѣлъ.

— Это ты?—едва выговорилъ онъ сведенными въ судорогу губами.

— Да, это я,—отвѣтилъ путникъ.

— Пощади...

— Тебя нельзя щадить.

— А!—зарычалъ черный Батоно.—Будемъ жебиться!

И онъ выхватилъ шашку и бросился на путника, но тотъ подставилъ подъ ударъ кинжалъ, и шашка переломилась на двое.

Черный Батоно бросилъ обломокъ и схватился за кинжалъ. Но путникъ ударилъ кинжаломъ черного коня по головѣ и страшный всадникъ свалился къ его ногамъ.

Еще одинъ взмахъ, и голова Черного Батоно покатила по склону горы прямо къ пещерѣ, въ кото-

рой жили и умерли его родители. Тутъ голова удари-лась о скалу и вспыхнула смраднѣмъ пламенемъ... А въ это время у ногъ путника свершилось еще боль-шее диво. Трупы Чернаго Батоно и его коня какъ будто ожили, зашевелились, стали свиваться кольцами и клубами... Вотъ уже это не трупы, а цѣлыя кучи черныхъ, отвратительныхъ змѣй. Онѣ торопливо пол-зутъ отъ путника, поворачиваютъ къ нему головы и злобно шипятъ на него...

Но путникъ даже не двигается съ мѣста, только на губахъ у него вьется презрительная улыбка.

— Шипите, гады! Я васъ не боюсь,—говоритъ эта улыбка.

Тутъ старикъ Сандро остановился, пытливо по-смотрѣлъ на меня и съ какой-то особенной торже-ственностью спросилъ:

— А ты знаешь, что это за путникъ былъ?

— Нѣтъ, не знаю,—притворился я недогадливымъ, чтобы потѣшить старика.

— Нашъ Нико. Вотъ этотъ самый Нико, на мо-гилѣ котораго лежатъ эти камни.

— Неужели?

— Конечно. Вѣдь онъ цѣлыхъ пять лѣтъ прожилъ въ горахъ, не ночевалъ подъ кровлей... Онъ, а не кто-нибудь другой... убилъ Чернаго Батоно! О! Это не всякій можетъ. Ни одного человѣка на свѣтѣ больше не было такого. Только онъ могъ избавить всю Сва-нетію отъ Чернаго Батоно... и избавилъ.

Старикъ замолчалъ. Мы давно уже сидѣли съ нимъ на травѣ около могилы его героя. Солнце заходило за горизонтъ, намъ нужно было спѣшить въ ближай-шую деревушку.

— Не пора-ли итти намъ?—спросилъ я.

— Пойдемъ. Пора.

И мы пошли. Дорогой Сандро продолжалъ свой рассказъ.

III.

Вѣсть о смерти Чернаго Батоно достигла и Кахетии. Кто принесъ эту вѣсть, неизвѣстно,—но смерть Чернаго Батоно молва единогласно приписывала Нико.

— Это онъ. Больше никому.

Откуда взялась эта увѣренность, что только Нико могъ помѣряться силами съ Чернымъ Батоно,—трудно сказать, такъ какъ въ его прошломъ пока выяснилась только одна черта—стремленіе обходиться собственными силами, не прибѣгая къ помощи другихъ.

Это много, но этого все же недостаточно, чтобы приписать ему славу побѣдителя легендарнаго чародѣя.

Но молва тѣмъ не менѣе упорно стояла на своемъ и тѣмъ, какъ бы предсказала будущія похождения Нико.

А они эти похождения начались скоро. Вслѣдъ за вѣстью о смерти Чернаго Батоно пришла другая вѣсть,—говорили, что Нико собралъ окрестныхъ сванетовъ и раздѣлилъ между ними имущество умершаго чародѣя. Слугъ его онъ взялъ съ собой и ушелъ съ ними въ горы.

— До сихъ поръ вы служили злу, теперь будете служить добру,—будто бы сказалъ онъ головорѣзамъ Чернаго Батоно.

И они покорно, ни слова не говоря, послѣдовали за нимъ въ горы. Ихъ было всего 13 человекъ—12 слугъ и тринадцатый самъ Нико. Они никого и ничего не боялись, ни передъ чѣмъ не останавливались.

— А чѣмъ они жили?—не безъ задней мысли спросилъ я старика Сандро.

— О! у нихъ всего было довольно. Они ни въ чемъ не нуждались. Каждую ночь они въ лѣсу раскладывали костры и устраивали пиръ. Каждый бѣдный человекъ могъ приходиться на этотъ пиръ, никому отказа не было. Пей, ѣшь, веселись, хоть до утра!

— А богатому нельзя было приходиться?

— Богатыхъ Нико не любилъ. Каждого богатаго при встрѣчѣ онъ спрашивалъ: откуда ты взялъ свое богатство? И если онъ неправильно нажилъ имущество—то горе ему! Пощады нѣтъ.

— Но ты, Сандро, все же не сказалъ—откуда они брали средства для своихъ пировъ?

— Они ихъ брали у богатыхъ,—съ видимой неохотой отвѣтилъ Сандро.

— Грабилъ, значитъ?

— Грабилъ? Зачѣмъ грабить? Такъ бралъ. Ему не надо было грабить. Онъ приходилъ, и ему давали, что онъ хотѣлъ.

— А если не давали?

— Всѣ давали. Никто не смѣлъ отказывать. Давали купцы, которыхъ Нико встрѣчалъ на дорогѣ, давали помѣщики, и такъ богатые люди тоже давали. А съ бѣдныхъ онъ не бралъ, бѣднымъ онъ самъ давалъ. И обижать ихъ никому не позволялъ.

— Былъ тутъ у насъ одинъ ростовщикъ, вродѣ Ованеса. Давно это, тогда еще было. Обижалъ народъ сильно, жаловались всѣ на него. Одинъ разъ онъ отобралъ саклю у бѣдной вдовы, а ее съ семерыми дѣтьми, зимой, въ холодъ выгналъ на улицу.

— Стоитъ она подъ чинаромъ за околицей, а вокругъ нея всѣ семеро младенцевъ... Вдова плачетъ, и младенцы плачутъ.

Вдругъ подходитъ къ ней человекъ въ бѣлой черкескѣ и въ бѣлой папахѣ и спрашиваетъ:

— Что ты женщина плачешь? И зачѣмъ ты въ такой холодъ вывела своихъ дѣтей въ поле?

— Я не сама ихъ вывела, меня выгнали...

— Кто выгналъ?

— Ростовщикъ. Я ему не могла заплатить процентовъ, онъ меня и выгналъ.

Вздрогнулъ человекъ въ бѣлой черкескѣ, глазами сверкнулъ и говорить:

— Пойдемъ, покажи мнѣ, гдѣ этотъ ростовщикъ живетъ.

Пошли они и дѣти за ними идутъ. Пришли къ ростовщику, а онъ пловъ съ семьей ѣстъ и жирныя пальцы облизываетъ.

— Ты выгналъ эту женщину изъ ея дома съ малыми дѣтьми?—спрашиваетъ человѣкъ въ бѣлой черкескѣ.

— Я,—отвѣчалъ ростовщикъ.—А тебѣ какое дѣло?

Но человѣкъ въ бѣлой черкескѣ свистнулъ и сейчасъ же снаружи со всѣхъ сторонъ ему отвѣтили двѣнадцать свистками. А во всѣхъ окнахъ показались черныя дула ружей.

Ростовщикъ поблѣднѣлъ и затрясся.

— Пощади!—взмолился онъ.—Не губи мою жизнь, я ей все возвращаю.

— А зачѣмъ ты ее не пощадилъ? Развѣ она не молила тебя о пощадѣ?

— Прости, больше этого никогда не будетъ.

— Хорошо, я тебя не буду убивать, — отвѣтилъ человѣкъ въ бѣлой черкескѣ.—А только ты больше не будешь здѣсь жить. Уходи отсюда, куда хочешь.

— Но у меня тутъ все имущество, я не могу уйти отсюда.

Но Нико—это былъ онъ—не далъ договорить ему.

— Или ты уйдешь сейчасъ, или тебя унесутъ... въ могилу.

Глаза его при этомъ такъ грозно сверкнули, что ростовщикъ схватилъ папаху и, какъ былъ въ однихъ чулкахъ, такъ и убѣжалъ куда глаза глядятъ.

Все его имущество Нико забралъ себѣ:

— Много было богатства у ростовщика. Отцы и дѣды его пили кровь изъ народа, а онъ досасывалъ остатки. Да не удалось. Прогналъ его Нико, и онъ умеръ гдѣ то въ канавѣ, оборванный, голодный...

Говорятъ, будто, когда умиралъ ростовщикъ, такъ вокругъ него какія то черныя фигуры прыгали и хотали:

— А что, хорошо умирать безъ крова?

— Страшно умираютъ ростовщики!—съ дрожью

въ голосѣ проговорилъ Сандро.—Нѣтъ ничего страшнѣе смерти такого человѣка.

Послѣ случая съ ростовщикомъ Нико съ своими слугами поселился недалеко отъ своей деревни. Всего полдня ходу было до его становища въ ущельяхъ горъ.

Народъ уже зналъ его и не боялся. Напротивъ, къ нему обращались, какъ къ судѣ, съ жалобами, и такъ просто за помощью.

— И онъ никому не отказывалъ. Судилъ справедливо, а тѣмъ, кто нуждался въ помощи, помогалъ полной рукой.

Способы его помощи иногда не лишены оригинальности.

— Былъ тогда молодой грузинъ, — рассказываетъ Сандро, — полюбилъ онъ дочку богатаго человѣка, и она его полюбила. Посватался, но отецъ не отдаетъ. Заплати, говоритъ, тысячу тумановъ, тогда отдамъ.— Это была одна насмѣшка... Гдѣ было взять бѣдняку тысячу тумановъ, когда ихъ и во всей то деревнѣ не соберешь?

— Закручинился совсѣмъ парень, чахнетъ у всѣхъ на глазахъ. Ужъ очень онъ любилъ свою невѣсту...

Только и узналъ объ этомъ Нико, пришелъ самъ къ нему и говоритъ:

— Что ты убиваешься, свою молодую жизнь губишь?

— Не могу я не убиваться, милѣе жизни она мнѣ,—отвѣчаетъ тотъ.

— Милѣе, такъ заплати, что просить отецъ, и возьми ее.

— Откуда я возьму столько денегъ?

— Вотъ деньги.

И Нико подалъ ему цѣлый мѣшокъ тумановъ.

— А съ тобой мы когданибудь сосчитаемся.

Пошелъ женихъ и заплатилъ за невѣсту. А послѣ свадьбы пришелъ къ отцу невѣсты какой то человѣкъ и говоритъ:

— Меня прислалъ къ тебѣ Нико. Вотъ его кин-

жалъ. Онъ сказалъ мнѣ: возьми у него тысячу сто тумановъ или убей его моимъ кинжаломъ.

— Откуда я возьму столько денегъ? У меня и одного тумана нѣтъ...

— Они у тебя вотъ въ этомъ сундукѣ.—И человекъ указалъ на кованный сундукъ.—Давай или я тебя убью.

Жалко богачу было денегъ, и онъ крикнулъ своихъ слугъ. Но слуги, когда узнали кто прислалъ за деньгами, только покачали головами и не подняли руки на посланца Нико.

Такъ и отдалъ богачъ тысячу тумановъ, да еще своихъ сто прибавилъ.

— Ты думаешь, Нико себѣ взялъ эти сто тумановъ?—вскинулся на меня Сандро.

— А что онъ съ ними сдѣлалъ?

— Дочери богача отдалъ въ приданое., Нико лишняго не беретъ, онъ не ростовщикъ. Онъ самъ не любилъ ростовщиковъ... Они его боялись хуже смерти.

Какъ разъ въ это время случился голодъ въ Кахетіи. Хлѣба было негдѣ взять, народъ сталъ болѣть, умирать

— Нико много тутъ помогалъ. Онъ обложилъ всѣхъ проѣзжающихъ купцовъ и богатыхъ данью и помогалъ бѣднымъ. А къ концу зимы уѣхалъ и добывалъ деньги около Тифлиса, около Елисаветполя... Въ дальнихъ мѣстахъ ходилъ, потому что въ Кахетіи скудость большая была. И все, что добывалъ, онъ присылалъ голодающимъ.

Только лѣтомъ, когда всѣ ужасы голода и эпидемій окончились, Нико возвратился въ свое постоянное становище. Народъ встрѣчалъ его съ почетомъ, называлъ избавителемъ, благодѣтелемъ. А онъ только говорилъ на это:

— Не я помогалъ, а Богъ. Его благодарите.

Но тутъ онъ узнаетъ, что одинъ богатый человекъ продавалъ голодающимъ хлѣбъ и бралъ съ нихъ тройную цѣну...

Разсердился сильно Нико. Послалъ своихъ людей и чрезъ день жадный богачъ дрожалъ уже предъ лицомъ грознаго атамана.

— Ты зналъ на чьи деньги покупалъ народъ хлѣбъ?

— Не... не...

— Не лги!—загремѣлъ Нико.

— Зналъ.

— Какъ же ты смѣлъ брать съ меня тройную цѣну?

— Прости. Сжался.

И богачъ упалъ на колѣни и поползъ къ ногамъ Нико.

Но Нико такихъ не прощалъ. Онъ махнулъ рукой своимъ двѣнадцати молодцамъ, и чрезъ минуту жадный богачъ качался на деревѣ.

И многихъ онъ такъ наказывалъ?

— О! Еще бы. У него судъ былъ скорый...

— Но не милостивый?

— А развѣ можно *ихъ* миловать — загорячился Сандро.—Сами *они* развѣ милуютъ кого? Пожалѣли *они* хоть одного человѣка?

— Не знаю, Сандро. А только думаю, что нѣтъ ни одного человѣка на свѣтѣ, у котораго хоть разъ въ жизни не проснулась бы жалость въ сердцѣ.

— О! они не пожалѣютъ. Они и Нико не пожалѣли... И его погубили! Сандро при этомъ остановился, поднялъ руку и кому то грозилъ въ пространствѣ.

— Съ ними не такъ еще надо было!

Мы уже приближались къ деревнѣ, и я спросилъ:

— Какъ погибъ Нико?

Мнѣ хотѣлось узнать конецъ этого нѣкогда несомнѣнно знаменитаго и типичнаго разбойника.

Въ сущности онъ только опоздалъ родиться на 2—3 вѣка. Не будь этого опозданія, онъ былъ бы не разбойникъ, а родоначальникъ какихъ нибудь князей.

Въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ ту же Сванетію пришли въ сущности такіе же разбойники, какъ и Нико, и

объявили себя князьями нижней Сванетіи. Потомки ихъ существуютъ и теперь.

Такая карьера вполнѣ возможна была и для Нико, этому ничто не препятствовало, кромѣ времени и сопряженныхъ съ нимъ условій.

Симпатіи народа всецѣло были на сторонѣ Нико, и его, конечно, избрали бы единогласно... если бы въ то время можно было избирать князей.

Этого было нельзя, и съ нимъ случилось другое. Помѣщики, ростовщики и купцы стали тяготиться властью Нико и постоянно жаловались на него начальству.

Были присланы казаки съ приказаніемъ изловить Нико.

Долго они его ловили. Всѣ горы обшарили, а никакъ не могли найти его становище.

Придутъ, и костеръ только что потухъ, а его нѣтъ... Успѣлъ уже на другое мѣсто перебраться.

Года два такъ бились, никакъ не могли поймать. Случалось, что и видятъ его гдѣ нибудь на гребнѣ горы или на скалѣ, да взять то его никакъ нельзя. Между нимъ и казаками пропасть — не перескочишь ее, если крыльевъ нѣтъ. А пока обойдутъ пропасть, его ужъ и слѣдъ простылъ. Улетѣлъ соколъ въ другое гнѣздо.

Такъ, можетъ быть, погонялись бы—погонялись, да и бросили бы, — если бы не нашелся предатель изъ своихъ же.

— Кто же это предалъ его?

— А вотъ этотъ самый Михако, котораго онъ оглушилъ да, жаль, не убилъ.

Михако одинъ изъ всей деревни, а, можетъ быть, и изъ всей деревенской Кахетіи смотрѣлъ на Нико не какъ на героя, окруженнаго ореоломъ поклоненія, а какъ на насильника. Его не подкупали даже и дѣйствительно благородные поступки Нико: его помощь бѣднякамъ, преслѣдованіе обидчиковъ народа и пр. Во всемъ этомъ онъ видѣлъ только проявленіе деспо-

тической натуры, одинаково склонной, какъ карать, такъ и миловать. Онъ видѣлъ въ немъ похитителя своего семейнаго счастья и ненавидѣлъ его, стремился отомстить...

Мысль о мести не выходила изъ его головы ни на одну минуту, онъ жилъ ею и только ею, потому что больше нечѣмъ было жить.

Дарико послѣ болѣзни какъ будто переродилась. Она стала холодная, безчувственная, даже Васо больше не занималъ ее. Цѣлыми днями она или сидѣла на тахтѣ, устремивъ неподвижный взоръ куда нибудь въ уголь, въ одну точку, или вяло, безучастно исполняла свои домашнія работы.

Михако ни разу не видѣлъ оживленія на ея лицѣ, ни одной улыбки, ни одного ласковаго сердечнаго слова.

— Какъ мертвая,—думалъ Михако.

И злоба кипѣла въ его груди. Онъ чутьемъ догадывался, кто вынулъ жизнь изъ его Дарико.

— Все онъ? Онъ—разбойникъ, обидчикъ...

И онъ всегда стоялъ передъ глазами Михако. Гдѣ бы онъ ни былъ, что бы не дѣлалъ, а ненавистный образъ всегда сопутствовалъ ему и... напрашивался на мечь.

И моментъ мести насталъ. Нико травили какъ звѣря, на него устраивали облавы. Но Михако зналъ, что безъ него имъ не поймать разбойника, которому сочувствуетъ все населеніе. Всѣ знали мѣста его ночлеговъ, многіе даже доставляли ему провизію, но никто ни словомъ не обмолвился объ этомъ.

— Я скажу, я помогу взять его,—давно уже рѣшилъ Михако.

И вотъ онъ у начальника казаковъ.

— Я могу указать вамъ, гдѣ сегодня ночуетъ Нико съ своими товарищами.

— Какъ ты это знаешь?

— Всѣ знаютъ, только не говорятъ.

— А ты почему же не дѣлаешь, какъ всѣ?

— Нико мой врагъ.

Офицеръ презрительно улыбнулся и холодно сказалъ.

— Хорошо, веди.

Въ глубинѣ души онъ презиралъ предателя, но отказаться отъ его услугъ онъ не имѣлъ права. Долгъ велѣлъ ему преслѣдовать разбойника, и онъ преслѣдовалъ, хотя и самъ вмѣстѣ со всѣми съ уваженіемъ относился къ его беззавѣтной храбрости и неустрашимости.

Такое ужъ было тогда время, что храбрость цѣнилась выше всего и оправдывала все. «Онъ храбръ!» было синонимомъ: «онъ достоинъ уваженія».

Даже и тотъ генералъ, который послалъ офицера ловить Нико, со вздохомъ сожалѣнія говорилъ:

— Жаль, а дѣлать нечего—придется изловить молодца. Очень ужъ одолѣвають жалобами. Пожалуй и до Петербурга дойдетъ...

И вотъ его ловили.

Казаки длинной вереницей беззвучно двигались по ущелью. Ночь и тѣнь отъ горы совершенно закрывали ихъ отъ посторонняго взгляда. Они обходили становище Нико, занимали всѣ выходы и проходы. Михако руководилъ ими, онъ указывалъ тропинки и ущелья, по которымъ Нико можетъ скрыться.

— Все?—тихо спросилъ офицеръ.

— Все, теперъ не уйдетъ, — сверкнулъ глазами Михако.—Можно начинать.

Двадцать человѣкъ во главѣ съ офицеромъ и съ Михако впереди двинулись по тропинкѣ вверхъ.

Отрядъ двигался минутъ пять, цѣпляясь за кусты и камни.

— Ложись!—вдругъ скомандовалъ офицеръ. Онъ услышалъ подозрительный звукъ.

Но вмѣстѣ съ его командой раздался выстрѣлъ, и Михако зашатался и упалъ лицомъ въ кизилевый кустъ.

— Предателю первая пуля, — процѣдилъ сквозь

зубы офицеръ и всталъ за скалу. Казаки легли за камни.

Выше скалы надъ отрядомъ слышался чуть уловимый шорохъ. Разбойники искали выхода.

— Прорвутся или нѣтъ?— думалъ офицеръ.

На востокъ заалѣла заря. Стало свѣтлѣе, очертанія кустовъ и скалъ яснѣе вѣдѣлялись на общемъ темномъ фонѣ.

Вотъ опять выстрѣлъ. На этотъ разъ въ противоположной сторонѣ, за становищемъ разбойниковъ... Еще и еще выстрѣлъ.

— Впередь!—скомандывалъ офицеръ.

Казаки вскочили и бросились вверхъ, на площадку, занятую разбойниками.

Ихъ встрѣтилъ залпъ. Они отвѣтили трескомъ ружейнаго огня и бросились съ шашками на голо. Разбойники прислонились спинами къ скалѣ и встрѣтили казаковъ шашками, прикладами, кинжалами.

Бѣлая черкеска Нико выдѣлялась на темномъ фонѣ скалы. Онъ немного отодвинулся отъ скалы и съ изумительной быстротой махалъ своей шашкой, опи-сывая неуловимые круги.

— Сдайтесь!—крикнулъ офицеръ.

— Впередь. Послѣдній разъ!—отвѣтилъ Нико. — И бросился въ самую середину казаковъ.

А къ казакамъ изъ цѣпи подоспѣвали новыя силы; разбойниковъ окружили со всѣхъ сторонъ, ихъ стѣснили, смяли, подавили.

Часовъ въ девять утра казаки вступили въ родную деревню Нико. Они несли двухъ раненыхъ. Одинъ едва дышалъ, онъ былъ весь изрубленъ — это былъ самъ Нико. У другого была пулевая рана въ груди, но онъ торжествующе смотрѣлъ кругомъ. Вся его фигура говорила, что онъ чувствуетъ полное удовлетвореніе... Это былъ Михако.

Улица деревни была пуста. Народъ не хотѣлъ видѣть гибель своего героя.

Но вотъ вдали показалась женская фигура, она быстро приближалась къ отряду.

— Твоя жена идетъ, Михако!—сказаль одинъ козакъ.

Это, дѣйствительно, была Дарико. Она лихорадочно торопливой походкой приближалась къ носилкамъ, на которыхъ лежалъ мужъ.

— Это ты указаль становище Нико?—съ дрожью въ голосѣ спросила она, подходя къ Михако.

— Я...

— Такъ умри же, собака, предатель!

Въ рукахъ ея блеснулъ кинжалъ, и не успѣли казаки пошевелиться какъ рука опустилась, и кинжалъ погрузился въ тѣло Михако.

Онъ вздрогнулъ, потянулся и... закрыль глаза.

Но Дарико ужъ не видѣла этого. Она бросилась къ другимъ носилкамъ, туда гдѣ лежалъ Нико.

— Нико! Мой дорогой!—истерически выкрикнула она.—Вотъ, смотри! твоя Дарико не хочетъ жить безъ тебя...

— Держите ее! —крикнуль офицеръ.

Но она однимъ прыжкомъ отскочила въ сторону... И въ слѣдующій моментъ тотъ же кинжалъ прекратиль и ея собственную жизнь

Старикъ Сандро смолкъ и понуро опустилъ голову.

— А Нико?—спросиль я его.

— Нико умеръ къ вечеру этого дня.

Мы входили въ грузинскую деревню. У крайней сакли сидѣла молоденькая дѣвушка, почти дѣвочка, и тоненькимъ еще не установившимся голоскомъ пѣла:

Нико, Нико, разбойнико—

Чѣмъ и черимэ...

ГЛАВА XII.

Вотъ этотъ то эпическій Нико, существованіе котораго преданіе относитъ къ первымъ десятилѣтіямъ послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи, какъ оказывается, выступаетъ въ качествѣ идеальнаго образца для современнаго экспроприатора—утописта.

Уже это одно создаетъ значительную разницу между закавказскимъ экспроприаторомъ и утопистомъ—профессіональнымъ воровъ центра Россіи.

Въ то время какъ первый строитъ свою утопію на почвѣ героизма и увлекающей массы смѣлости, второй опирается на чисто профессіональную выучку.

Въ зависимости отъ этого у перваго получается прекрасный, можетъ быть, но чисто воздушный замокъ, тогда какъ у втораго выводится некрасивое, но вполне годное, хотя бы для временнаго жилья, зданіе.

Если вѣрить Андрею Ивановичу, то тутъ мы имѣемъ организациі во многихъ городахъ и, кромѣ того, массу профессіональныхъ воровъ, благодаря своей отчужденности, прочно настроенныхъ въ пользу анархизма.

Тогда какъ тамъ въ результатѣ получается только удивленіе обывательскихъ массъ предъ безумно смѣлыми экспроприациями.

Смѣлость тутъ дѣйствительно доходитъ до героизма.

Такъ, спустя дня три послѣ описаннаго вечера губернаторши экспроприровано было 37 т. франковъ во дворѣ таможни.

Мѣшки съ деньгами несли съ парохода чиновники таможни въ сопровожденіи стражи, всего 5 человекъ. Это было въ 11 часовъ дня, когда портъ живетъ полной жизнью. Народъ и стража—всюду.

И вотъ въ такой то обстановкѣ на группу съ деньгами налетаютъ трое экспроприаторовъ, крикомъ: «ни съ мѣста! Ни одного движенія!» — гипнотизируютъ и

стражу и чиновниковъ, отбирають мѣшки, кладутъ на извозчика и уѣзжаютъ.

И никакихъ слѣдовъ.

Городъ, очень и очень привыкшій къ безумно-смѣлымъ подвигамъ экспроприаторовъ и террористовъ, тутъ, однако, ахнулъ отъ удивленія.

— Трое! У вооруженныхъ пятерыхъ! А рядомъ, въ десяти шагахъ таможенная контора съ десятками вооруженныхъ стражниковъ и солдатъ! Удивительно.

— И никакихъ слѣдовъ!

Не только полиція, но и партіи не могли отыскать этихъ слѣдовъ, хотя искали.

Дѣло въ томъ, что группа, экспроприрующая крупную сумму, обычно, дѣлится съ другими группами, такъ какъ послѣ каждой экспроприаціи возможны репрессіи, которыя и падаютъ на всѣ группы и партіи, допускающія экспроприаціи.

Дѣлежка, такимъ образомъ, до извѣстной степени обязательна, какъ особый видъ взаимнаго страхованія.

Но на этотъ разъ экспроприаторы ускользнули ото всѣхъ и ни съ кѣмъ не подѣлились.

Объясняется это тѣмъ, что экспроприаторы гастролируютъ по всѣмъ городамъ Закавказья и считаютъ, поэтому, для себя не обязательной подобную дѣлежку. Не имѣя постоянного мѣста жительства, они сами не могли бы пользоваться выгодами этого взаимнаго страхованія, т. е. съ нихъ бы получали свою долю всѣ террористы и экспроприаторы всѣхъ городовъ, а они ни съ кого.

— Тѣмъ не менѣе, иногда они помогаютъ, — какъ мнѣ говорили.

Но не эта случайная помощь создаетъ ихъ близость къ анархистамъ. Приближаетъ ихъ къ идейнымъ анархистамъ тотъ отпечатокъ героизма, который сопутствуетъ имъ въ ихъ, въ сущности, профессиональномъ грабительствѣ. Это грабители-художники, а не ремесленники, каковыми являются прозелиты ученія Андрея Ивановича.

Этот то художественный отпечатокъ и скрадываетъ въ глазахъ обывательскихъ массъ некрасивую сторону ихъ профессіи. За героизмомъ и безумной смѣлостью обыватель не видитъ ихъ паразитизма, ихъ стремленія роскошно жить за счетъ экспропрированныхъ богатствъ.

На томъ вечерѣ, о которомъ я говорилъ, публика наблюдала такую сцену.

Приблизительно уже въ концѣ вечера мой новый знакомый подошелъ къ кіоску, у котораго сидѣла губернаторша, выпилъ бокаль шампанскаго и, бросивъ на поднось сторублевку, громко, на весь залъ, проговорилъ:

— На святомъ дѣлѣ (на экспроприаціи) я добылъ эти деньги и на доброе дѣло (на школу) даю ихъ!

Публика апплодируетъ. Всѣ знаютъ на какомъ святомъ дѣлѣ добыты деньги.

Губернаторша сердечно жметъ руку жертвователю, ничего не подозрѣвая.

Красиво! Всѣ въ восхищеніи.

Но и только, повторяемъ.

Разсчетъ жоака на то, что героизмъ привлечетъ массы до сихъ поръ не оправдывается. Безумная смѣлость привлекаетъ только безумно смѣлыхъ. А такихъ немного, даже и на Кавказѣ.

Таковъ активъ Закавказскихъ экспроприаторовъ.

И нужно сказать, что этотъ активъ профессиональныхъ экспроприаторовъ на анархизмъ и анархистахъ отражается прямымъ пассивомъ. Окрашенная героизмомъ экспроприаціи «для кутежей» соблазнительно дѣйствуютъ на массу, въ особенности мало сознательныхъ анархистовъ; они уже считаютъ допустимымъ такое употребленіе экспропрированныхъ денегъ.

Словомъ, блестящая оболочка скрываетъ отъ неопытныхъ глазъ скверное содержимое, и въ результатѣ получается деморализація массъ, ихъ тяготѣніе въ сторону безпечальнаго житія съ помощью экспроприацій.

Такъ, еще до моего прїѣзда на Кавказъ, въ городъ, о которомъ я здѣсь говорю, по приглашенію мѣстной группы анархистовъ прїѣхалъ интеллигентъ, грузинъ, въ качествѣ теоретика и руководителя.

По отзыву самихъ представителей группы онъ работалъ съ большимъ успѣхомъ, но чрезъ три недѣли уѣхалъ, такъ какъ не могъ примириться съ широкимъ расходованіемъ находящихся въ распоряженіи группы суммъ.

Онъ, конечно, протестовалъ и, что называется, громилъ распорядителей, ни ничто не помогало. И только его отъѣздъ подѣйствовалъ на группу отрезвляющимъ образомъ. Она, что называется, оглянулась сама на себя.

Можетъ быть, въ зависимости отъ этого прямого увлеченія экспроприациями и терроромъ, какъ таковыми, находится и то, что на Кавказѣ царятъ исключительно анархисты — коммунисты, а анархистовъ-индивидуалистовъ почти нѣтъ, если не считать старыхъ, до революціонныхъ, послѣдователей Л. Н. Толстого.

Какъ далеко можетъ зайти это увлеченіе? И какъ оно отразится на самомъ движеніи въ сторону анархизма?

На эти вопросы я не рѣшаюсь дать точныхъ отвѣтовъ. Мнѣ пришлось выѣхать съ Кавказа въ февралѣ настоящаго года, когда анархистскія группы были еще въ періодѣ формировація.

Могу только сказать одно. Кавказъ имѣетъ испытанныхъ и твердыхъ руководителей и охранителей чистоты ученія анархизма, весьма авторитетныхъ и опытныхъ, прошедшихъ какъ теоретическую, такъ и практическую школу анархизма.

И если имъ удастся остаться на своемъ посту, то можно надѣяться, что анархизмъ тамъ не поидетъ въ сторону профессиональнаго экспропрированія такъ далеко, какъ этого хотѣлъ мой собесѣдникъ на вечерѣ губернаторши.

Но удастся ли имъ удержаться? Времена такъ ненадежны, такъ опасны!.. Другимъ сдерживающимъ началомъ можетъ тутъ послужить еще борьба съ дашнакъ-цаканами и социаль-демократами.

Первые, какъ партія національно-буржуазная, ставятъ прямыя и непосредственныя препятствія на пути къ экспроприациямъ. Еще прошлой зимой въ Баку произошло нѣсколько столкновений на этой почвѣ между анархистами и дашнакъ-цаканами. Насколько помнится, въ одномъ случаѣ былъ убитъ видный анархистъ, а въ другомъ дашнакъ-цаканы напали на конспиративную квартиру анархистовъ, при чемъ произошла перестрѣлка, анархисты, подавленные численностью и интенсивнымъ огнемъ, принуждены были покинуть цитадель-квартиру и отступить, но во время отступления почти всѣ были перебиты.

А въ самое послѣднее время газеты сообщаютъ, что тѣ же дашнакъ-цаканы выпустили прокламацію, въ которой требуютъ, чтобы анархисты прекратили экспроприации частныхъ капиталовъ, угрожая въ противномъ случаѣ расправой собственнымъ судомъ.

А партія дашнакъ-цаканъ шутить не любитъ. Послѣ такой угрозы анархистамъ ничего не остается, какъ или подсчитать свои силы и быть готовымъ къ бою, или же сейчасъ же и совершенно прекратить экспроприацию частныхъ капиталовъ.

Но первое едва ли возможно. Едва ли анархисты настолько усилились, чтобы могли рискнуть вступить въ открытую борьбу съ такой прекрасно вооруженной и великолѣпно дисциплинированной партией, какъ дашнакъ-цаканы.

Остается второе—покориться требованію и оставить частные капиталы въ покоѣ. А это само собой съузитъ поле дѣятельности экспроприаторовъ и освободитъ силы анархистовъ для борьбы на чисто теоретической почвѣ.

Съ другой стороны и социаль-демократы тоже въ значительной степени заставляютъ анархистовъ быть

осторожными. Чистота нравовъ и идеаловъ—первое орудіе въ борьбѣ партій и группъ. А социаль-демократы, конечно, не упускають случая, чтобы указать на вольное обращеніе съ групповыми суммами, если такіе факты имѣются на лицо. Такія указанія дѣлаются въ интересахъ конкуренціи пропаганды. А конкуренція тутъ обостряется еще и тѣмъ, что социаль-демократы теряють своихъ членовъ въ пользу анархизма.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было до конца февраля 1907 года. Въ городѣ, о которомъ я говорилъ выше, вся группа анархистовъ состояла изъ бывшихъ социаль-демократовъ, за исключеніемъ одного интеллигента, бывшего народовольца, кажется.

Все это само собой въ значительной степени умѣряетъ вліяніе профессиональныхъ экспроприаторовъ и сдерживаетъ анархизмъ въ его идейномъ руслѣ, не пуская на поля чисто экспроприаторскаго утопизма.

Но по настроенію отдѣльныхъ анархистовъ и даже цѣлыхъ группъ этотъ утопизмъ отражается въ значительной степени. Мечта объ экспроприаціи часто главенствуетъ и не покидаетъ инья головы ни днемъ, ни ночью.

ГЛАВА XIII.

Юнь 1907 года. Населеніе арбатской полицейской тюрьмы въ крайней степени взволнованности.

— Привезли экспроприаторовъ!

— Привели, а не привезли!

— Говорю: привезли,—такъ, значитъ, привезли.

— Своими глазами видѣлъ: привели! Пятеро арестованныхъ и девять человекъ конвойныхъ, со штыками!

— Выдумывай! привезли въ санитарной каретѣ, раненыхъ—и прямо въ пріемный покой!

Такими фразами перебрасывались заключенные черезъ окна 14 юня.

А въ результатѣ—нетерпѣливое чисто тюремное ожиданіе:

— Привезли или привели? То есть, доставили живыхъ и здоровыхъ или раненыхъ, а, можетъ быть, и умирающихъ?

Но черезъ полчаса оказалось, что и привезли и привели. Одного привезли, а остальныхъ привели подъ усиленнымъ конвоемъ.

Это была группа, захваченная въ тотъ же день на Александровскомъ бульварѣ.

Они сидѣли на двухъ сосѣднихъ скамейкахъ. Отрядъ полицейскихъ окружилъ ихъ и началъ по нимъ стрѣльбу. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавали намъ они сами. Одинъ изъ группы, именно бѣглый матросъ Кузнечиковъ началъ отстрѣливаться изъ браунинга, ранилъ околodочнаго и прохожаго кадета, бросившагося задержать его, и убилъ дворника и дѣвушку изъ публики, послѣднюю случайно, а потомъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь. Пуля прошла на вылетъ черезъ легкое.

— Должно быть къ вечеру умереть!—говорили его товарищи, когда ихъ привели изъ конторы и водворили въ камерѣ № 4-й, по одному съ нами корридору.

Но онъ не умеръ къ вечеру, живъ былъ и на другой и на третій день. А на восьмой или на девятый день мы уже гуляли вмѣстѣ съ нимъ по полицейскому двору.

Это былъ приземистый, мускулистый, чрезвычайно подвижный человѣкъ, здоровый, крѣпкій, энергичный.

Никто не сказалъ бы, что зсего 8—9 дней назадъ пуля пронзила его легкое.

Онъ былъ совершенно здоровъ.

— Зачѣмъ вы позволили выписать себя?—удивлялись окружавшіе его заключенные.

— Я самъ просился.

— Какъ—самъ? Зачѣмъ? Тамъ воздуху больше, а у васъ легкое прострѣлено?

— А на какой оно мнѣ чертъ, легкое то?

Всѣ опустили головы. Молчаніе.

Правда: зачѣмъ ему здоровое легкое, когда его ждетъ «вѣрная» висѣлица?

Онъ — покойникъ въ самомъ недалекомъ будущемъ *). Самое большее, ему осталось жить два-три мѣсяца.

— Тамъ (въ приѣмномъ покоѣ) полицейскій только торчитъ передъ тобой и днемъ и ночью, а тутъ все же люди!—обвелъ онъ рукой вокругъ себя.

Скорѣе къ людямъ!

Онъ любилъ людей. Или, вѣрнѣе, онъ не могъ жить безъ людей, не среди толпы. Его живая, энергичная натура требовала постоянного общенія, непрерывнаго обмѣна мыслями.

Это былъ агитаторъ по натурѣ, отъ рожденія и до смерти и... утопистъ. Его мечты не знали предѣла; а его рѣшимость тотчасъ готова была слѣдовать за его мечтами.

Его мысли, конечно, были сосредоточены на побѣгѣ. Иначе и не могло быть въ его положеніи.

И онъ каждый день изобрѣталъ новые планы побѣга,—планы всегда безумно смѣлые, но всегда и не сбыточные.

И замѣчательная особенность: онъ чрезвычайно легко отказывался отъ своихъ плановъ. Достаточно было указать на какую нибудь деталь, устраняющую возможность успѣха, какъ онъ уже спѣшилъ согласиться.

— Да, правда! Это не подходитъ.

Повидимому, онъ и самъ не придавалъ серьезнаго значенія своимъ планамъ, а просто фантазировалъ, что бы отвлечь свое вниманіе отъ предстоящей ему смерти.

*) Кузнечиковъ 16 сентября приговоренъ московскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ еще не былъ приведенъ въ исполненіе, когда писались эти строки. 18 сентября 1907 года.

— Почему, вы, Кузнечиковъ, сдѣлались экспроприаторомъ? — какъ то спросилъ я его, когда онъ пришелъ къ намъ въ камеру «за книжкой».

Онъ сначала не нашелся что отвѣтить на мой вопросъ, какъ то даже, какъ будто, растерялся, а потомъ весь оживился, обвелъ камеру глазами и проговорилъ, запинаясь.

— А вотъ... что бы... этого всего не было.

— Тюремъ?—переспросилъ я.

— Не однихъ тюремъ, а всего этого...

— Строя?

Онъ не понялъ моего вопроса. Я объяснилъ.

— Вотъ, вотъ!—обрадовался онъ.

— Но какимъ образомъ, вы думали достигнуть этого помощью экспроприаций? Вы къ какой нибудь партиі принадлежите?

Онъ замялся.

— Не знаю.

— Не знаете, значить не принадлежите.

— Одинъ... тутъ... знакомый говорилъ мнѣ, что я анархистъ.

Я улыбнулся.

— А онъ кто, этотъ знакомый?

— Онъ по воровской части. Ну, только онъ особенный воръ.

— Чѣмъ же онъ особенный?

— А онъ говоритъ: вору — это исконные революціонеры, потому—ни правительства, ни собственности не признаютъ. И ежели умный человекъ, то онъ не долженъ стыдиться своего (воровского) ремесла, а долженъ гордиться имъ... онъ не для себя только воруетъ или, тамъ, экспроприруетъ, а для всѣхъ...

— Какъ это для всѣхъ?

— А такъ, это, будто, видимость только, что для себя. Вродѣ, вотъ, какъ въ деревнѣ: мужикъ волка или медвѣдя убилъ, шкуру продалъ, и деньги себѣ въ карманъ положилъ. По видимости оно выходитъ, какъ будто, для себя убилъ, а оно, между прочимъ,

всю деревню отъ волка или медвѣдя ослобонилъ. Такъ, будто, и тутъ тоже самое. Воруетъ человѣкъ или экспроприруетъ, деньги себѣ беретъ, а оно выходитъ, что капиталъ, будто, этимъ изничтожаетъ и всѣхъ людей освобождаетъ изъ... изъ... какъ его?

— Изъ подъ гнета капитализма что ли?

— Да... вотъ отъ всего этого... тюремъ, чтобы не было, чтобы не одни богатые, а чтобы всѣмъ хорошо было.

— А вы какъ думаете: можетъ это быть?

— Можетъ, ежели, значить, всѣ...

— Что всѣ?

— Экспроприровать будутъ и...

— И воровать?

— Д—да... всячески, значить изничтожать капиталъ.

— А когда изничтожать?

— Тогда, значить, на волѣ всякій своимъ дѣломъ займется... и будутъ жить хорошо, по божески...

И онъ съ облегченіемъ вздохнулъ, радуясь, очевидно, завершенію программы освободительнаго изничтоженія капитала.

Мнѣ признаться очень хотѣлось оставить его въ этомъ пріятномъ заблужденіи.

— Вѣдь онъ жизнью платится за эту мечту! — промелькнуло у меня въ умѣ.

Но привычка доводитъ разговоръ до логическаго конца взяла верхъ надъ человѣколюбіемъ, и я спросилъ:

— А какимъ своимъ дѣломъ каждый займется?

— Каждый своимъ,—спокойно отвѣтилъ онъ,—къ примѣру, крестьянинъ будетъ крестьянствовать, плотникъ, тамъ, избы строить...

— Но, вѣдь, всѣ будутъ экспроприаторами и ворами, и никто никакого дѣла не будетъ знать.

— Экспроприаторами — это только пока... Вродѣ вотъ какъ я: былъ матросомъ, потомъ экспроприаторомъ,—а все же я своего кореннаго то дѣла, работы то не забылъ... когда все кончится, я за него и возьмусь опять... землю значить, пахать...

— Такъ, значитъ, вы думаете, что все это окончится очень скоро?

— Ну, не такъ ужъ скоро... А такъ годковъ въ пять порѣшить можно,—увѣренно заявилъ онъ.—Это, какъ народъ... Ежели всѣ сразу, то скоро. Вотъ теперь уже за это дѣло сколько людей берутся! И гимназисты, и студенты, и мастеровой народъ, и такъ, изъ крестьянъ которые...

— Вы думаете, что съ каждымъ днемъ за экспроприаціи будутъ браться все больше и больше людей?

— Знамо дѣло! Какъ же иначе то? Это такъ и тотъ... воръ то говорилъ: сначала, говоритъ, немного, а потомъ больше, а потомъ валомъ повалятъ...

— А не думаете вы, что... затянется? Сначала валомъ повалятъ, а потомъ отхлынутъ? Вотъ, какъ съ аграрными беспорядками было?

— Нѣтъ, тутъ этого не будетъ! — тряхнулъ онъ головой.—Тутъ совсѣмъ иная статья.

— Чѣмъ же она иная то?

— А тамъ, видите ли, деревня, а тутъ городъ... тутъ народъ понимающій... тутъ, скажемъ, тѣ же воры: они всѣ ходы и выходы знаютъ, — а отъ нихъ, значитъ, и остальные обучатся.

— Но, вѣдь, воры всегда существовали, съ начала вѣковъ! однако, и до сихъ поръ они не разрушили капиталистическаго строя?

— А это, будто, потому, что они раньше врознь все, каждый самъ по себѣ... А теперь будутъ вмѣстѣ, сообща... ну, и раньше они одни были, немного ихъ было, а теперь къ нимъ и другіе прочіе...

— Присоединяются?

— Да... И, значитъ, какъ это все устроится, ну, тогда все и пойдетъ...

— Что устроится?

— А, вотъ, союзы тамъ, чтобы помогать другъ другу.

— А если не будетъ никакихъ союзовъ?

— Какъ не будетъ! Уже теперь по мѣстамъ есть.

Вотъ, къ примѣру, въ Варшавѣ, такъ тамъ очень даже хорошо это устроено. Помогаютъ другъ—другу и все сообща... Какъ не будетъ! Все будетъ!.. Вотъ, дайте только срокъ, еще маленько!..

Ионъ пошелъ изъ камеры своей развалистой походкой.

— Вотъ и разувѣрь его!—недовольно проворчалъ мой сожитель по камерѣ социаль демократъ.—Эти анархисты имъ голову вскружили.

— Вы думаете: анархисты ведутъ ихъ за собой?

— А кто же еще?

— Мнѣ кажется, что они уже тянутъ за собой анархистовъ.

— Какъ это?

— Да такъ же, какъ и всегда бываетъ. Когда темная масса воспринимаетъ извѣстное ученіе, то идеалы принижаются, а вмѣстѣ и сами учителя этихъ идеаловъ подъ давленіемъ массы идутъ на компромисы, заражаются общимъ настроеніемъ и не увлекаютъ, а увлекаются...

— Ну, это не всегда и не вездѣ... Это только съ одними анархистами можетъ случиться... Анархизмъ такая вещь...

— До анархизма то же самое на себѣ испытало христіанство, а до христіанства—буддизмъ...

— Вотъ еще: христіанство! буддизмъ!—презрительно бросилъ мой собесѣдникъ.

— А въ наше время,—перебилъ я его.—То же самое испытываетъ на себѣ марксизмъ...

— Ну, ужъ это—ахъ оставьте!..

— А воспринятая вами, по существу эсеровская, аграрная программа!

Не массы заставили васъ принять ее вопреки яснымъ и точнымъ принципамъ?..

Послѣ этого между нами завязался обычный нескончаемый споръ, приводитъ, который полагаю, нѣтъ надобности. Результатъ такихъ споровъ, какъ извѣстно, всегда одинъ: хрипота въ горлѣ, и, развѣ, еще взаимное отчужденіе.

Къ нашей темѣ этотъ споръ, во всякомъ случаѣ, мало относится.

Я невольно тутъ опять вспомнилъ Андрея Ивановича.

Кузнечиковъ говорилъ о тѣхъ же самыхъ организаціяхъ, о которыхъ говорилъ и Андрей Ивановичъ. И оба говорятъ, что организаціи уже существуютъ «по мѣстамъ», какъ выразился Кузнечиковъ.

— Значить, дѣйствительно, совершается что то серьезное,—думалъ я.—И оба возлагаютъ на эти организаціи какія то особыя надежды, считаютъ возникновеніе ихъ чѣмъ то, вродѣ начала коммунизма.

Матросъ, повидимому, особенно вѣритъ въ эти воровскіе коммуны. Съ этой вѣрой онъ пойдетъ и на эшафотъ.

— Бѣдный! Пусть эта вѣра поддержитъ его въ послѣднюю минуту его жизни!

Надъ нимъ уже виситъ смертный приговоръ...

Съ матросомъ я больше не говорилъ на эту тему. У меня не хватало силы разбивать иллюзіи этого обреченнаго человѣка.

Но мнѣ много пришлось говорить съ его товарищами. Черезъ нѣсколько дней въ арбатской полицейской тюрьмѣ назначенъ былъ ремонтъ, и насъ развезли по другимъ тюрьмамъ.

Товарищи матроса угодили вмѣстѣ съ нами въ С—ій участокъ, гдѣ насъ и водворили въ одну камеру, за недостаткомъ одиночекъ.

Ихъ было трое. Родились и выросли они въ городѣ; у одного была мать; двое—безродные. Но всѣ одинаково получили воспитаніе на московскихъ улицахъ. Профессіи—никакой. Свободны отъ морали, предрасудковъ и идеаловъ.

Въ данный моментъ—поклонники той самой организаціи, о которыхъ матросъ говоритъ, что въ ней «будутъ всѣ сообща».

— Что же въ эту организацію всякій можетъ записаться или вступить?—Спрашиваю я ихъ.

— Н-нѣтъ, тоже съ разборомъ, не всякій.

— Напримѣръ, воръ?

— Ежели онъ въ окончательномъ видѣ воръ, то обязательно. А ежели онъ: сегодня воръ, а завтра въ «домъ» поступаетъ вышибалой, дѣвицъ тиранить, или, еще хуже, къ шпіонамъ примазывается, то не примутъ.

— Такого не только не примутъ, а при случаѣ и прикончатъ,—добавилъ другой.

— Это уже не воръ,—пояснилъ третій,—это прислужникъ капитала. Съ нимъ нечего церемониться.

— А во многихъ городахъ такіе организаціи имѣются?—спросилъ я.

— Говорятъ... будто... во многихъ,—нѣсколько, какъ будто, замаялся мой собесѣдникъ.

— Это, кто близко стоитъ къ этому дѣлу, тотъ знаетъ. Также не всякому все открываютъ,—пояснилъ его товарищъ.

— А экспроприаторовъ принимаютъ въ организаціи?

— И даже очень. Имъ тамъ первое мѣсто.

— А террористовъ?

— Экспроприаторъ и террористъ, мы такъ понимаемъ, что это все единственно.

— Не всегда, положимъ,—внесъ я поправку,—но дѣло не въ этомъ. Какая цѣль этихъ организацій?

— Цѣль—взаимопомощь,—отвѣтилъ наиболѣе развитой изъ нихъ.—Вотъ, какъ въ профессиональныхъ союзахъ.

— Также и лекціи читаютъ.

— Лекціи?—удивился я.—О чемъ?

— Всякіе. Объ анархизмѣ. А то бываютъ такіе лекціи: какъ отпереть несгораемый шкафъ? Это ежели электричество въ домѣ есть, такъ очень просто, вродѣ, какъ вотъ хлѣбъ ножомъ рѣзать можно. А электричество почти всегда есть: коли несгораемый шкафъ, такъ и электричество ужъ обязательно.

— Значитъ, лекціи по техникѣ воровства?—пояснилъ я.

— Да.

— И хорошіе лекторы бываютъ.

— Всякіе, бываютъ и хорошіе. Любопытно... Случаи разные рассказываютъ, какъ отъ полиціи скрываются. Надуваютъ полицію въ лучшемъ видѣ. Одинъ, это, пріѣхалъ въ городъ, будто капиталистъ, комиссіонеръ иностранной фирмы,—и всѣ бумаги у него на этотъ счетъ въ порядкѣ,—и сейчасъ, это съ полицмейстеромъ познакомился, за его дочкой сталъ ухаживать, разныя намеки ей дѣлаетъ, будто посвататься хочетъ. Ну, его принимаютъ въ лучшемъ видѣ: дочку то хочется замужъ отдать... А тутъ и обокрали ювелирный магазинъ, тысячъ на семьдесятъ цапнули. Онъ это и сдѣлалъ съ товарищами, а все же продолжаетъ къ полицмейстеру ходить. Тотъ ему все и рассказываетъ на счетъ розыскозъ. «Сегодня, молъ, на такой то слѣдъ напали: видѣли подозрительнаго господина съ длинной черной бородой, такъ поставили на вокзалъ шпіоновъ, чтобы не улизнулъ изъ города». А это, какъ разъ, его товарищъ ходилъ съ накладной бородой. Ну, бороду эту долой. Такъ онъ узнавалъ все отъ полицмейстера, пока все успокоилось... А потомъ и уѣхалъ, и дочку бросилъ... Осталась ни при чемъ.

— А вы бывали на этихъ лекціяхъ?—Неожиданно спросилъ я.

— Н-нѣтъ,—замаялся мой собесѣдникъ.—Отъ другихъ слышалъ. Многіе, которые были. Въ тюрьмахъ тоже рассказываютъ.

Они еще не были на допросъ и держались общаго тюремнаго правила: до допроса языкъ не распускать!

— А какъ вы сами относитесь къ этимъ организаціямъ?—спросилъ я.

— Чтожъ, дѣло хорошее. Рабочіе организуются же!..

— И вы не видите никакой разницы между рабочими организаціями и этими?

— Какая же разница? И тамъ и тутъ все то же... Всѣ одного хотятъ.

Мнѣ опять приходитъ на память все тотъ же Андрей Ивановичъ.

Обыватель, дѣйствительно, встрѣтился съ воромъ и идетъ по одному съ нимъ пути. Правда, что касается моихъ собесѣдниковъ, то это былъ обыватель далеко не перваго сорта, это дѣти все той же улицы, которая фабрикуетъ и профессиональныхъ воровъ.

Но развѣ они одни усвоили воровскую психологію, по скольку она отрицаетъ требованія общепринятой морали?

Матросъ указывалъ на гимназистовъ, студентовъ, которые входятъ въ составъ экспроприаторскихъ группъ, экспроприрующихъ не исключительно для такъ называемыхъ политическихъ цѣлей.

И показаніе матроса въ этомъ отношеніи не одиночно. То же сообщаютъ и газеты, хотя и не такъ ужъ часто. Учащаяся молодежь и рабочіе экспроприруютъ и прокучиваютъ экспропрированныя суммы, не зная, что съ ними дѣлать, какъ это заявилъ одинъ рабочій на судѣ въ процессѣ «16-ти».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значить, и настоящій обыватель, обыватель изъ лучшихъ, тотъ, у котораго есть горячая вѣра въ душѣ, пошелъ въ сторону экспропрированія, какъ акта, въ самомъ себѣ заключающаго патентованное средство для разрушенія капиталистическаго строя.

Это не грабители, они не опустили до грабительства. Нѣтъ, они подняли грабительство до себя, на высоту своей горячей вѣры, до уровня своихъ общественныхъ идеаловъ.

Но грабительство остается грабительствомъ, какъ высоко его не возноси, какъ не одухотворяй его, хотя бы, самой горячей вѣрой самой горячей души. Вознесенное на пьедесталъ, оно все же не можетъ быть богомъ, никогда. Въ немъ нѣтъ главнаго свойства божества — творящей силы; оно исключительно обладаетъ силой разрушающей. А поэтому можетъ быть соблазняющимъ демономъ, но не богомъ.

И это и есть демонъ анархизма, увлекающій его въ противоположную сторону, отъ идеаловъ чистой анархической религіи. Учителя, вродѣ Андрея Ивановича—это не анархисты, а антианархисты, изувѣры, увлекающіе другихъ и увлекающіеся сами въ сторону непосредственныхъ дѣйствій, гибельныхъ и для нихъ самихъ и для всего общества.

Изувѣрство и сосредоточеніе мысли на одномъ предметѣ, на одномъ дѣйствиі—это главнѣйшій отличительный ихъ признакъ.

Какъ на образецъ такого изувѣра, я укажу здѣсь еще на одного изъ моихъ сосѣдей по камерамъ.

ГЛАВА XIV.

Это—фельдшеръ, или бывший фельдшеръ. Къ намъ его привели изъ сыскаго отдѣленія; тамъ онъ пытался повѣситься, и его вынули изъ петли. Онъ производилъ впечатлѣніе ненормальнаго человѣка; мысль его постоянно и всецѣло была сосредоточена на одномъ—на террорѣ.

Все его сredo укладывалось въ нѣсколькихъ словахъ:

— Экспроприруй, воруи, мошенничай, словомъ, живи какими хочешь и какими можешь средствами, но живи для того, чтобы терроризировать буржуазное общество.

Это все, но въ эту краткую программу онъ вкладывалъ ужасное содержаніе.

Чѣмъ то демонически-звѣрскимъ вѣяло отъ него, когда онъ, сверкая глубоко посаженными глазами, говорилъ:

— Терроръ! Человѣчество не знаетъ настоящаго террора, беспощаднаго, систематическаго! Наши террористы—это дѣти! Несмысленныя дѣти, скованныя по рукамъ и ногамъ буржуазной моралью, правилами гуманности и прочими свивальниками, спеціально пред-

назначенными для того, чтобы рабы капитала не могли шевельнуть ни рукой ни ногой. И ихъ терроръ—это дѣтская забава... Онъ столь же чувствителенъ для буржуазнаго общества, какъ ударъ погремушкой, дѣтской, соломенной погремушкой, наполненной «для звука» горохомъ. Ну, что такое бомбы! Что такое самъ динамитъ съ его силой, когда эта сила направляется на отдѣльныя личности? Нѣтъ! ты оставь личности, а нападай и угрожай всей буржуазной массѣ, — угрожай ежеминутно, всегда, и бей въ наиболѣе слабое и наиболѣе чувствительное мѣсто!.. Такъ бей, чтобы все общество, все въ совокупности, рычало отъ боли и ужаса!.. Чтобы оно корчилося и, какъ безумное, металось изъ угла въ уголъ.

У меня мурашки бѣгали по кожѣ и волоса на головѣ шевелились, когда я слушалъ этого безумнаго изувѣра. За его словами уже съ самаго начала чудилось нѣчто дѣйствительно ужасное и небывалое, неестественно отвратительное и вмѣстѣ поражающее силой озлобленія.

А онъ, наклонивъ голову внизъ и заложивъ руки за спину, шагаль по тюремному двору, и не говорилъ, а какъ то шипѣлъ.

— Тутъ не нужно бомбъ, не нужно страшной разрушающей силы, крикливой, громоподобной, тутъ достаточно двухъ пальцевъ...

И онъ, какъ то хищнически выгнувъ руку, показывалъ два пальца, большой и указательный, готовые соединиться и раздавить кого то...

— Давнулъ—и готово! Нѣтъ ни грома, ни треска, ти-иши-ина!—шипѣлъ онъ дальше.—А черезъ полчаса, черезъ часъ весь городъ съ расширенными зрачками стоитъ и съ ужасомъ вращаетъ глазами по сторонамъ... Кто? кто это сдѣлалъ?.. Никто! нѣтъ его!.. но онъ вездѣ, за каждымъ кустомъ на дачахъ, въ городскихъ скверахъ, за каждымъ угломъ въ городѣ, на мостовой, на троттуарѣ, въ уличной толпѣ; онъ прислуживаетъ за столомъ, подаетъ пальто въ швей-

царской, онъ въ вашей дѣтской!.. онъ всюду, бдительно слѣдитъ за вами, безшумно разжимаетъ два пальца и...

Пальцы его разжимаются и сжимаются въ страшномъ движеніи. Я слышу хряскъ дѣтскихъ костей... предо мной встаетъ и корчится безпомощное тѣлице младенца... Я не могу больше слушать и съ ужасомъ убѣгаю отъ своего собесѣдника и начинаю бѣгать изъ угла въ уголъ по тюремному двору.

Но онъ идетъ на перерѣзъ мнѣ и какъ то безшумно, какъ будто не ступая ногами на камни мощенаго двора, бѣжитъ за мной:

— Тутъ не нужно много жертвъ, тутъ не нужно даже крови!.. Ни капли крови и ни одного звука! Тихо... Никого нѣтъ... А маленькое посинѣвшее тѣло съ выкаченными глазами лежитъ въ колыбелькѣ или на пескѣ гдѣ нибудь на дачѣ, въ скверѣ... Одно такое тѣлице и миллионный городъ не будетъ спать цѣлую недѣлю... А тамъ другое... третье, четвертое... десятое!.. Во всѣхъ концахъ города и въ самыхъ наиболѣе безопасныхъ мѣстахъ, помѣщеніяхъ... Засыпаетъ ребенокъ въ дѣтской, въ колыбелькѣ. подъ надзоромъ нянекъ. мамокъ... А тамъ, дальше... родители, прислуга, полный домъ людей!.. Нянька задремала на пять минутъ. или отлучилась въ сосѣдную комнату... всего только на пять минутъ!.. Просыпается или возвращается и... ужасъ. Въ колыбелькѣ трупикъ... язычекъ вывалился, нижняя челюсть отвисла, глазки выкатились!..

— Замолчите! Отстаньте! — кричу я на весь дворъ.

Часовые смотрятъ въ нашу сторону, настораживаются.

А онъ улыбается страшной улыбкой безумнаго человѣка и, вцѣпившись въ мою руку, пронизываетъ меня горящими глазами:

— А! страшно! А вѣдь это только слова! только слова! А если... дѣло? Что... чѣмъ не поступится

буржуазное общество, чтобы избавиться отъ вѣчнаго ужаса за своихъ младенцевъ? Чѣмъ!?—скажите!

Я вырываюсь, убѣгаю и втискиваюсь въ середину между двумя гуляющими товарищами.

Но онъ уже не преслѣдуетъ меня. Онъ какъ будто провѣрялъ на мнѣ силу изобрѣтеннаго имъ ужаснаго террора и когда убѣдился, что нарисованная имъ картина мнѣ не по силамъ, отсталъ и, опустивъ голову, ходилъ уже одинъ до конца прогулки.

Я смотрѣлъ на него и думалъ:

— Что тамъ еще копошится въ этой ужасной головѣ? Какія мысли зарождаются въ его больномъ мозгу?

А на другой день онъ беретъ меня подъ руку и говоритъ:

— А какъ вы думаете: много найдется людей, которые пойдутъ на... такой терроръ... на мой терроръ?

— Ни одного! Никто не согласится! — вырываю я свою руку.

— Почему? — совершенно спокойно спрашиваетъ онъ.

— Потому что никакая свобода не стоитъ... такихъ жертвъ!

— Свобода стоитъ всякихъ жертвъ!—твердо, какъ фанатикъ, заявляетъ онъ.

Въ груди у меня что то поднимается, подступаетъ къ горлу, душитъ меня... Я не могу владѣть собой и кричу во весь голосъ:

— Не могутъ дать свободы люди... которые хладнокровно, ехидно, съ расчетомъ... хватаютъ двумя пальцами младенца... за горло! Не могутъ! Не могутъ!.. И... человѣчество никогда не будетъ свободно, если подобной смертью умретъ, хотя одинъ младенецъ! Такие люди не достойны свободы! Это... это не люди!

— Вы буржуй! — пренебрежительно и со злобой бросаетъ онъ мнѣ.—И всѣ вы буржуи! Очень жалѣю, что мало васъ тиранятъ!

И онъ отходить отъ меня и начинаетъ ходить по двору изъ конца въ конецъ.

Я чувствую себя больнымъ... На слѣдующій день я не выхожу на прогулку. Я боюсь этого ужаснаго человѣка... Я боюсь его разговоровъ; они убиваютъ меня...

И этотъ то ужасный человѣкъ, всего какихъ нибудь три года назадъ былъ земскимъ фельдшеромъ и просиживалъ ночи надъ больными, не по обязанности, а изъ человѣколюбія.

— Замѣчательно добрый человѣкъ былъ! — рассказываетъ его землякъ. — Въ особенности любилъ дѣтей, безразлично, чьи бы ни были дѣти—помѣщика или голоднаго крестьянина. Если боленъ ребенокъ, онъ не отойдетъ отъ него, до тѣхъ поръ, пока за нимъ не придутъ отъ другого больного. А въ свободное время надъ медицинскими книгами и журналами сидѣлъ. Хорошій былъ фельдшеръ, не хуже другого доктора. Всего себя отдавалъ своей профессіи, своимъ больнымъ. Самъ на черномъ хлѣбѣ съ чаемъ, бывало, сидитъ, а жалованье тратитъ на больныхъ крестьянскихъ дѣтей... Костюма не имѣлъ порядочнаго, спалъ на голой лавкѣ въ крестьянской избѣ: подложить подъ голову свой истрепанный сюртучишко и спать. Замѣчательный человѣкъ былъ...

И вотъ что сдѣлали изъ этого замѣчательно добраго человѣка!

Теперь онъ изувѣръ, не знающій никакихъ границъ въ жестокости... какъ онъ не зналъ ихъ, впрочемъ, и въ любви къ страдающему человѣчеству.

ГЛАВА XV.

Я привожу здѣсь эти типы, конечно не ради ихъ выпуклости и оригинальности. Что касается фельдшера, то онъ, можетъ быть, больше боленъ, чѣмъ

оригиналенъ. Но и самая его болѣзнь свидѣтельствуешь о томъ, что въ глубинахъ общества происходитъ нѣкій процессъ, въ результатѣ котораго получаютъ достаточно многочисленныя единицы съ своей особой психологіей, весьма близко подходящей къ психологіи профессиональныхъ воровъ и грабителей.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ въ сущности одно явленіе: мысль, освобожденная отъ оковъ общепринятой морали и презирающая эту мораль, всецѣло направляется въ сторону, изобрѣтенія путей и средствъ къ нанесенію вреда буржуазному обществу, буржуазному строю.

Разница между одними и другими только та, что профессиональные воры ставятъ на первое мѣсто добываніе средствъ къ жизни, а экспроприаторы, приведеннаго нами типа, на первомъ мѣстѣ ставятъ терроризированіе буржуазнаго общества. Но эта разница въ значительной степени стирается, съ одной стороны тѣмъ, что профессиональные воры стараются культивировать въ своей средѣ политическое самосознаніе, ставящее вора въ позицію сознательнаго врага существующаго строя,—а съ другой тѣмъ, что указанный нами типъ экспроприатора и террориста не гнушается экспроприаціей, какъ средствомъ прокормленія.

Иначе говоря, съ одной стороны воры пытаются выступить, какъ политическая группа, сплоченная единствомъ профессиональныхъ цѣлей и интересовъ, а съ другой къ нимъ навстрѣчу идутъ дѣйствительно политическія группы, вводящія въ кругъ своихъ средствъ воровство и грабежъ.

Констатируя этотъ фактъ, профессиональные воры и говорятъ экспроприаторамъ:

— Мы съ вами на одной линіи... Мы такіе же экспроприаторы, какъ и вы.

А часть воровъ, какъ мы видѣли выше, идетъ въ своихъ претензіяхъ и дальше.

— Мы такіе же анархисты, какъ и прочіе.

Но въ дѣйствительности это, конечно, не такъ. Какъ ни стирай границу между тѣми и другими, все же воръ всегда останется воровъ по преимуществу; его профессиональные интересы всегда будутъ главенствовать надъ политическими теченіями, и послѣдніе всегда будутъ приноситься въ жертву первымъ.

Воръ, конечно, всегда будетъ и останется врагомъ буржуазнаго общества, но эта вражда въ своихъ проявленіяхъ имѣетъ свои особенности; она всегда подчиняется и будетъ подчиняться чисто профессиональнымъ задачамъ и интересамъ каждой данной минуты. Это больше паразитизмъ, чѣмъ вражда.

Это мы и видимъ въ дѣйствительности. Не смотря на довольно чувствительные порывы въ сторону политики и анархизма по преимуществу, воровскія корпорации все же остаются рѣзко обособленными отъ остальныхъ даже и экспроприаторскихъ группъ.

И эта обособленность прежде всего сказывается въ фактическомъ консерватизмѣ воровъ. Оставаясь на позиціи профессиональныхъ враговъ буржуазнаго общества, они въ то же время въ политикѣ, въ большинствѣ случаевъ, остаются скорѣе приверженцами абсолютизма, чѣмъ конституціонализма.

Послѣдній въ воровской средѣ далеко не встрѣчаетъ тѣхъ симпатій, какими онъ пользуется въ обывательскихъ массахъ соотвѣтствующаго уровня развитія.

Да и вообще къ парламентаризму вору относятся скорѣе враждебно, чѣмъ сочувственно. Самый умѣренный въ этомъ отношеніи воръ говорить:

— Это не для насъ!

А воръ съ болѣе развитымъ профессиональнымъ чувствомъ заявляетъ:

— Парламентаризмъ не за насъ, а противъ насъ. А поэтому и мы противъ него.

Наши россійскіе вору, конечно, не составляютъ тутъ исключенія. Поскольку историческіе документы упоминаютъ о ворахъ, они вездѣ во время революціи были скорѣе противъ парламентаризма, чѣмъ за него.

Явленіе само по себѣ заслуживающее вниманія, и однимъ невѣжествомъ воровской корпораціи его едва ли можно объяснять. Лично мы думаемъ, что если брать всю массу воровъ, то тутъ дѣйствуетъ профессиональный инстинктъ, говорящій этой массѣ, что конституція и парламентаризмъ ляжетъ на нее несравненно большей тяжестью, чѣмъ абсолютизмъ. Иначе говоря, воровская масса инстинктомъ чувствуетъ, что буржуаправители лучше сумѣютъ охранять неприкосновенность своей собственности, чѣмъ это дѣлаютъ правители-чиновники.

А отдѣльныя личности изъ тѣхъ же воровъ прямо таки понимаютъ, что буржуазный режимъ несравненно жестче для вора, чѣмъ абсолютистскій.

Съ такими личностями мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться въ моихъ скитаніяхъ по Россіи и въ частности по тюрьмамъ. А въ началѣ іюля въ Бутыркахъ меня познакомили съ такъ называемымъ партійнымъ воромъ, т. е. съ однимъ изъ организаторовъ воровскихъ союзовъ.

Я попросилъ его изложить мнѣ программу ихъ «партіи», на что онъ охотно согласился.

— Программа не представляетъ изъ себя ничего особеннаго,—началъ онъ.

Прежде всего, воръ долженъ оставаться воромъ и союзъ покровительствуетъ ему только въ чисто воровской его сущности. А отсюда, и онъ подчиняется союзу и блюдетъ его интересы только въ кругу чисто профессиональныхъ дѣйствій. Словомъ, союзъ не знаетъ людей съ ихъ частной жизнью и частными интересами, а знаетъ только воровъ съ ихъ профессиональными интересами.

— Какую тактику союзъ рекомендуетъ своимъ членамъ въ ихъ политическихъ выступленіяхъ?

— Что вы называете политическими выступленіями?

— Ну... всякое противодѣйствіе, активное, конечно, правительственной власти.

— Но, вѣдь, воръ по самому своему положенію всегда находится въ активномъ антагонизмѣ съ правительственной властью, всякій его профессиональный шагъ есть ничто иное, какъ нападеніе на существующій имущественный строй, на стражъ котораго и стоитъ всякое правительство.

— Да, но это борьба, во первыхъ, до извѣстной степени, разсѣянная, а во вторыхъ, она ведется скорѣе на экономической почвѣ, чѣмъ на политической. Вѣдь, вы, когда воруете или грабите, не предъявляете политическихъ требованій объ измѣненіи, напримѣръ, формы правленія или, хотя бы, объ измѣненіи политики по отношенію къ ворами.

— Что касается измѣненія формы правленія, то такого требованія, надѣюсь, воры никогда не предъявятъ. Разъ рѣчь идетъ только о замѣнѣ одной формы правленія другой, то для насъ абсолютизмъ наиболѣе удобная форма правленія.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто, при конституціи или при республикѣ правительственная власть находится въ рукахъ собственниковъ, т. е. въ рукахъ нашихъ прямыхъ и непосредственныхъ враговъ,—тогда какъ абсолютизмъ удерживаетъ эту власть въ рукахъ нейтральной группы, въ рукахъ чиновниковъ, которые, конечно, не могутъ такъ болѣть интересами собственниковъ, какъ болѣютъ сами собственники.

— И дѣйствительно, исторія и современное положеніе вещей говоритъ намъ, что въ странахъ, гдѣ парламентаризмъ одержалъ верхъ надъ абсолютизмомъ, воры испытываютъ значительно большую тяжесть, чѣмъ, хотя бы, у насъ или въ какой нибудь Турціи. Во Франціи, Англии и Америкѣ воровство почти невозможно; за него приходится расплачиваться слишкомъ дорого, хотя по наружному виду обращеніе съ ворами тамъ болѣе корректное, чѣмъ въ нашихъ участкахъ. Нѣтъ, намъ конституціи не нужно.

— Такъ что если бы вамъ пришлось выбирать между различными партіями, то вы выбрали бы?..

— Анархистовъ, несомнѣнно, но только послѣдовательныхъ, не тѣхъ, которые «временно» готовы примириться и съ конституціей.

— А истинно русскіе люди? Вѣдь они тоже противъ конституцій и парламентаризма.

— Что жъ,—совершенно спокойно отозвался онъ на мой ядовитый вопросъ,—поскольку истинно-русскіе люди противъ конституцій, мы готовы, пожалуй, ихъ поддержать и даже идти съ ними... но поскольку они за собственность и собственниковъ, мы противъ нихъ. Какъ видите, прочнаго единенія тутъ не можетъ быть.

— Да!—согласился я.—Союзъ тутъ даже не безъ комизма. Мнѣ представляется такая картина: союзникъ и воръ идутъ въ ногу и кричатъ: «Долой подлую конституцію!»—и въ то же время воръ запускаетъ руку въ карманъ своего соратника.

— Вотъ! Вотъ!—расхохотался мой собесѣдникъ.—Такъ оно въ дѣйствительности и есть. Мы кричимъ вмѣстѣ съ союзниками: «долой подлую конституцію»,—чтобы удобнѣе и легче посягать на ихъ имущество.

— И они этого простого расчета не замѣчаютъ!

— Ну, знаете, если брать вожаковъ, то, пожалуй, и замѣчаютъ, даже навѣрное замѣчаютъ. А только у нихъ свой, такой же расчетъ. Если мы цѣлимъ на ихъ карманъ, то они, въ свою очередь, цѣлятъ на общенародный карманъ. И, согласитесь, они въ убыткѣ не останутся!

— Сии—да! Но что касается васъ, то, мнѣ кажется, вы не совсѣмъ правильно понимаете свои профессиональные интересы, т. е. понимаете ихъ слишкомъ узко, а поэтому и неправильно.

— Объясните!—спокойно посмотрѣлъ онъ на меня.

— Да тутъ, мнѣ кажется, и объяснять нечего. Если, какъ вы признаете, крикъ: «долой подлую конституцію!»—въ конечномъ счетѣ грозитъ народному карману, то и результатъ можетъ получиться одинъ:

объединеніе массъ, увеличеніе числа бездомныхъ, безработныхъ, а, слѣдовательно, и перепроизводство воровъ и связанная съ этимъ безработица...

— Ха-ха-ха! Ну и придумали же!—расхохотался мой собесѣдникъ.— Безработица! Слышали мы это уже. Не вы первый пугаете насъ этимъ. Но это—чушь! Ерунда! Какая можетъ быть у насъ безработица? Что намъ фабрики что ли нужны? Извѣстное количество мѣсть у машинъ? Или намъ приходится считаться съ потребительной способностью населенія? Ничего этого, вѣдь, нѣтъ въ нашей профессіи! Замковъ и цѣнностей подъ замками хватить на любое количества воровъ: пусть себѣ плодятся—чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ труднѣе съ ними борьба! Нѣтъ, опасность намъ грозить не съ этой стороны, не со стороны обнищанія населенія, а совсѣмъ съ противоположной. Какъ извѣстно, съ поднятіемъ уровня народнаго благосостоянія, совершенствуется и техника, всякая,—а въ томъ числѣ и техника охраны имущества отъ воровъ. Богатствъ много, а взять ихъ нельзя—это обычная картина въ конституціонныхъ странахъ. А потомъ не забудьте и то, что всякая почти конституція ведетъ за собой и обязательное обученіе въ народной школѣ. А это нашъ первый и наиболѣе сильный врагъ. Школа прививаетъ ребенку буржуазную мораль. Человѣкъ же, зараженный заповѣдью: не укради!—можетъ сдѣлаться воромъ только по нуждѣ и на время, пока не представится возможность встать подъ крылышко буржуазнаго строя. Конституція? Нѣтъ, намъ не нужно никакихъ конституцій!

— Но, судя по вашимъ словамъ, вамъ вообще, кромѣ абсолютизма, ничего не нужно. Это наиболѣе теплый для васъ строй.

— Ну, не скажите. Абсолютизмъ для насъ лучше конституціи, но чтобы мы чувствовали себя при немъ хорошо, удовлетворенно болѣе или менѣе,—этого, конечно, вы не можете думать.

— Но, тогда я не понимаю...

— А между тѣмъ, это такъ понятно; нѣтъ хорошаго, такъ изъ плохого выбираемъ менѣе плохое, изъ двухъ золъ меньшее.

— Но почему непременно нужно замыкаться въ кругу профессиональныхъ интересовъ? почему не примкнуть къ трудящимся классамъ?

— Потому что наши профессиональные интересы есть въ то же время и наши классовые интересы. И примкнуть къ другимъ, это значитъ оставить свой классъ и уйти въ другой. Не полагается, какъ извѣстно, этого, да и невозможно. Иначе съ такимъ же успѣхомъ и рабочимъ можно бы было предложить не замыкаться въ своихъ профессиональныхъ интересахъ и перейти въ классъ капиталистовъ. Это теченіе, какъ вамъ извѣстно, и есть, какъ у насъ, такъ и у рабочихъ, но оно вызываетъ только рознь и симпатіями класса не пользуется,—и совершенно справедливо.

— Однако, вы не будете отрицать, что въ послѣднее время, въ особенности въ тюрьмахъ, были совмѣстныя выступленія воровъ съ политическими заключенными.

— Были. Но это вовсе не значитъ, что мы идемъ за ними. Нѣтъ, иногда мы идемъ съ ними, но не далѣе того пункта, до котораго ведутъ насъ наши интересы. У заключенныхъ политическихъ и уголовныхъ есть общіе чисто тюремные интересы, они и выступаютъ совмѣстно для защиты этихъ интересовъ. И тутъ скорѣе мы используемъ силу политическихъ, чѣмъ они нашу. Какъ никакъ, а они въ тюрьмѣ временные обитатели. Кончится революція, и они уйдутъ изъ тюрьмы, а добытыя ими улучшенія, какъ, наприкладъ, баня, постельное бѣлье, металлическая посуда, вмѣсто деревянной, усовершенствованныя парашки, вентиляція и пр.,—все это останется намъ, постояннымъ обитателямъ тюрьмы. Значитъ, они на насъ работаютъ, а не мы на нихъ.

— Но тогда, скажите, при чемъ тутъ,—не въ тю-

ремныхъ выступленіяхъ, а вообще,—при чемъ рѣчи объ анархизмѣ?

— Анархизмъ—это совсѣмъ другое дѣло. Заявляя себя анархистами, мы тѣмъ самымъ говоримъ буржуазному обществу: «Пока существуете вы и вашъ строй, будемъ существовать и мы, враги вашего строя. Уйдете изъ жизни вы съ вашимъ строемъ, уйдемъ и мы»... Послѣдовательно, надѣюсь?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Простите! Но прежде чѣмъ отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, разрѣшите мнѣ задать вамъ два три вопроса?

— Сдѣлайте одолженіе! — галантно раскланялся онъ, какъ человѣкъ, чувствующій подъ собой твердую почву.

Прежде всего, какъ вы думаете: наступленіе анархій, какъ строя будущаго, противорѣчитъ интересамъ рабочихъ?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Значитъ, они естественные враги капитализма?

— Конечно.

— А врагъ моего врага, кажется долженъ быть мнѣ другомъ. Однако вы, воры, не хотите итти рука объ руку даже и съ рабочими-анархистами.

— Что же вы этимъ хотите сказать?

— Я этимъ хочу сказать, что вы, повидимому, неправильно называете себя врагами капитализма.

— Что же, по вашему, мы друзья капитализма и капиталистовъ?

Насмѣшливо обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, не друзья, но и не враги, а паразиты капитализма.

— Вотъ какъ!..

— Мнѣ кажется, что такъ. И въ качествѣ паразитовъ вы, конечно, исчезнете вмѣстѣ съ патронирующимъ васъ «организмомъ»...

— Пусть такъ. Но это нисколько не мѣняетъ нашей позиціи, паразиты ли мы, враги ли.

— Простите, но въ такомъ случаѣ слова объ общественной пользѣ совершенно лишнія слова.

— Общественная польза есть ничто иное, какъ польза данной группы людей или класса. Въ такомъ смыслѣ всѣ употребляютъ эти слова. Капиталистъ, когда говоритъ объ общественной пользѣ, имѣетъ въ виду пользу капиталистовъ, рабочій—пользу рабочихъ, крестьянинъ — пользу крестьянъ. Почему отъ насъ вы требуете большаго?

— Видите ли, я во первыхъ, не совсѣмъ согласенъ съ вашимъ пониманіемъ общественной пользы. Тутъ требуется значительная поправка. Но оставимъ это. Я главное, хотѣлъ сказать вамъ, что въ вашей же средѣ слышалъ на этотъ счетъ совсѣмъ другія рѣчи.

И я передалъ ему кратко свои разговоры съ Андреемъ Ивановичемъ и другими.

— А! Это утописты! Есть среди насъ такіе, какъ и вездѣ. Наши союзы ведутъ съ ними борьбу; мы признаемъ ихъ настроеніе прямо враждебнымъ намъ, какъ классу. Ихъ утопіи, ихъ стремленіе сдѣлать изъ воровъ-героевъ самопожертвованія, передовыхъ бойцовъ революціи, ничего, кромѣ розни, въ массу не внесутъ.

— Объясните.

— Извольте. Во первыхъ, героемъ можетъ быть не всякій, а только нѣкоторые и, притомъ же, не многіе. Уходя изъ своей группы на арену героизма, эти немногіе создаютъ, однако, извѣстное настроеніе въ остальной массѣ, стремленіе пойти туда же, за ними. А мѣсто, которое всѣ стремятся покинуть — непрочное мѣсто, это корабль, давшій уже течь. Съ такимъ враждебнымъ группѣ движеніемъ, согласитесь, мы не можемъ мириться. Это во-первыхъ. А во вторыхъ, это движеніе не только вредно намъ, но и утопично само по себѣ. Подъ ними нѣтъ твердой

почвы; оно всецѣло опирается на настроеніе и только на настроеніе, созданное героическими выступленіями революціонеровъ. Вѣдь если даже допустить, что завтра за ними пошли всѣ наличные воры, всѣ вошли въ составъ группы анархистовъ экспроприаторовъ, — что же изъ этого получится? Не будетъ воровъ-профессіоналовъ? Но вѣдь капиталистическій строй ежедневно выбрасываетъ на улицу все новыя и новыя массы людей, которымъ только одна дорога — воровская дорога!..

— Но вы забываете, что они рассчитываютъ на успѣхъ, рассчитываютъ опрокинуть капиталистическій строй.

Мой собесѣдникъ расхохотался.

— Простите, но это смѣшно: воры, опрокидывающіе капитализмъ?!

Новые титаны!.. съ старой избитой въ кровь, заплеванной физиономіей!

Нѣтъ!.. Мечтать, конечно, обо всемъ можно. Но мечты—это одно, а серьезное дѣло—это другое.

— А ваши союзы вы считаете серьезнымъ дѣломъ?

— Полагаю.

— А мнѣ кажется—вы такіе же утописты, какъ и тѣ, только на другой ладъ,—и изъ вашихъ союзовъ тоже ничего не выйдетъ.

— Поживемъ, увидимъ.

ГЛАВА XVI.

Относительно воровскихъ союзовъ въ средѣ самихъ воровъ существуетъ далеко не одно мнѣніе. Мы уже видѣли, что если Андрей Ивановичъ смотритъ на союзы, какъ на первоначальныя ячейки анархистскихъ коммунъ, то «партийный воръ» относится къ нимъ, какъ къ чисто профессиональнымъ организаціямъ, призваннымъ и существующимъ для достиженія чисто

профессиональных цѣлей. Андрея Ивановича и его сторонниковъ онъ называетъ утопистами, бесплодными мечтателями, даже вредными для единства воровской корпораціи.

Но и этимъ разница взглядовъ еще не исчерпывается. Существуетъ еще третья группа воровъ, которые берутъ за одну скобку обѣ предыдущія группы и одинаково считаютъ и ту и другую утопичными и вредными.

Эти высказываются вообще противъ союзовъ и какихъ либо массовыхъ организацій. По ихъ мнѣнію въ воровской профессіи группировка возможна только вокругъ отдѣльныхъ лицъ, какъ это и было до сихъ поръ. Мелкія единицы группировались вокругъ болѣе крупныхъ талантливыхъ, которые и являлись въ роли атамановъ-руководителей такихъ группъ.

— Въ такомъ случаѣ,—говорятъ они,—подборъ группы совершается естественно, при чемъ вполне возможно уберечься отъ вступленія въ группу сыщика. Такая группа живетъ тѣснымъ, маленькимъ кружкомъ и знаетъ и видитъ каждый шагъ cadaго своего члена.

Эти чисто цеховые ячейки съ талантливымъ и опытнымъ «мастеромъ» во главѣ, по мнѣнію ихъ сторонниковъ, удовлетворяютъ всѣмъ запросамъ воровской профессіи. Молодой воръ, вступая въ такую «мастерскую», одновременно и учится «ремеслу» и находитъ необходимую помощь со стороны товарищей. Что касается «эмиграціи» на территорію другого города, чтобы избавиться отъ преслѣдованія «знакомыхъ» сыщиковъ, то до извѣстной степени это существовало и раньше. Главари группъ всегда поддерживали сношенія съ такими же главарями группъ другихъ городовъ, и переѣзды устраивались нерѣдко.

Союзъ же, въ широкихъ масштабахъ, имѣетъ то неудобство, что въ него очень легко пробраться сыщику. Не гарантированъ союзъ и отъ измѣнъ своихъ сочленовъ. И въ результатѣ можетъ случиться, что

будутъ проваливаться цѣлыми союзами. т. е. цѣлымъ составомъ воровъ даннаго города. А если пробравшійся въ союзъ сыщикъ умѣло поведетъ дѣло, то захватягъ сразу и нѣсколько союзовъ, Словомъ, возможны грандіозные разгромы, и очень легко возможны.

Теперь пока этого нѣтъ, такъ какъ настроеніе у союзниковъ очень высокое, приподнятое и измѣнъ можно не бояться. Но войдетъ все въ обычную, будничную колею, и на сцену выступятъ всѣ отрицательныя стороны массовыхъ конспиративныхъ организацій.

А тутъ этихъ отрицательныхъ сторонъ должно быть несравненно больше, чѣмъ во всякой другой конспираціи.

— Конспирація держится на нравственности,— заключаютъ свое мнѣніе противники союзовъ. — А тутъ полное отсутствіе нравственности; оно, это отсутствіе нравственности, воспитывалось въ насъ въ интересахъ нашей же профессіи.

— А классовая, профессиональная солидарность, на которую и рассчитываютъ организаторы союзовъ?

— Эхъ! оставьте, пожалуйста! Знаемъ мы эту нашу профессиональную солидарность! До первой кости она крѣпка.

Это, несомнѣнно, консерваторы воровской корпорациі. Но не смотря на ихъ консерватизмъ и ясную привязанность къ старымъ формамъ общежитія, намъ кажется, что они въ своихъ конечныхъ выводахъ не далеки отъ истины. Скептицизмъ ихъ понятенъ и законенъ уже потому, что воры, какъ группа, по самому существу своему такой матеріаль, изъ котораго, по поговоркѣ, «конфетку не сдѣлаешь».

Какъ паразиты, они существуютъ и могутъ существовать постольку, поскольку патронирующій ихъ организмъ неспособенъ пообчиститься. Это, инстинктивно, и улавливаетъ «партійный воръ», когда говорить, что абсолютизмъ наиболѣе благопріятенъ для воровъ. Государственный организмъ тутъ находится въ

III-145

такомъ состояніи, что у него не хватаетъ силы и способности счистить съ себя облѣпившихъ его со всѣхъ сторонъ паразитовъ всевозможныхъ видовъ. А въ томъ числѣ и борьба съ профессиональнымъ воровствомъ ему тоже не по силамъ.

Состояніе безсилія организма, какъ извѣстно, наиболѣе благоприятный моментъ для развитія и размноженія паразитовъ.

